

ТАЙЛЕР МЕРСЕР

ОКУНИСЬ В АТМОСФЕРУ УЖАСА

Ты ничего не сможешь сделать. Поверь. Я пыталась. Многие из нас сопротивлялись на старте.
Мы считали, что сумеем с ним справиться. Сможем одолеть бога.
Нельзя победить бога...

АМДРКОРД СМЕРТИ

У КАЖДОГО СВОЙ АД В ДУШЕ
И НАЗЫВАЕТСЯ ОН "ПАМЯТЬ"

В ЭТОМ МИРЕ... ЭТОТ МИР ПОЛОН НАС СЕБЯ РАДИ. ТОЛЬКО ЭТО СПОСОБНО ЭТО СДЕЛАТЬ. ЭТОС ОН НАШ СУДЬ. ПАЛАЧ. ОТНУ БОС
ВЫЖИВАЕТ САМЫХ КУДЯЩИХ. ВО ПРИРАТЯЕТСЯ В АД... И ПОПРАЕТЕ. ОНО ВАСИВЕТ... ПЫЛАЮЩИ, КАК КОРИЦА. В ЭТОМ МИРЕ ОН — ВСЕ.
ЭТО ОН. ОН ВЕЩА МИН НА ПИЩА МЕЛКИЕ НАСЧЕТОК...
КОТОРЫЕ ДОЛЖАЮТ ДО ЭТО МИН. ДАКА ОН ЭТО ПОЗНАЮЕТ.

18+

Тайлер Мерсер

Амаркорд смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67334499

SelfPub; 2022

Аннотация

«НЕБО» – инновационный проект, готовый совершить революцию. Виртуальный мир, к которому можно подключить свое сознание. Место, где нет ни болезней, ни страданий. Настоящий рай. Но на финальном этапе тестирования произошел сбой. Люди, погруженные в установку, начали умирать один за другим. Пропала обратная связь. В «НЕБО» можно попасть, но выбраться из него есть шанс лишь у единиц.

Для того чтобы разобраться, что же там произошло, нужен человек, обладающий определенной психикой – эгоцентрист с психопатической патологией. Именно такая личность, находясь внутри «НЕБА», будет наименее подвержена влиянию компьютера на свой разум. Нужный кандидат найден. Но есть одна проблема: он серийный убийца, приговоренный к смертной казни...

И приговор вот-вот осуществится.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	13
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	71
Глава 6	85
Глава 7	96
Часть 2	106
Глава 8	107
Глава 9	117
Глава 10	137
Глава 11	153
Глава 12	180
Глава 13	192
Часть 3	202
Глава 14	203
Глава 15	223
Глава 16	240
Часть 4	259
Глава 17	260
Глава 18	278

Глава 19	287
Глава 20	314
Эпилог	340

Тайлер Мерсер

Амаркорд смерти

Пролог

– Приехали, – сказал пожилой таксист.

Гидеон Хилл достал из внутреннего кармана пиджака потертый бумажник и расплатился с водителем. Выйдя из машины, Хилл поправил растрепанные седые волосы и хлопнул за собой дверь. Сердце гулко стучало в груди. Он здесь, а значит случилось что-то ужасное.

– Детектив! – крикнул молодой патрульный, идущий навстречу.

– Да-да, – Хилл махнул рукой.

Совсем не так Гидеон собирался провести этот вечер...

В духовке пеклась сочная индейка, приготовленная по новому рецепту из журнала «Для настоящих холостяков». На кухонном столе дожидался очередной бокал любимого вина. В комнате на диване прыгала озорная дочурка, размахивая пультом от телевизора. Кара, как и ее отец, обожала субботние вечера! Ведь именно в это время они могли спокойно поужинать вместе и посмотреть заранее обговоренный фильм. Быть нормальной семьей. Кидаться в друг друга чипсами, смеяться, вспоминать маму, разглядывая ее фотографии в

альбоме.

Увы, этот вечер был испорчен.

Телефонный звонок разрушил идиллию отца и дочери. Черные руки нанес очередной удар. Серийный убийца, за которым Гидеон Хилл охотился последние месяцы, вновь дал о себе знать. И судя по тому, что детектив услышал по телефону, зрелище на месте преступления его ожидало на редкость красочное. Впрочем, ничего удивительного. Что касалось мизансцен – в этом маэстро Черные руки превзошел всех своих одноклубников по убийствам.

Позвонив сестре и попросив ту присмотреть за дочерью несколько часов, Гидеон оставил Кару и поехал на адрес.

Стоя рядом с местом преступления, Хилл всматривался в побелевшее лицо патрульного, идущего к нему навстречу, а сам вспоминал обиженный взгляд дочери. Кара перестала прыгать на диване, выбросила в сторону пульт и, демонстративно топая ногами по полу, ушла в свою комнату. В этот момент Гидеон хотел провалиться под землю. Что он за отец-то такой? Возможно, стоит бросить все это? Устроиться в охрану, работать по нормальному графику и больше никогда не видеть зверств, которые учиняют ублюдки вроде этого сумасшедшего убийцы с пресловутым прозвищем «Черные руки».

Маньяк орудовал по всему округу Глум-Сити. Подыскивал себе в жертвы семьи. Следил за ними. Изучал их графики, поведение. В самый неожиданный момент наносил удар.

От всепоглощающей ярости Черных рук уйти не удалось никому. На совести этого чудовища было уже четыре нападения. Четыре женщины, четверо мужчин и четыре ребенка. Находить задушенные трупы детей с черными следами от рук на шее для Гидеона стало самым сложным занятием в жизни.

Детектив Хилл сотню раз хотел отдать дело кому-то другому. Черт, да он бы отвесил низкий поклон федералам, если бы они забрали у него это проклятое расследование. Но, видимо, Черные руки знал, как работает система. Убийца никогда не нарушал границ. Все его преступления были совершены в рамках одного округа. Именно поэтому ФБР отклоняли запрос. Среди коллег-копов братья за эту грязь никто не хотел. Товарищи лишь сочувственно кивали головами, понимая, какое дерьмо приходится разгребать пожилому детективу.

С каждым новым эпизодом сил у Гидеона оставалось все меньше. Ни зацепок, ни свидетелей. Ничего... Черные руки, словно чертов призрак, возникал из ниоткуда и пропадал в никуда.

– Привет, Микки, – Хилл поздоровался с патрульным. – Все хреново? Это опять он?

– Да, детектив, – ответил полицейский. – Правда, в этот раз есть кое-какие изменения.

– Надо же, – Гидеон почесал заросшую седую бороду. – Пошли, посмотрим...

Таксист привез Хилла в один из элитных районов города. Люди тратили огромные суммы денег, чтобы купить себе здесь жилье. В этом месте богачи хотели уберечься от черной стороны Глум-Сити. Города, погрязшего в криминале, насилии и всем прочем. С каждым днем жить здесь становилось все страшнее. Видимо, даже эти районы не могли гарантировать спасения.

Гидеон часто читал отчеты полиции. Действительно, не мегаполис, а помойка, которой заправляют преступники. Как с этим справиться Хилл не знал. После смерти комиссара Фрэнка Чейза все полетело к чертям... Больше некому было держать уголовников и продажных копов в ежовых рукавицах.

– Почему на такси? – спросил Микки, провожая детектива до входной двери дома.

Гидеон повернулся в сторону патрульного и коротко дыкнул в него парами красного полусладкого.

– Понятно... Оторвали от ужина?

– Именно. Как же меня задолбал этот урод, – буркнул Гидеон.

– Не переживайте, детектив. Рано или поздно Черные руки обязательно попадетсЯ. Нельзя быть идеальным всегда.

– Твои бы слова, Микки, да богу в уши.

Полицейские зашли в дом. Гидеон не сомневался, что интерьер помещения будет под стать шикарному фасаду, что он наблюдал снаружи. Картины в резных рамках висели на сте-

нах. Огромные просторные комнаты. Камин посреди гостиной. Здоровенный кухонный стол с остатками ужина и недопитыми бутылками вина, о которых Хилл мог только мечтать. Но, несмотря на все это, находиться здесь совершенно не хотелось. Всему виной был устоявшийся металлический запах крови.

– Привет, Гидеон, – к детективу подошел мужчина в белом комбинезоне.

– Здравствуй, Лео, – поздоровался Хилл.

Лео Стерн был главой криминалистов. Этот человек знал свое дело как никто другой. Если на месте преступления работает Лео, то каждая деталь будет зафиксирована и представлена в отчете в самом надлежащем виде.

Стерн стянул с головы капюшон комбинезона и протер кончиками пальцев высокие залысины на лбу.

– Все плохо? – спросил детектив.

– Даже хуже, – почти шепотом ответил Лео.

– Показывай...

Криминалист провел Хилла в центр гостиной и указал на труп женщины. Бедняжка сидела на полу. Руки убитой были прикованы к металлической ножке стула у нее за спиной. На вид жертве не более сорока. Явно следила за собой: стройная фигура, минимум морщин, длинные шелковистые волосы. Гидеон даже не спрашивал, от чего она умерла – сердечный приступ: – убийца каждый раз выбирал семьи, в которых у женщин имелись проблемы с сердцем. Рядом с убитой

лежало с десятков снимков «Полароида». Каждое фото показывало изображение ее мужа. Детектив знал, что это он. В других случаях всегда было аналогично.

На одном из снимков черноволосый мужчина, прикованный к трубе в ванной комнате, выглядел собранным и смелым. В его взгляде читался вызов. Этот человек явно не привык быть жертвой. Очерченные скулы, голубые глаза: вся его поза буквально источала напор и сопротивление.

Следующий снимок разительно отличался. Лицо, снятое крупным планом, перестало сверкать смелостью. Казалось, человек с прошлой фотографии куда-то исчез. Стерся. Детектив каждый раз поражался столь сильным переменам. Черные руки знал, как показать свою модель с разных ракурсов. В этом он преуспел лучше самых элитных фотографов мира.

У Гидеона екнуло сердце, когда он взял в руки еще один снимок.

Судя по тому, какие увечья получил бедняга, Хилл видел весь ужас сложившейся ситуации. Изрезанные ребра с глубокими кровоточащими бороздами, перебитые коленные чашечки и отсутствующие пальцы на правой руке: глава семейства рыдал от боли и безысходности. Гидеон был уверен, что ни один человек на этой проклятой планете не смог бы пройти через нечто подобное и в итоге не превратиться в маленькую девочку, молящую о пощаде.

– Вот, – криминалист протянул следующий снимок. – Пе-

реломный момент.

На фото мужчина рыдал кровавыми слезами. Крупные красные капли текли по разбитому лицу, словно мироточение на иконах. Детектив не мог упрекнуть убитого, ведь, глядя на то, во что превратилось его тело, Гидеон Хилл сам хотел разразиться слезами. Настолько все это выглядело омерзительно.

Да, действительно, в этот раз Черные руки превзошел себя. Ублюдок учится. Становится все лучше и лучше. Сколько боли и страданий вытерпел глава семейства! – Гидеон увидел и работу паяльной лампы и следствия от ударов топора. Венцом искусства боли Черных рук стали мелкие полоски скальпеля по всей груди жертвы. Наверняка скальпель. Слишком ровно и мелко, подумал детектив.

Следующие снимки показывали то, на что нормальный человек смотреть никогда бы не стал. С каждым новым изображением муж женщины становился все больше похож на кусок истерзанного мяса.

Последним штрихом стали до боли знакомые отпечатки черных рук на шее убитого. Преступник всегда приносил с собой сажу для последнего аккорда казни: удушение главы семейства. Когда Черные руки показывал крайний снимок жене покойного, та умирала от сердечного приступа. В том случае, если этого не происходило, ублюдок душил ребенка женщины на ее глазах.

Лишь в одном из эпизодов мать умерла насильственной

смертью. И что-то подсказало: это было потому, что маньяк пробовал свой зверский опыт впервые. Набивал руку, так сказать.

– Господи, – прошептал Гидеон, возвращая снимки криминалисту, смотря на лицо умершей от горя женщины.

Детектив глянул по сторонам, прищурился. Окинув мрачным взглядом гостиную, Лео Стерна и патрульного, Гидеон спросил:

– А где тело ребенка?

– В этом-то вся и загвоздка, Хилл, – отозвался Лео. – У семьи покойных есть отпрыск. Мальчик. Зовут Грэм. Тринадцать лет. Но его нигде нет. Ни следов крови, ни чего-либо еще...

– Лео, ты хочешь сказать, что Черные руки похитил парня? – ужаснулся детектив.

– Да, Гидеон. В этот раз Черные руки забрал с собой трофей.

Часть 1

Шрамы имеют власть над людьми, они напоминают нам, что прошлое реально.

(С) Кинофильм «Красный дракон».

Глава 1

Я не знаю, что он во мне нашел. Возможно, то, что я не заплакал и не попытался убежать: наверняка все остальные дети поступали именно так. Не стал кричать как маленький мальчик, кем я, собственно, и являлся. Не забился в дикой истерике, умоляя отпустить родителей.

К нам в дом пришел человек и методично с особой жестокостью начал убивать всю мою семью. Маму приковал к стулу, папу отвел в другую комнату. Что с ним произошло дальше? – остается только гадать. Я же лишь слышал душераздирающие крики. Видел танцующие тени в мелкой щели света под дверью, за которой смерть расправляла крылья. Затем из этой щели потекла густая лужа темной крови. До сих пор помню, как она медленно приближалась к моим ногам, словно дикий хищник, подкрадывающийся к жертве.

Мама обливалась слезами, пытаясь высвободить руки. Она слышала предсмертные хрипы папы. Ее лицо выражало самое настоящее отчаяние... сломленность. Кем бы ни был тот человек с черными руками, он свое дело знал. Это меня и удивило.

Я не испугался. Не был ошарашен как мама. Я просто сидел в углу и смотрел на происходящее с широко открытыми глазами. Ждал своей очереди. Гадал, какая же участь уго-

тована мне? Но к великому удивлению, после того как человек с черными руками покончил с родителями и подошел ко мне, явно намереваясь завершить свой кровавый ритуал, делать этого он не стал. Вместо измазанных пальцев, сожженных у меня на шее, я увидел раскрытую ладонь. Ладонь, означающую приглашение.

Я не знаю, что он во мне нашел. Возможно, то, что я не заплакал и не попытался убежать. Не стал кричать как маленький мальчик. Не забился в истерику, умоляя отпустить родителей. А возможно то, что в моих глазах человек с черными руками увидел слабую тень самого себя.

Это утро для Кары Хилл оказалось на редкость поганым. Острая головная боль дала о себе знать прежде, чем Кара открыла глаза. Во рту пересохло. Шея затекла так сильно, что было страшно пошевелиться. Проведя пальцами по опухшим векам со вчерашним макияжем, Кара попыталась перевернуться на спину и с ужасом обнаружила, что ее тело во что-то уперлось.

– Что за?

Хилл мгновенно позабыла о головной боли. Вскочив с кровати, женщина осмотрелась по сторонам. Чужая холостяцкая квартира, повсюду разбросанные вещи: как ее – Кара узнала свой лифчик и джинсы, – так и чьи-то другие. Мужские. Причем мятая рубашка, валяющаяся на полу, была такого огромного размера, что в нее мог спрятаться слон.

Так и оказалось...

На кровати, с которой секунду назад спрыгнула Кара, спал крупный чернокожий мужчина с волосатой спиной. Половина его голой задницы выглядывала из-под белой простыни. На плече незнакомца красовалась татуировка в виде розочки. Цветная татуировка. Хилл обожала рисунки на теле – у нее у самой было несколько штук, – но этот глупый цветочек на таком огромном мужчине выглядел максимально неуместно. Кару чуть не вырвало, когда она сложила два и два.

Неужели она и он? Всю ночь...

– Вот дерьмище, – тихо прошептала Хилл.

Передвигаясь на цыпочках, она собрала свои разбросанные вещи, оделась и уже собиралась уходить, как заметила движение. Здоровяк перевернулся на кровати. Потянулся, словно заспанный кот. Простынь скатилась с массивного тела, оголив все прелести мужского достоинства. Яркий солнечный свет из окна лишь сильнее подчеркивал те места, на которые в трезвом уме Кара никогда бы не позарилась.

– Детка, ты проснулась, – прохрипел мужчина.

Хилл ничего не ответила. Подойдя к входной двери, она стала обувать ботинки.

– Уже уходишь? Может, сделаем еще один заход? Тут осталась парочка, – крепыш демонстративно покрутил в пальцах несколько презервативов. – Вчера вечером ты обещала мне использовать их все.

Прохладная ладонь Кары опустилась на покрасневшее лицо. Хилл хотела провалиться под землю. Оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Неужели одинокая посиделка в баре закончилась вот этим?

Кара планировала выпить несколько бутылок пива, снять стресс перед завтрашней казнью Грэма Сайлента – серийного убийцы, которого наконец-то удалось поймать и, после громкого разбирательства в суде, отправить в газовую камеру. Мерзавец изводил ее так долго, что Кара уже потеряла счет времени. Хилл смертельно устала от всех этих бюрократических моментов! От постоянных звонков репортеров, от вопросов отца – человека, которому вообще нельзя нервничать в его то положении. За последние месяцы на Кару столько навалилось, что нервы начали сдавать. Но то, что несколько бутылок пива могут перерасти в это огромное нечто, размахивающее членом? – к такому повороту событий Хилл готова никак не была.

– Ну так что? – подытожил здоровяк, положив руку себе на промежность.

Он вальяжно поднялся с кровати и подошел к Каре. На лице играла довольная улыбка.

– Ну что ты? Давай... вчера ты была более раскрепощенная, – громила протянул руку в сторону Кары и женщина мгновенно сработала на инстинктах.

Схватив его за указательный палец, Хилл выгнула кисть мужчины под таким углом, что тому ничего не оставалось,

кроме как повалиться на пол. Пальцы хрустнули. Здоровяк пискнул, словно девчонка. Кара уперлась подошвой ботинка в его горло и приперла к полу.

– Еще раз попытаешься меня тронуть, и я тебе трахею сломаю, – прошипела Хилл, сильнее надавив ногой на шею. Взглянув на сморщенный пенис своего горе любовника, она добавила: – Руки есть, не пропадешь.

Лишь оказавшись на лестничной площадке Хилл смогла вдохнуть полной грудью. Больше всего она боялась, что эта образина выбежит из своей квартиры и продолжит домогательства. Бить здорового кабана желания не было совсем. Да и голова по-прежнему гудела. Нет, с алкоголем нужно завязывать. Еще одного такого случая Кара не переживет.

В кармане кожаной куртки завибрировал мобильник.

– Детектив Хилл, – ответила Кара.

– Здравствуйте, Кара, – прозвучал спокойный мужской голос. – Это доктор Моралес. Вам нужно срочно приехать в больницу. Вашему отцу стало хуже.

Роскошный номер люкс в самом дорогом отеле Глум-Сити, шикарное вечернее платье, бутылка шампанского за несколько тысяч долларов: разве ни к этому стремится большинство людей?

Сара Пэйн была отнюдь не из них. Все эти блага являлись лишь придаточным бонусом к тому, что она желала воплотить в жизнь. Проект Сары стартовал много лет назад. Шел

со скрипом и паузами. Почти никто в него не верил. На определенном этапе вера начала покидать и саму Сару. Но в итоге, все получилось...

Сара надела платье. Поправила волосы, несколько часов назад старательно уложенные одним из самых известных стилистов. Налила себе бокал шампанского. Вскоре ей нужно спуститься вниз. Стать главным действующим лицом мероприятия, на котором будет объявлено о том, что проект «НЕБО» выходит на финальный этап тестирования. Если все пойдет по плану, то уже через полгода любой человек на этой планете сможет получить второй шанс. Сможет попасть в место, где нет ни болезней, ни страданий. Нет несправедливости.

Инвалиды, больные на пороге смерти, старики, уставшие нести тяжесть своего брэнного тела! – все эти люди смогут подключить разум к «НЕБУ» и обустроить свой мир так, как этого желают именно они. Поистине самое грандиозное открытие человечества. Мир без границ. Мир, где каждый сможет обрести счастье. Если рай и существует, то врата в его чертоги раскроет именно Сара Пэйн. Ее имя останется на века.

Имя женщины, которой удалось обойти бога.

– Да ладно тебе, Барри, – крикнул Даг Перси. – Сыграем еще разок. Никуда эти ублюдки вонючие не денутся.

Барри Пеппер бросил карты на стол, допил остатки кофе

из кружки с изображением его семьи и поднялся со стула.

– Перси, – сказал Барри, поправляя свою форму надзирателя. – Этим людям осталось жить всего ничего. Прояви хоть немного уважения.

– Нет, вы его слышали? – обратился Перси к коллегам. – Прояви уважение. Эти твари – убийцы, насильники и бог знает, кто еще. Уважение? Да у меня больше уважения к сортирному ершику, после того как с ним поработает Билли, – Перси кивнул в сторону уборщика, моющего шваброй пол в комнате отдыха персонала, – чем к этим отбросам. Всех их в газовую камеру. Была бы моя воля, я бы сам нажимал на кнопку, а потом смотрел в их молящие о пощаде рожи.

Барри окинул коллег взглядом. Все, как один, поддакивали Дагу Перси. Смысл спорить? Большинство этих парней не проработали здесь и пары лет. Легко судить, не зная деталей.

Пеппер находился в должности тюремного надзирателя блока для смертельно осужденных уже почти десятилетие. За это время бывало всякое. Как бы профессионально Барри ни относился к своей работе, но случалось, что он сблизился с заключенными. Не все из тех, кого собирались засунуть в газовую камеру, были отморозенными убийцами. Встречались и достаточно достойные люди, на чью долю волей судьбы выпала плохая карта.

Как-то раз в этом блоке отбывал срок мужчина, который в итоге был казнен, но спустя буквально несколько недель открылись факты по делу, полностью опровергающие его ви-

ну. Барри хорошо помнил тот случай. На протяжении долгих месяцев разбирательств заключенный плакал каждую ночь и молил бога о спасении. Он клялся, что ни в чем не виноват, но Барри в то время, как и Даг Перси сейчас, смотрел на него свысока, будучи уверенным в том, что он оказался здесь полностью заслужено.

Да, за годы своей работы Барри Пеппер встречал разных заключенных, как приятных людей, так и совершенно безумных зверей. Но всех их объединяло одно: они боялись смерти. Какими бы внешне смелыми ни пытались выглядеть смертники, Пеппер читал страх в их глазах. Он отчетливо его видел.

Барри и представить себе не мог, что должно твориться в голове человека, сидящего за этими стальными прутьями. Просыпаться каждое утро с мыслью о том, что твои дни сочтены. Засыпать с видением того, как тебя засунут в пустую холодную камеру, с грохотом закроют двери и впустят туда смертельный газ. Вертеть в воображении сцену собственной смерти. Изо дня в день, каждую минуту, каждую секунду своего бытия. По ночам видеть кошмар за кошмаром.

Такой участи и врагу не пожелаешь, считал Барри.

– Пойду на обход, – сказал Пеппер, коротко кивнув Перси и остальным коллегам.

– Ага, – буркнул Даг. – Передавай привет. Скажи, я скоро приду, спеть им песенку на прощание. А еще я нассал им в чай! – коллеги Перси разразились хохотом.

Да, Барри встречал разных людей, но каждый раз, когда он проходил мимо камеры Грэма Сайлента, его пробирал холодный пот. Нет, заключенный Сайлент не обладал свирепым нравом или устрашающей внешностью. Тридцать лет, довольно моложавый мужчина с темными волосами: одна из прядей вечно закрывала его правый глаз. Но, смотря в это продолговатое лицо с легкой щетиной, Барри всегда находил внутри себя точный ответ: если кто и достоин смертной казни, так это Грэм!

В том, что заключенный Сайлент серийный убийца, за которым полиция бегала ни один год, сомнений не было никаких. Этот человек – чудовище. Наконец-то, маньяк пойман. Теперь горожане могут спать спокойнее.

– Барри, – отсалютовал Сайлент, принимая упор лежа в своей тюремной камере.

Пеппера даже передернуло от неожиданности. В это позднее время в блоке смертников спали даже самые буйные заключенные. Барри знал, что Грэм Сайлент мало спит. Ему хватало всего несколько раз в сутки прилечь на койку и подремать не больше двадцати минут. Все остальное время он упражнялся, читал книги или просто стоял в углу, спрятав лицо в тени. Но когда это самое лицо показывалось на свет, Барри Пеппер видел блаженную улыбку. Надзиратель мог дать руку на отсечение, что в эти моменты Сайлент вспоминал свои убийства. Вспоминал предсмертные крики жертв. Блуждал в чертогах своей памяти, выискивая самые яркие

кадры того зла, что он привнес в мир.

– Не спится, начальник?

Грэм сделал несколько отжиманий от пола, на выдохе подскочив на ноги. Тусклый свет лампочки на потолке освещал худощавое, но в то же время натренированное тело. Верхнюю часть тюремной робы Грэм завязал на поясе, оголив торс. Барри невольно потрогал свой выпирающий живот. В сравнении с Пеппером, этот маньяк выглядел как Аполлон.

– Хм, – нервно усмехнулся Барри. – Ты не похож на человека, который знает, что завтра его казнят.

Действительно, этим Грэм Сайлент пугал его больше всего. За все то время, проведенное в стенах блока, Грэм ни разу не дал слабину. Со стороны казалось, что ни заключение в тюрьме, ни вынесенный смертный приговор, ничего из вышеперечисленного совершенно никак не повлияло на его жизнь. Он по-прежнему радовался каждому новому дню. Улыбался всем встречным надзирателям, шутил над убийцами в соседних камерах. Пеппер был уверен: все постояльцы блока смертников боялись Грэма Сайлента. Его безумие распространялось по воздуху.

Даже Даг Перси старался обходить камеру Сайлента стороной. После очередной шуточки Дага в адрес серийного убийцы, Грэм воспользовался ошибкой Перси. Молодой надзиратель стоял слишком близко к камере. Сайлент выхватил дубинку из рук Перси, обвел ее тому за затылок и со всей силы зажал лицо мужчины между стальными прутьями.

Пока Перси кричал во все горло, зовя на помощь коллег, Грэм прокусил свою нижнюю губу и поцеловал горе надзирателя в засос, смачно проведя языком по всему лицу Дага. Выпустив Перси из захвата, Грэм бросил резиновую дубинку к его ногам и сказал, что болен СПИДом.

Даг мгновенно проблевался. Он так яростно оттирал кровь Сайлента со своего испуганного лица, что подбежавший к нему Барри подумал, он сотрет кожу до костей.

– Что случилось? – прокричал Пеппер.

– Что случилось? – завопил Даг. – Этот ублюдок засунул свой окровавленный язык мне в рот! Господи! Я не хочу умирать! У этой твари СПИД! Господи!

Упав на колени рядом со своей дубинкой, Перси заскулил. Барри повернул голову в сторону камеры Сайлента и увидел такое довольное лицо, словно Грэм только что посетил Спасалон.

Вытянув губы бантиком, Сайлент сказал:

– Ты классно целуешься, малыш Даги. Будь я геем, обязательно бы за тобой приударил. У меня почти привстал. Смотри! – Грэм указал себе на пах.

Подобно обиженной школьнице Даг Перси подобрал дубинку и побежал вниз по лестничному пролету. Пеппер был уверен, что ближайшие сутки для Дага стали одними из самых нервных. Барри знал, что у Сайлента нет СПИДа. Он читал его медицинскую карту. А раз Перси так испугался, что тут же отпросился с работы и пулей помчался сдавать

анализы, значит, Даг не ознакомился с личным делом Грэма Сайлента, как того следовало сделать по регламенту. Так к чему раньше времени снимать груз с его сердца? Пускай по-нервничает.

Вспомнив тот инцидент, Барри отошел от камеры Сайлента на шаг. Так или иначе, терпеть этого человека осталось всего несколько часов. Завтра утром приедет конвой и ответит психа туда, откуда он уже никогда не вернется.

– Грэм, утром тебя казнят, – сказал Барри. – А ты даже не попросил последний ужин. Или разговор со священником.

Сайлент отошел к задней стене, взялся руками за металлические прутья на окне у себя над головой и начал поднимать перед собой ноги, прорабатывая мышцы пресса.

– У меня гипогевзия, – ответил Грэм. – Я не чувствую вкуса. Вся жратва как мыло. И как ты понял, – Сайлент сделал очередной мах ногами, – в данный момент я не голоден.

– А священник? – спросил Пеппер. – Неужели даже перед смертью тебе не хочется облегчить душу?

Грэм закончил упражнения. Опустился на ноги. Подойдя ближе к решетке, махнул головой, убрав с лица вспотевшую прядь волос.

– Не знаю, рассказывал ли вам кто, но священники любят растлевать малолетних детей. Seriously. Я видел в кино. Вдруг ко мне в камеру придет один из таких? Я не смогу сосредоточиться на своих мыслях, если постоянно буду представлять этого старика со спущенными трусами, перед кото-

рым плачет ни в чем не повинное дитя. Да покарает кара божья всех этих подонков в рясе...

Барри понял, что говорить с психопатом совершенно бесполезно. У такого человека, как Грэм Сайлент, нет ни совести, ни чести, ни души. Он настоящий безумец, которого невозможно испугать или сломить.

– Прощай, Грэм, – сказал Барри, продолжив свой путь по одинокому металлическому коридору.

– До встречи... – донесся насмешливый голос Грэма Сайлента за спиной.

Глава 2

Холл отеля Глум-Сити Плаза был забит журналистами до отказа. Сотни видеокамер и микрофонов. Парковка сплошь усеяна фургонами всевозможных телеканалов. На пресс-конференцию пришли все: от самых элитных изданий, до низкосортных газетенки, специализирующихся на скандалах и неподтвержденной информации. Каждый человек на этом мероприятии хотел узнать, на какой стадии находится разработка проекта «НЕБО».

Сара Пэйн сделала шаг вперед и оказалась на трибуне под светом прожекторов. Микрофон перед ее лицом начал фонить, на несколько секунд оглушив всех собравшихся. Женщина чувствовала, как у нее вспотели ладони. На стенде лежала заготовленная речь, которую она перечитывала десятки раз. Но стоя здесь, под пристальным взглядом журналистов, Сара решила донести мысль своими собственными словами.

– Приветствую всех собравшихся, – сказала Сара, постукав кончиком пальца по микрофону, после чего поправила прическу.

Гул в холле стих. Репортеры наострили уши. Звучали лишь щелчки фотоаппаратов.

– Много лет назад, – начала Пэйн, – случилось несчастье. Семнадцатилетняя Джой Грин попала в плен к садистам. Благодаря своей силе воли девочке удалось сбежать. Но при

побеге она получила серьезную травму головы. Джой впала в глубокую кому. Надежд на спасение не было никаких. Именно тогда на родителей Джой вышел мой наставник, доктор Гарольд Милтон. На протяжении нескольких лет он разрабатывал технологию, позволяющую совершать слияние сознаний.

На секунду Сара замолчала. Каждый раз, когда она вспоминала историю Джой Грин, у нее по спине бежали мурашки. Тот зверский случай всех поверг в шок.

– Отец девочки согласился поучаствовать в новой программе, – продолжила Сара. – Ему предстояло проникнуть в больной разум дочери и вывести ее из лап забвения... Слава всевышнему, эксперимент удался. Джой очнулась, – Сара протерла вспотевшие ладони. – Работа доктора Милтона помогла сотням людей вновь вернуться к жизни. Но чем дальше продвигались эксперименты, тем больше процесс погружения в чужое сознание расширял горизонты. На определенном этапе развития нам пришла идея проекта «НЕБО». Если мы можем погрузить сознание одного человека в мир другого человека, то что нам мешает создать свой собственный мир? Мир, в котором у каждого появится второй шанс.

В зале послышался гул. Журналисты начали выкрикивать вопросы. Вспышки фотокамер засверкали с удвоенной силой.

– Вы хотите сказать, – прокричал самый громкий мужчина из толпы, – что можете создать альтернативный мир для

каждого из нас?

– Для всех нас, – ответила Сара.

– Но зачем? Разве доктор Милтон не для того и создал свою установку, чтобы помогать людям выбираться из комы, а не погружаться в нее все глубже? – спросил все тот же крикун.

– Посмотрите на себя, – сказала Сара, указав на журналиста рукой. – Не старше тридцати пяти. Ни единого лишнего килограмма. Прическа. Хороший костюм. Наверняка любимая работа, которая приносит вам солидное жалование. Уверена, девушки по вам так и плачут.

Мужчина заметно засмутился. Все, кто стояли рядом, обратили на него пристальное внимание.

– У вас насыщенная интересная жизнь, – добавила Сара. – Но что, если бы вы были прикованы к инвалидному креслу? Что, если бы вы болели раком на самой последней стадии? Думаю, окажись вы в подобном положении, то смотрели бы на мир совершенно иначе...

В зале прошла волна голосов. Сара всматривалась в толпу журналистов, замечая одобрительные кивки. В какой-то момент люди расступились и среди них оказался скрюченный мужчина в кресле-каталке. Изогнутыми пальцами он управлял коляской, медленно подъезжая к трибуне.

– Пожалуйста, – доктор Пэйн обратила внимание на инвалида. – Дайте мужчине микрофон. Уверена, ему есть что сказать.

Десятки видеокамер мгновенно направили свой взор на человека в кресле. Один из газетчиков поднес микрофон к его лицу.

– Доктор Пэйн, – невнятным голосом произнес он. – Вы хотите сказать, что такие люди, как я, смогут получить второй шанс на нормальную жизнь внутри «НЕБА»?

Сара подарила этому человеку свой самый добрый взгляд и белоснежную улыбку.

– Я хочу сказать, – ответила Пэйн, – что в нашем мире есть несправедливость. Посмотрите вокруг! Преступность, коррупция, безработица, болезни! Пока одна прослойка общества проживает свою жизнь, словно боги, остальные питаются объедками с их стола. И позвольте добавить, это случилось ни сегодня, и ни вчера. Так было всегда. Сколько человечество себя помнит, постоянно сильный пожирал слабого. Так уж мы устроены. Я не могу изменить этот мир. Никто не может...

– Именно поэтому вы решили создать свой собственный? – по-прежнему запинаясь, спросил мужчина в коляске.

Сара улыбнулась. Посыпался град вопросов. Все хотели узнать подробности. Громче всех вновь прокричал журналист, которого Сара похвалила за костюм и прическу.

– Доктор Пэйн! Если все так прекрасно, как вы говорите, то какова будет ваша роль в этом утопическом новом мире? Неужели вы решили стать богом? Ведь как вы сами сказали: человечество не изменить.

Из-за спины Сары появился ее помощник Уильям. Мужчина в черном костюме наклонился к микрофону и произнес:

– На этом пресс-конференция окончена.

На протесты Сары остаться и договорить Уильям лишь крепко взял ее за плечи и отвел в сторону. Репортеры были в ярости. Гул недовольных голосов гудел, пока Сару не вывели в коридор.

– Уильям, какого черта? – нервно спросила доктор Пэйн.

– У нас проблемы, – ответил мужчина. – Дженнифер...

– Дженнифер? – прошептала Сара. – Что-то случилось с моей дочерью?

– Она подключилась к «НЕБУ», – отрезал Уильям.

Сара нервно сглотнула. До этого момента все испытания проходили лишь на определенных людях с разными психотипами. Система обкатывала алгоритмы своей совместимости с различными пользователями. Прежде чем подключать к «НЕБУ» неподготовленных людей, нужно было провести еще целую кучу тестов.

– Твоя мать, Уильям! – взорвалась Сара. – Как это могло произойти?

– Доктор Пэйн, – замешкался помощник. – Это еще не самое страшное.

Сара буквально побледнела на глазах.

– В чем дело?

– Пропала обратная связь... Мы не можем узнать, что сей-

час происходит в «НЕБЕ».

Доктор Моралес стоял рядом с палатой Гидеона Хилла. Кара примчалась в окружную больницу, как только получила от него звонок. Она ехала так быстро, что наверняка собрала штрафов на целое состояние. Впрочем, учитывая сколько денег Кара тратила на лечение отца, не далек тот день, когда ей придется продать дом, чтобы расплатиться с долгами. Родной дом, единственное место, напоминающее о маме.

Немного запыхавшаяся Кара подошла к доктору и пожала его крепкую руку. Несмотря на столь раннее утро онколог выглядел на редкость бодрым. Аккуратно выбритая бородка на широком лице мужчины служила тому подтверждением.

Кара смотрела за спину Моралеса, заглядывая в палату отца. Через щель в дверном проеме были видны бледные ноги на больничной кровати.

– Все плохо? – спросила Кара.

– Мне жаль это говорить, мисс Хилл, но боюсь, что так...

– Что случилось? Я вчера была у него. Он был в порядке.

Говорил со мной. Шутил.

Кара знала, что у нее изо рта несло вчерашней пьянкой, да и внешний вид оставлял желать лучшего, но привести себя в нормальный вид она не успела. Да и по большому счету в этот момент ей было на все это плевать.

– Послушайте, – доктор попытался взять Кару за руку, но она не позволила. – У вашего отца рак легких четвертой сте-

пени. Он проходил курс химиотерапии. Мы пытались сделать все возможное, но вы же сами понимаете, что в подобных случаях надежд практически нет... Гидеон был сильным. Настоящий боец. То, что он продержался столько времени уже чудо. Но сегодня ночью внутренние органы мистера Хилла начали отказывать один за другим. Несколько раз останавливалось сердце. Нам пришлось подключить Гидеона к аппарату ИВЛ.

Кара горько сглотнула. Вытерла бегущую слезу рукавом куртки. Она искала хоть какую-то надежду на лице доктора, но оно источало лишь констатацию суровой реальности. Видимо, надежд действительно не осталось. Пять лет больниц, всевозможных врачей и целого состояния, потраченного на лечение, и все равно всего этого оказалось недостаточно.

– Доктор, я не могу его потерять...

– Мне очень жаль, – ответил Моралес.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать?

– В палате Гидеона на столике лежит брошюра. Экспериментальное исследование. Новейшие препараты. Одна частная фармацевтическая компания собирается сделать прорыв в области онкологии. Для Гидеона Хилла это последний шанс, но я бы на него не рассчитывал...

– Почему? – мгновенно взбунтовалась Кара.

Доктор потер большим и указательным пальцем друг о друга, явно намекая на огромные деньги.

– В любом случае, решать вам, – сказал Моралес. – Со

своей стороны мы сделали для Гидеона все возможное. Если вы спросите меня, то я бы посоветовал вам провести оставшееся время с отцом, держа его за руку, а не бежать сломя голову бог знает куда в поисках чуда.

Похлопав Кару по плечу, доктор Моралес пошел дальше по коридору.

– Встретимся в аду, ублюдок сумасшедший!

– Надеюсь, ты будешь задыхаться очень долго!

– Сайлент, уверен, ты расплачешься как сучка!

В помятой тюремной робе Грэм Сайлент шел по коридорам блока, шаркая ногами по металлическому полу. Растрепанные черные волосы по-прежнему прикрывали правый глаз. Со стороны Грэм выглядел человеком, который сейчас освободиться, а не поедет на смертную казнь. Он шутил, широко улыбался и вообще смотрелся довольно счастливым.

Барри Пеппер вел Сайлента, слушая выкрики заключенных из разных камер. Что же... сегодня утром они стали гораздо смелее, зная, что серийный убийца уезжает в газовую камеру. Наконец-то, этот психопат покинет «заведение».

По идее Сайлента должны были казнить в этой тюрьме – провести по так называемой зеленой миле, – но пару недель назад газовая камера вышла из строя. Именно поэтому заключенного перевозили в другое тюремное учреждение для исполнения смертного приговора.

Признаться, Барри и сам был рад. А уж как радовался Даг

Перси! Он буквально светился от счастья. Но несмотря на ликование Дага, Барри обратил внимание, что Перси ни на секунду не убирал ладони с рукояти своей дубинки. Урок он усвоил.

Это точно...

– Последняя мудрость от маэстро Сайлента! – прокричал Грэм, обращаясь к заключенным. – Если у тебя хватит смелости, чтобы сказать «прощай», жизнь наградит тебя новым «привет»!

Смертник остановился. Перси сразу же занервничал. Надзиратель вытащил дубинку, явно намереваясь применить ее в случае чего. Пеппер же просто положил руку на плечо Грэма, намекая тому, что нужно идти вперед.

– Так что, дамочки, прощайте! – Сайлент сделал театральные поклоны во все четыре стороны. – Я буду по вам скучать. Надеюсь, вы по мне тоже!

– Иди уже!

Перси со всей силы толкнул Грэма в спину. Едва не запнувшись, звеня цепями, сковывающими ноги и руки, Сайлент пошел к выходу.

– Что касается тебя, малыш Перси, то наш с тобой поцелуй я не забуду никогда! Он был таким же прекрасным и свежим как утренняя роса. Одно из самых ярких воспоминаний в моей жизни... Надеюсь, и ты будешь помнить его вечно, друг. Сладкий нежный поцелуй двух мужчин. Надзиратель и заключенный! Великолепно! Куда там недотепе Шекспиру с

его «Ромео и Джульеттой».

– Как же ты меня достал, урод поганый, – прошипел Даг.

Надзиратели спустили смертника по ступеням, провели через несколько дверей и коридоров, пока наконец не передали в руки маршалам. Людям, которые должны будут доставить убийцу к месту проведения казни.

Последнее, что запомнил Барри Пеппер, перед тем как Грэм Сайлент исчез из его жизни, это назойливую мелодию, которую он ненавязчиво насвистывал.

С тех самых пор эта мелодия прочно засела в его голове.

Сара Пэйн скоропостижно покидала отель Глум-Сити Плаза в сопровождении нескольких охранников. Женщину окружали журналисты, суя в лицо микрофоны и видеорекамеры. Перед ней оказался настоящий живой коридор, как только она вышла из здания.

Но пока все внимание прессы было сфокусировано на самой Саре, никто не заметил Уильяма. Помощник доктора Пэйн стоял рядом с человеком, который на пресс-конференции предстал перед всеми в образе инвалида. Правда, сейчас этот мужчина выглядел довольно здоровым, а учитывая какой плотный конверт ему передавал Уильям, то и счастливым.

– Вот хитрый мерзавец, – шепотом сказала Сара, садясь в машину.

В одной руке Кара держала хрупкую ладонь отца, в которой едва теплилась жизнь, в другой – буклет, оставленный доктором Моралесом.

Гидеон Хилл, подключенный к целой куче аппаратов, лежал на больничной кровати. Совершенно облысевший, худой, с бледной кожей. Кара не могла смотреть на отца без слез. Последней каплей, подорвавшей здоровье Гидеона, стали нападки Грэма Сайлента. Кара тысячу раз пожалела, что взялась за расследование убийств этого ублюдка.

В детстве она смотрела на отца – бравого копа, который посадил за решетку многих уродов, и искренне восхищалась им. В подростковом возрасте девочка решила пойти по его стопам: тоже стать полицейским. Ловить преступников, нести в этот мир добро. Она никогда не понимала, почему отец так яростно отговаривал ее. Лишь спустя годы, когда Кара погрязла в трудовых буднях, заработала себе профессиональный алкоголизм и депрессию, до нее наконец-то дошло желание Гидеона оградить дочь от службы в полиции. Жаль, было поздно.

Кара хотела бросить все, уйти с работы, начать новую жизнь, но Гидеону поставили диагноз. Появилась огромная потребность в деньгах. Менять род деятельности в сложившейся ситуации оказалось не вариант. Плюс, за время службы Кара обзавелась серьезными связями. К тому времени в ней давно уже умер ангел. Закрывать глаза на те или иные дела, чтобы подзаработать денег, стало в порядке вещей. А

учитывая, что она нуждалась в них как никогда, то совесть ее по этому поводу особо не мучила.

Появились кое-какие финансы. Отца положили в хорошую клинику. Гидеону становилось лучше. В сердце начала теплиться надежда. Казалось, жизнь еще может наладиться. Гидеон сумеет поправиться. Они вновь будут жарить барбекю по выходным и пить пиво, обсуждая любимые фильмы.

А потом на Кару повесили расследование серийных убийств и все полетело к чертовой матери. Грэм Сайлент довел до ручки не только Кару... Своими выходками он буквально уложил в гроб ее отца, так сильно Гидеон переживал за дочь.

– Папа, – сказала Кара, покрепче сжав его руку. – Я не справлюсь без тебя. Мы же всегда были вместе. Только ты и я, помнишь? Вдвоем против целого мира, помнишь?

Другая рука так сильно сжимала в кулаке брошюру, оставленную доктором Моралесом, что хрустнули пальцы. Кара позвонила по номеру. Узнала условия. Увы, сумма на лечение оказалась непомерно высока. Даже если Кара активизирует все свои связи, возьмет еще один кредит, выставит на продажу дом! – у нее попросту не хватит времени. Отец при смерти и действовать нужно немедленно. Но где взять столько денег прямо сейчас? Ответа на этот вопрос у Кары не было.

В заднем кармане джинсов завибрировал смартфон. Взглянув на дисплей, Кара увидела сообщение от знакомого

прокурора:

«Казнь начнется через тридцать минут. Надеюсь, ты не пропустишь момент. После всего того, что он сделал, тебе просто необходимо посмотреть в глаза ублюдка, когда он будет подыхать...»

Глава 3

– Парни, вы какие-то слишком серьезные. Словно это вас везут на смертную казнь, а не меня, – сказал Сайлент.

Морган Тодес работал в службе маршалов уже давно. Ему было не впервой транспортировать заключенного до места свершения приговора. Некоторые смертники замыкались в себе, другие плакали. Бывали случаи, когда они пытались устроить побег. Покончить с собой. Но настолько веселых ребят, как Грэм Сайлент, Морган еще не встречал.

Они ехали в бронированном фургоне: Тодес, его коллега Билли Коул и Гарри Питерс. Последний находился за рулем, в то время как Морган и Билл охраняли Сайлента в задней части транспорта.

Грэм был закован в наручники и пристегнут к стене. Он сидел на небольшой лавочке напротив двух вооруженных маршалов. От свободы его отделяли бронированный кузов фургона толщиной в семь миллиметров и двое опытных сотрудников, с которыми шутки плохи. Морган и Билл свою работу знали.

– Заряжен? – Сайлент кивнул на кобуру Тодеса.

– Хочешь проверить? – спросил Билл.

– Всегда мечтал пострелять...

– Да? – усмехнулся Морган. – Что же ты тогда всех своих жертв резал?

Внутри фургона светила лишь тусклая продолговатая лампа на потолке. Через небольшие бронированные окна едва ли проникал солнечный свет. Грэм наклонился чуть вперед, озарив свое улыбающееся лицо.

– Незаконное ношение оружия запрещено, – ответил он. – Или я чего-то не знаю? Как я, добросовестный гражданин, мог взять с собой незарегистрированное огнестрельное оружие и выйти с ним на улицу? За кого вы меня принимаете, парни?

Билл Коул рассмеялся. На лице Тодеса тоже появилась улыбка.

– Морган, он нас стебет? – спросил Билл.

– Нет, малыш Билли, просто мы впервые везем в газовую камеру настоящего законопослушного гражданина, – Тодес зажал рацию, прикрепленную к левому плечу. – Гарри, – обратился он к водителю, – знаешь, почему наш друг убивал своих жертв руками, не из пистолета как все нормальные люди?

– Почему? – отозвался шипящий голос в рации.

– Не хотел нарушать закон. Незаконное ношение оружия и все такое.

Прозвучал прерывистый смех.

– Да, Грэм, – сказал Морган, убрав руку с рации. – Таких клоунов, как ты, еще поискать.

Мужчина окинул коротким взглядом одежду Грэма. Белая неказистая рубашка и черные штаны.

– Сайлент, а ты знаешь, почему тебя нарядили в это тряпье? – спросил Тодес. – Это чтобы среди зеленого газа, постепенно заполняющего камеру, тебя можно было хорошо разглядеть. Но, пожалуй, я найду из далека.

– Да, Морган, – улыбаясь, сказал Билл Коул. – Расскажи нашему другу, что его ждет. Уверен, это поубавит его пыл.

– Газовая камера представляет собой стальную восьмиугольную кабину с куполом и герметично закрывающейся овальной дверью, – начал Морган. – Внутри находится сиденье с ремнями. В боковых стенках этой будки смерти, как мы ее мило называем с малышом Билли, – Морган улыбнулся коллеге, – имеются широкие застекленные проемы. Через них семьи твоих жертв, официальные лица и, возможно, даже журналисты будут наблюдать за происходящим. Газовую камеру не зря прозвали «аквариумом»! Во время казни она ярко освещается изнутри.

– Золотая рыбка Сайлент, – пошутил Коул.

– Так вот, – продолжил Морган. – Человек, ответственный за твою смерть – назовем его палач, так будет проще – тщательно взвешивает цианистый калий, выданный тюремной службой. Раскладывает его по двум специальным пакетам, которые прикрепляются под сиденьем в тридцати сантиметрах над встроенной в пол емкостью. Примерно за десять минут до входа твоей трясущейся задницы в газовую камеру палач готовит раствор: немного серной кислоты на литр дистиллированной воды.

Грэм Сайлент слушал рассказ маршала, попутно пытаясь почесать кончик носа. Пальцы не доставали до лица каких-то пару миллиметров. Увидев абсолютное безразличие заключенного, Морган шлепнул Грэма ладонью по щеке, дабы привлечь его внимание. Сайлент удивился подобному жесту, но не обиделся. По крайней мере, Тодес этого не заметил. Мужчина продолжил:

– После последней проверки герметичности блока охраны отправятся за тобой в «прихожую смерти». Так называется маленькая каморка, в которой ты будешь доживать свои крайние секунды жизни... Краткий визит тюремного доктора, так, для галочки, и на тебя наденут наручники, а затем мило сопроводят до твоей финальной остановки. Двое крепких мужчин заведут тебя внутрь газовой камеры. Это займет одну-две минуты. Охранники усадят твою жопу на сиденье. Ремнями зафиксируют ноги, руки, поясницу, грудную клетку и голову. Ты будешь полностью обездвижен.

– Слушай, он до сих пор улыбается, – сказал Билл.

– Это не на долго...

Фургон внезапно тряхануло на кочке. Растрепанные волосы Сайлента на секунду взлетели вверх. В этот момент Грэм плотно зажмурил глаза. Лицо мужчины перекосило, словно от сильной боли.

– Врач определит местоположение твоего сердца и прикрепит на грудь стетоскоп, подсоединенный к усилителю и наушникам, находящимся в соседнем помещении. Так он

сможет следить за ходом казни. Именно он должен будет официально объявить о твоей смерти. Тебя уведомят, чтобы ты глубоко дышал, когда все вокруг окутают токсичные испарения, – Морган провел рукой по лицу. На секунду задумался. Улыбнулся: – Знаешь, Грэм... Умерщвление газом считают единственным видом высшей меры наказания, в котором осужденный заинтересован принимать самое активное участие.

– Активное участие, – засмеялся Билл.

– Если приговоренный вдыхает смертельный газ глубоко, он теряет сознание через десять-пятнадцать секунд. В противном случае это наступает гораздо позже. Если ты пытаешься продлить себе жизнь, задерживая дыхание, процесс умерщвления лишь затянется. Ты можешь очень долго оставаться в сознании и все это время испытывать сильнейшую головную боль. Тебе будет нечем дышать, начнется головокружение, появятся судороги. Свидетели казни обычно не замечают большинства этих симптомов: они видят только то, как у смертника сжимаются пальцы, изо рта идет пена и вздрагивает зафиксированное ремнями тело. Но на самом деле ты будешь испытывать адские муки.

– Слышал, Грэм! – громко сказал Коул. – Так что не дури! Дыши поглубже...

– Как только закроется стальная дверь, – продолжил Морган, – и все члены, присутствующие на этом веселом мероприятии, сядут на свои места, палач согласно приказу нач-

нет процедуру умерщвления. Если ты не будешь выпендриваться и решишь спокойно сдохнуть, то займет это не более двух минут. Прежде всего, включают систему, поддерживающую постоянное атмосферное давление в самой камере. Это важно, так как эффективность интоксикации основывается на количестве и качестве вдыхаемого воздуха. Потом палач откроет задвижку, и смесь воды с серной кислотой поступит во встроенную под сиденьем емкость, в которую вслед за этим из пакетов высыплется цианистый калий. Произойдет химическая реакция, начнет выделяться газ. Смертоносное облако поднимется, смешиваясь с воздухом, попадающим в легкие. Когда врач объявит, что твое сердце перестало биться, приговор будет считаться приведенным в исполнение. Однако для уверенности в смерти тебя продержат в газовой камере еще полчаса.

– Захватывающе, правда, Грэм? – вновь съязвил Билл.

– И все, друг мой, – констатировал Морган. – Ты труп.

– Вы закончили? – спросил Сайлент.

– Ага...

– Наконец-то, – зевая, сказал Грэм.

Такой длинный, детальный рассказ о процедуре, казалось, совершенно не произвел на заключенного никакого эффекта.

– Вот скажи мне, – пробубнил Билл. – Как тебе удавалось столько времени оставлять полицию с носом?

Сайлент облизнул губы кончиком языка. Улыбнулся. Рас-

правил плечи, словно он важная птица.

– Если бы не моя машина, которая не завелась в самый неподходящий момент, я бы до сих пор пил коктейли из крови ваших жен и детей, – гордо ответил убийца.

Мужчины почти синхронно наклонились немного вперед и оскалились. В эту самую секунду Морган Годес хотел повыбивать Сайленту все его чертовы зубы. Грэм же безмятежно откинулся назад, расправил ноги и с ехидной улыбкой глянул на своих конвоиров.

– Хватит лыбиться, сволочь! – рявкнул Морган. – Через час ты сдохнешь.

– Ты в этом уверен? – спросил Сайлент.

Годес услышал знакомый звук. Посмотрел вниз. Наручники, что еще мгновение назад сковывали заключенного, сейчас позвякивали на полу. Вот почему лицо Грэма исказила гримаса боли, когда они наехали на кочку. Мерзавец вывихнул себе большой палец на руке, чтобы избавиться от оков.

Морган потянулся к кобуре, но Грэм Сайлент сделал это на долю секунды быстрее.

Сара Пэйн чуть ли не пинком открыла двери своей лаборатории. Огромное помещение с кучей самой различной аппаратуры начало загораться светом. Замигали крупные мониторы, развешанные на стенах. Поползли строчки кода. Сотни яйцеобразных капсул погружения, наполненные голубой жидкостью, питающей организм пользователей всеми

нужными веществами, вспыхнули яркими огнями.

– Доброе утро, доктор Пэйн, – прозвучал электронный голос нейросети.

– Аркадия! – крикнула Сара. – Отчет. Быстро!

Сара в панике подбегала к каждой капсуле, протирала небольшие окошки, всматриваясь в лица людей, подключенных к «НЕБУ». Все испытуемые внутри установок смахивали на младенцев в утробе матери. Такая же безмятежная скрюченная поза эмбриона. Спокойное умиротворенное лицо.

На голове каждого человека ярким неонам подсвечивалось закрепленное устройство, отдаленно напоминающее венки Иисуса Христа. «НКИ» – нейрокомпьютерный интерфейс: система, созданная специально для передачи данных между нейронами мозга пользователя и ядром «НЕБА». Через этот гаджет компьютер получал обратную связь.

Именно над стабильностью ядра Сара работала последние несколько месяцев. Каждый раз, когда в «НЕБО» попадал человек с определенным отклонением в психике, системе приходилось перестраивать свои алгоритмы взаимодействия. Подстраиваться под поведение нового юзера.

Именно поэтому о прохождении тестов Саре нужно было договариваться со всевозможными людьми из всех слоев общества. От божьих одуванчиков, которые за всю свою жизнь и мухи не обидели, до преступников рецидивистов. Доктор Пэйн уже и со счета сбилась, скольких судебных чиновни-

ков, врачей различных психиатрических клиник и других малоприятных личностей им пришлось подкупить, чтобы добраться к тем или иным картотекам с картами психического поведения. Или как их еще сокращенно называли «КПП».

Двадцать лет назад эти карты ввели повсеместно. Тест занимал не более десяти минут. Если человек совершал любое даже самое незначительное правонарушение, он попадал под зоркий глаз системы, проходил процедуру и его «КПП» заносилась в базу.

Для полного сбора данных о всевозможных психотипах людей Саре требовалось погружать в систему «НЕБА» самых разных индивидов. И не всегда нужные люди были согласны на сотрудничество.

Вот тогда-то в дело и вступал ее помощник Уильям Досон.

Сара познакомилась с ним много лет назад на одном из саммитов ученых. В то время Сара и еще живой, но уже сильно в возрасте Гарольд Милтон впервые представили концепцию своего многообещающего проекта «НЕБО». Уильям загорелся идеей Сары и Гарольда. Предложил финансирование и всевозможную помощь. Доктор Пэйн с первого взгляда поняла, с кем имеет дело: скользкий изворотливый сукин сын, который пойдет на все, лишь бы добиться своих целей. Но именно такой человек и был нужен, если она хотела достичь успеха.

Сара получала требуемые для системы «КПП» из различ-

ных учреждений. От тюрем, до психиатрических клиник. Тыкала пальцем в нужных кандидатов, Уильям же делал все возможное, чтобы эти люди оказывались внутри капсулы погружения. Какими методами для этого пользовался Уильям Доусон, доктор Пэйн не интересовалась. Все свое внимание женщина сфокусировала на работе по стабилизации ядра.

Яичницу не пожарить, не разбив яйца, думала она.

Да, на пресс-конференции Сара рассказывала про новый мир. Идеальное место, в котором все будут счастливы. Но во главе ее одержимости проектом «НЕБО» стояли отнюдь не альтруистические намерения. Все эти бесконечные бессонные ночи за изучением данных ядра доктор Пэйн провела из-за дочери.

Дженнифер... Ее любимая девочка.

Малышка Дженни родилась с детским церебральным параличом. На протяжении семнадцати лет жизни своего ребенка Сара пыталась создать мир, в котором Дженнифер, наконец-то, смогла бы быть счастлива. Смогла бы делать все, что захочет. Совершать пробежки, плавать в океанах, наслаждаясь прохладной водой. Не будет чувствовать себя ущемленной. Несчастной...

Глядя на дочь, прикованную к инвалидному креслу, Сара работала не покладая рук. И если для достижения цели ей нужно переходить черту дозволенного, окружать себя людьми вроде Уильяма Доусона, то она готова на это пойти. Цель оправдывает средства. Да, не всегда все гладко. Не все-

гда законно. Но в конце пути их ждут врата рая. И первыми эти врата должна была открыть Дженнифер.

Но только не сейчас...

Аркадия вывела отчеты на главный монитор. Действительно, в одной из строк кода Сара увидела имя дочери:

Пользователь под номером 134: Дженнифер Пэйн.

В этот же момент Сара наткнулась на капсулу, в которой находилась девочка. Протерев слегка запотевшее окошко ладонью, доктор Пэйн разглядела яркие мерцающие огни «НКИ», на голове своего ребенка.

Кара Хилл припарковала машину рядом с воротами окружной тюрьмы Глум-Сити. Именно сюда служба маршалов должна доставить Грэма Сайлента для исполнения смертного приговора. В этой тюрьме имелось специально оборудованное помещение с газовой камерой.

Красные заплаканные глаза Кара спрятала под солнцезащитными очками. Достав из бардачка спрей для свежего дыхания, Хилл несколько раз брызнула себе в рот. Растрепанные волосы связала в короткую шишку на макушке. Выдохнула. Встряхнула руки.

Нужно собраться...

– Давай, – сказала Кара сама себе, крепко вцепившись в руль. – Ты гонялась за этим уродом два года. Эта сука испоганила тебе жизнь. Посмотреть, как он будет подыхать... ты имеешь на это полное право.

Выйдя из машины, Хилл пошла в сторону пикетчиков. Сегодня утром возле тюрьмы собралось приличное количество народу. Люди с плакатами кричали всякие гадости в адрес Сайлента. Все хотели увидеть, как ублюдок отправится на тот свет. Увы, посетить само «мероприятие» позволили лишь семьям жертв маньяка.

Кара была рада тому, что матери, отцы, мужа, жены и братья с сестрами – все те, кто потерял своих близких из-за Грэма Сайлента – смогут воочию посмотреть на его смерть. Они это заслужили. Сайлент привнес в мир столько зла. Поломал столько жизней. За свои злодеяния он должен вечно гореть в аду.

Яркое утреннее солнце вышло из-за высокой крыши одной из тюремных построек. Хилл стало жарко. Она сняла кожаную куртку и закинула ее себе за плечо. Подойдя ближе к собравшимся, Кара увидела Мэри Пикот. Женщину, которая потеряла дочь. Сайлент похитил двадцатилетнюю Стейси Пикот и на протяжении нескольких дней издевался над ней, тщательно фотографируя процесс. Снимки он отправлял матери жертвы. После пятой фотографии у Мэри Пикот случился сердечный приступ.

Как она пережила все это? – для Кары оставалось загадкой. Да и пережила ли? Редкие седые волосы, скрюченная спина, трясущиеся руки, совершенно пустой взгляд на сером лице: Мэри не исполнилось и пятидесяти, но со стороны она выглядела на все восемьдесят.

Заметив Кару, женщина презрительно отвернулась. Хилл ее в этом не винила. Если бы в тот момент, когда Мэри впервые подала заявление о пропаже дочери, полиция сразу же включилась в работу, возможно, им бы удалось остановить Сайлента по горячим следам и спасти Стейси. Увы, коп, принимавший обращение Мэри, спустил дело на тормозах, думая, что ее дочь просто решила несколько дней поразвлечься с новым бойфрендом, и выключила телефон. Обычно так и бывало. Но только не в тот раз.

По полученной информации Стейси Пикот была первой жертвой Сайлента, но далеко не последней. Беда заключалась в том, что Грэм постоянно менял почерк. Он убивал как женщин, так и мужчин. Образ действий трансформировался до неузнаваемости с каждым новым случаем. Именно поэтому первые полгода полиция никак не могла свести все эти убийства в одну серию, пока отец Кары, Гидеон Хилл, в то время уже ушедший на пенсию, по чистой случайности, не заметил очень важную деталь.

Все эти зверские преступления обсуждались по различным телеканалам. Про каждый эпизод был сделан отдельный документальный фильм. А благодаря продажным полицейским в руки журналистов попали еще и фотографии.

Кара помнила, как ее отец занимался делом одного серийного убийцы по прозвищу «Черные руки». Как бы ни старался Гидеон, поймать маньяка он так и не сумел. Возможно, именно поэтому он дослужился до пенсионного возраста

и сразу же ушел из полиции. Безуспешная охота на Черные руки оставила на Гидеоне отпечатки. Он стал больше пить, меньше смеяться, но благодаря работе над тем делом, Гидеон научился подмечать детали. Даже самые незначительные.

На каждом месте преступления, показанном в том или ином документальном фильме, присутствовал небольшой черный мазок. Маленькое пятнышко. Сперва оно было на теле жертвы. Потом на потолке: именно в ту точку смотрели безжизненные глаза убитой. Следом, пятно появилось на одном из рассыпанных лепестках роз рядом с головой мужчины.

Гидеон поделился мыслями с дочерью. Кара сравнила образцы. И действительно, в каждом случае подтвердилось совпадение: аморфный углерод. Продукт неполного сгорания или термического разложения углеводов в неконтролируемых условиях. Проще говоря, сажа.

Как только об этом узнал Гидеон Хилл, его чуть удар не хватил. Ведь именно такой же состав всегда оставался на шеях задушенных жертв Черных рук. Но разве это возможно, что спустя пятнадцать лет серийный убийца вновь выходит на свой кровавый путь?

Кара откинула эту идею. Вместе с коллегами они объединили все эпизоды в одно дело и приступили к полномасштабной операции по поимки нового маньяка. Охота заняла долгие два года круглосуточной работы, разрушенные семьи коллег, депрессии и все остальное. Грэм Сайлент осно-

вательно сумел залезть в голову каждому. В особенности к Каре Хилл.

Серийный убийца, чьи преступления никогда не покидали первые полосы газет. Тот маньяк, которого вот-вот должны были привезти в окружную тюрьму, для совершения смертного приговора, но машина маршалов почему-то задерживалась.

– Аркадия, выведи на главный экран видеозапись лаборатории за последние шесть часов!

Сара с ужасом на лице смотрела на свою дочь в капсуле погружения через небольшой стеклянный отсек. Зачем Дженнифер это сделала? Оставалось подождать всего-ничего...

– Доктор Пэйн, – раздался электронный голос. – Все записи за последние двенадцать часов удалены.

– Удалены? – ахнула Сара.

Подбежав к главному компьютеру, она самолично попыталась воспроизвести видео с камер, но папка с нужными файлами действительно оказалась пуста.

– Что за черт? Как это возможно?

Сара вбила параметры пользователей «НЕБА». На экране появились данные всех подключенных: частота сердцебиения, давление, температура тела... Показатели Дженнифер были выше нормы. Но когда Сара взглянула на показатели других юзеров, ее охватил страх. У определенных людей они

зашкаливали настолько, что еще чуть-чуть и они умрут от разрыва сердца. Чтобы сейчас ни творилось в «НЕБЕ», некоторые из погруженных испытывали ужас, находясь внутри установки.

Спустя пару секунд подскочил пульс и у Дженнифер. На главном мониторе всплыло окно с коротким видеороликом. До смерти испуганная дочка Сары сидела в каком-то мрачном углу с облезлыми стенами и снимала себя на экран смартфона. Растрепанные волосы, бледное лицо с темными мешками под глазами: Дженнифер обливалась слезами, пытаясь собраться с мыслями.

– Успокойся, Дженни, – прошептала Сара.

– Доктор Пэйн, – сказала Аркадия. – К сожалению, это всего лишь запись. Последний обрывок информации, который удалось получить.

Глядя на испуганного ребенка, Сара протянула дрожащие руки вперед. Она не знала, что делать и как быть. Не знала, как помочь своей девочке.

– Мама, – тихо прошептала Дженнифер, осматриваясь по сторонам. – Забери меня отсюда. Пожалуйста...

Свет от экрана подчеркивал крупные капли слез, скользящие по лицу Дженнифер. Внезапно за спиной дочери появилась странная фигура в черной мантии. Она возникла всего на мгновение, но Сара могла поклясться, что это был мужчина. Она успела разглядеть острую колючую проволоку, пронзающую его продолговатое белое лицо. Человек в черном

пробыл в кадре лишь секунду – он возник прямо за спиной Дженнифер, – мужчина схватил девочку за лицо, прикрыв ей рот рукой и видеоролик оборвался. Вместе с ним замерло сердце Сары. Она так и осталась стоять, вытянув руки перед собой, не понимая, что случилось...

– Аркадия! – наконец, крикнула доктор Пэйн. – Включи запись еще раз!

– Запись автоматически удалилась, – ответил электронный голос.

– Твою мать! – выругалась Сара.

Она быстро пробежала пальцами по клавиатуре, выбрала блок с Дженнифер и ввела в него протокол вывода пользователя из системы.

В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО...

– Что происходит? – прошептала она.

Сара повторила попытку: ничего не изменилось. Один из блоков с подключенными замигал красным. Войдя в его данные, Сара с замиранием сердца обнаружила, что Джек Смит, сорокалетний мужчина, один из первых добровольцев, кто решился погрузить свое сознание в «НЕБО», только что умер от сердечного приступа.

Подбежав к его капсуле, Сара услышала тихий протяжный писк, а после увидела прямую линию на сенсорном кардиографе.

– Господи, – прошептала доктор.

– Все плохо? – раздался голос Уильяма у входных дверей.

Сара вернулась к главному компьютеру. Проверила данные ядра. Внимательно изучила строчки кода... Общая картина начала складываться. До Сары, наконец-то, дошел весь масштаб катастрофы.

Глава 4

Доктор Пэйн достала бутылку виски, припрятанную в лаборатории, налила себе «два пальца» в стакан и осушила одним глотком. Уильям Доусон стоял рядом, ничего не говоря. Мужчина молча наблюдал за Сарой, ожидая, когда первый шок пройдет и она сможет объяснить, что же тут случилось.

– Полегчало? – спросил он.

Повторив процедуру с бутылкой и стаканом, Сара вновь выпила солидную порцию. Женщина плюхнулась в белое вращающееся кресло и обхватила лицо руками. Доусон осмотрелся по сторонам: его окружала пара сотен капсул погружения со всевозможными сенсорными экранами. Сквозь запотевшие стеклянные отсеки виднелись люди со светящимися «НКИ» на головах. Огромный монитор на дальней стене показывал различные бегущие строчки, смысл которых Доусон совершенно не понимал.

Что касалось технических аспектов проекта «НЕБА», то в этом плане Уильям никогда не отличался особой вовлеченностью. Для него всегда было важно, чтобы виртуальный мир работал. А каким образом это будет сделано? – уже вопрос второстепенный...

Много лет назад он поверил в проект Сары и Гарольда. Увидел в нем невообразимый потенциал. У Уильяма появился шанс стать воплощением настоящего всевластия. Если

Сара хотела создать идеальный мир для своего больного ребенка, то Доусон же собирался подобрать этот самый мир к рукам. Люди будут платить любые деньги, чтобы оказаться в подобном месте. В том месте, в котором возможно абсолютно все.

Но шли годы, а Сара по-прежнему проводила тесты за тестами. На протяжении последнего полугода ядро «НЕБА» выдавало стабильные показатели, несмотря на все психотипы, что попадали внутрь. Но Саре было мало. Она каждый раз зарывалась в исследованиях, вводя все новые и новые механики, хотя по мнению Уильяма все и так работало как нужно.

Он самолично несколько раз переносил свое сознание в «НЕБО». Видел мир изнутри. Взаимодействовал с ним. Каждый раз возвращаться назад было все сложнее. Если даже такой успешный, сильный и волевой во всех планах человек, как Уильям Доусон, прилагал невероятные усилия, чтобы вернуться в реальность, то что можно будет говорить о других?

Никто не устоит перед соблазном...

Но Сара все никак не хотела запускать проект в полной мере. Шло время, на бесполезные тесты тратились огромные суммы денег. Нужно было срочно что-то решать...

Выход нашелся в лице дочери Сары. Уильям знал: если один раз погрузить Дженнифер внутрь «НЕБА», даже при условии, что она вернется назад, девчонка заставит мать

ускорить завершение. Они слишком близки. Сара любит Дженнифер больше всего на свете. Ради своей девочки она пойдет на все. В этом Доусон не сомневался.

В тайне от доктора Пэйн, Уильям предложил Дженнифер короткую экскурсию в идеальный мир. Разумеется, она согласилась. Но как только девушка попала внутрь, система дала сбой. В чем была причина, Уильям не знал. Доусон стер записи с камер видеонаблюдения и притворился, что ничего об этом не знает.

Сейчас, стоя возле опешившей от всего случившегося Сары, он с замиранием сердца ждал от нее объяснений. Ведь на кону было слишком многое.

– Сара, – сказал Уильям. – Что случилось? Ты смогла понять?

– Ядро, – ответила она. – Во главе всего всегда стояло именно оно.

– И?

– Один из пользователей сумел подчинить его себе, – выдохнула Сара.

– Что это значит? – Уильям нервно расслабил узел галстука.

– Это значит, что внутри «НЕБА» появился человек, который может все...

– Может все? Но разве вся концепция «НЕБА» не в том ли и заключается, что внутри этого мира возможно все?

– Именно, – ответила Сара. – Но это возможно лишь в

рамках тебя. Каждый пользователь «НЕБА» в силах создать свою микровселенную, но он никак не может повлиять на других людей без их согласия...

– Ты хочешь сказать, что власть, вся эта безграничная власть, сосредоточена в руках одного человека? Он что, стал богом?

– Хуже, – Сара хотела налить себе еще порцию виски, но Уильям выхватил бутылку из ее рук. – По всей видимости, он стал дьяволом. А «НЕБО» превращает в свой личный ад.

Кара глянула на часы: машина маршалов опаздывала. Среди всех собравшихся возле ворот стоял сам начальник тюрьмы. Грузный мужчина с седыми волосами безустанно звонил кому-то по телефону. Люди начинали нервничать. Неужели по пути что-то могло произойти? Если Грэм Сайлент сегодня каким-то невообразимым чудом сумеет избежать наказания, для некоторых это станет смертельным ударом. Кара украдкой глянула на Мэри Пикот.

– Блин, какого черта их так долго нет? – спросила Хилл у самой себя.

Из-за поворота появился фургон. Детектив шумно выдохнула. Автомобиль медленно подъехал к воротам. Люди расступились в стороны. Задние двери открылись. Кара увидела Грэма Сайлента с разбитым лицом. Двое слегка помятых мужчин с силой выволакивали его наружу. Их лица источали настоящую злобу. Бравые маршалы хотели убить маньяка. В

этом Кара была уверена.

У Хилл замерло сердце. Она еще никогда так близко не находилась рядом с Сайлентом. Несмотря на ссадины на подбородке и бровях он улыбался. Улыбался как настоящий безумец. Цепь от наручников побрякивала на асфальте. Выпрыгнув из машины, Грэм встал в полный рост и потрянул головой, убрав спутанную прядь волос с лица. Посмотрел на собравшихся. Оскалился, подобно дикому волку. А затем начал истерично смеяться, будто стоящие рядом люди для него пустое место.

Репортеры фотографировали, словно заведенные. Кричали, пытались подставить свои микрофоны, как можно ближе, в надежде, что серийный убийца скажет пару слов напоследок. Все хотели услышать предсмертные изречения Грэма.

– Что за задержка? – спросил седовласый начальник.

– Заключенный пытался устроить побег, – сказал один из маршалов, после чего толкнул Сайлента к воротам тюрьмы. – Пришлось применить силу.

– Да, да, да, – пробормотал Грэм, закатывая глаза. – Каюсь, грешен. Извините, что задержался... Но, ничего страшного ведь не случилось, правда?! Скоро начнется шоу, не переживайте.

Мэри Пикот, стоящая всего в двух метрах от убийцы, разразилась слезами. Камеры репортеров мгновенно переключились на нее. Казалось, они хотели заснять каждую секунду ее горя. Не упустить ни единой слезинки.

– Гореть тебе в аду, – прошептала она, злобным взглядом смотря на Сайлента.

– Мамаша, – сказал Грэм. – Для меня там давно уже зарезервирован люкс. Люцифер лично отнесет багаж до номера. Не переживай...

Вытянув губы, Сайлент пустил воздушный поцелуй, обращенный Мэри.

– Пойдемте, – Кара взяла дрожащую женщину за руку. – Ему осталось недолго. Скоро эта мразь отправится на тот свет...

Доктор Пэйн замолчала. По лицу женщины пробежала одинокая слеза. Упав с подбородка, она разбилась об пол, оставив после себя влажную линию на щеке.

– Моя девочка, – сказала Пэйн, – попала напрямиком в адское пекло...

Сейчас уже сам Уильям не удержался: поднеся горлышко бутылки виски ко рту, он сделал несколько глубоких глотков. Поперхнувшись, мужчина немного облил ворот белой рубашки.

– И что все это значит, что мы будем делать? – спросил он.

– Нам потребуется Альфа, – выдохнув, ответила Сара.

Выведя заготовленную картотеку «КПП» на главный экран, Сара указала пальцем на нужного кандидата. Уильям посмотрел в до боли знакомое мрачное лицо. Он знал, кто это. Его знали все... А еще он знал, что доставить этого чело-

века сюда и погрузить в «НЕБО» задача практически невыполнимая.

– Ты уверена? – спросил он. Взглянув на наручные часы, добавил: – Другого выхода точно нет? Даже если я смогу его привести сюда, что если он откажется?

– У меня есть весомый рычаг давления, – ответила доктор. – Исходя из полученных данных, я могу с уверенностью сказать, что противостоять силе ядра, которой владеет один из пользователей, сможет лишь он. Эгоцентрист. Психопат. Тесты Истона Роувера запредельные по своим показателям. Нам нужен он... Только он.

Сара приблизила небольшое окошко с непонятными для Уильяма символами на мониторе. Если у большинства людей, которых просматривал Доусон, показатели были в пределах зеленой нормы, в крайнем случае желтой, то шкала этого мужчины находилась на середине красной отметки.

– Уильям, – Сара поднялась с кресла и подошла к нему так близко, что это было почти неприлично. – Я знаю, это очень сложно организовать. Но я умоляю тебя сделать это. Без него нам всем конец. Человек, владеющий ядром... он... он будет убивать всех пользователей. Одного за другим. Я уверена в этом. Уильям, – Сара дотронулась до его лица. – Там моя дочь. Она одна... Ей страшно.

Доусон посмотрел на данные Дженнифер Пэйн. Действительно, пульс девочки зашкаливал. Чтобы сейчас с ней ни происходило, это пугало ее до смерти.

– Умоляю, – прошептала Сара.

Сайлент оставался безумным до самого конца. Казнь прошла именно так, как того боялась Кара. Грэм плевал на всех с высокой колокольни. Родители жертв надеялись увидеть в его глазах раскаяние, страх, хотели узреть в них хоть что-то! – но Сайлент не дал им такой возможности. Убийца ушел из этого мира максимально громко, заставив всех рыдать...

Даже перед лицом смерти он не сдрейфил. До самого последнего вздоха Грэм рассказывал жуткие подробности своих преступлений, повергая всех в шок. Несмотря на неприязнь к Каре, Мэри Пикот не отпускала ее руку ни на секунду, с ужасом на лице наблюдая, как убийца ее дочери корчился в агонии, задыхаясь зеленым дымом. Он кашлял и смеялся. Пускал пену изо рта. Дергался, словно в него вселился демон. И никак не хотел умирать.

Это продолжалось слишком долго...

Кара вышла за ворота тюрьмы, ощущая себя грязной и испорченной. Ей казалось, что она постарела лет на десять. Хотелось немедленно принять душ. Если собравшиеся надеялись, что Сайлент вдохнет ядовитые пары газа полной грудью и на этом все закончится, то они глубоко заблуждались. То, что устроил безумец, перед тем как отправиться в ад, наверняка будет сниться всем им до конца их дней.

Несмотря на раннее утро Хилл больше всего хотела напиться. Так она и сделала. Оставив машину на тротуаре, на-

плевав на то, что там стоял знак «Парковка запрещена», Кара зашла в первый попавшийся бар.

Внутри помещения практически никого не было. Крохотное по размеру заведение звезд с неба не хватало. Компактный бар с немногочисленным выбором. Меньше десятка столиков, зато все чисто и убрано. А самое главное – спокойно. После диких выходов Сайлента, Кара хотела лишь тишины.

– Тяжелое утро? – спросил бармен в возрасте.

Кара посмотрела на мужчину: седые волосы, аккуратно подстриженная борода. Несмотря на года – наверняка не моложе пятидесяти – выглядел он довольно подтянутым. Приятный человек.

– Еще какое, – ответила Хилл.

– Что будете пить?

– Пиво, – Кара положила сотовый телефон и значок детектива на барную стойку. – Начнем с него...

– Как скажете.

Увидев полицейский жетон, бармен молча открыл бутылку пива, протянул ее Каре и пошел дальше, заниматься своими делами. Именно этого Хилл и добивалась. Узнав в ней копа, вряд ли кому-то захочется вести душевные беседы. Пиво, тишина и одиночество: три друга, необходимые прямо здесь и сейчас.

Двери в бар открылись. Кара сделала жадный глоток и повернулась посмотреть, кого еще там занесла нелегкая в столь ранний час?

Посетителем оказался довольно милостивый, но в то же время властный мужчина в дорогом черном костюме. Темные волосы зачесаны назад, высокий лоб, ясный живой взгляд голубых глаз. Единственной несурезицей в его внешнем виде было коричневое пятнышко на воротнике белоснежной рубашки.

Изучив нового посетителя, Кара вернулась к своему напитку. Она надеялась, что значок копа отведит любого, кто решит проявить к ней хоть какую-то заинтересованность, но, видимо, она ошиблась.

– Я присяду? – спросил мужчина, пододвигая стул поближе к Каре.

– Мы в свободной стране, – ответила Хилл.

Кара расплела волосы, встряхнула головой. Допила пиво. Заказала еще одну бутылку. Человек в костюме попросил то же самое у бармена.

Несколько минут он молча сидел рядом, делая короткие глотки, но что-то подсказало: он здесь не просто так.

– Мы знакомы? – спросила Хилл.

– Уильям Доусон, – представился мужчина.

– Уильям Доусон, – повторила Кара. – Что-то знакомое. Вы какой-то актер?

– Увы, – засмеялся Уильям.

– Но мне кажется, что я видела вас по телевизору.

– Так и есть, но отнюдь не в фильмах, – Уильям аккуратно поставил бутылку. – Проект «НЕБО».

– Точно, – сказала Кара. – Та утопическая хреновина, о которой говорят по ящику.

– Ну, я бы не стал называть это хреновиной.

– Ой, да ладно вам. При мне можно не притворяться, – пиво дало о себе знать. Кара почувствовала, как начала расслабляться. – Я никогда не поверю, что вы совершенно бескорыстно создаете альтернативный мир, в котором все будут счастливы.

– Вы правы, – сказал Уильям. – Выгода, разумеется, есть.

– Вот-вот...

– Кара, у меня к вам деловое предложение.

Хилл мгновенно напряглась. Она не говорила ему, как ее зовут. Схватив с барной стойки значок, она убрала его во внутренний карман куртки. Фокус не сработал...

– Откуда вы знаете, кто я?

– Детектив Кара Хилл. Вы возглавляли расследование по делу о серийных убийствах. И в конце концов вам удалось поймать маньяка. Человека, терроризирующего наш всеми любимый город.

– Ага, – Кара сделала жадный глоток и со стуком поставила бутылку. – Поймала. Настоящий профессионал своего дела. Как раньше без меня полиция работала...

– Детектив, видите ли, – начал Уильям, – я в курсе вашей ситуации.

– Ситуации?

– По поводу вашего отца. Гидеона Хилла.

Кара уставилась на незнакомца холодным взглядом. Всегда, когда разговор заходил про ее папу, она вставала в оборонительную позу. Если кто-то решал обмолвиться о Гидеоне дурным словом, он тут же об этом жалел.

– И что же вам известно о нашей ситуации? – вызывающе спросила Хилл.

– Ваш отец при смерти. Надежда лишь на экспериментальное лечение. Увы, оно стоит слишком много денег.

Кара провела кончиком языка по внутренней стороне губы. В это мгновение она смахивала на боксера, который вставил в рот капу.

– И? – Хилл приподняла правую бровь, ожидая продолжения.

– В моих силах оплатить лечение.

– Неужели?

Уильям робко отпил из бутылки.

– Послушайте, – сказал он. – Я навел справки. Вы с отцом очень близки. Когда вам было шесть лет ваша мать погибла в автокатастрофе. В нее врезался пьяный водитель. С тех пор Гидеон воспитывал вас в одиночку. Конечно, помогала тетя, но все же... Из уважения к памяти о матери мистер Хилл так больше и не женился. Признаться, сомневаюсь, что у него вообще были другие женщины.

С каждым новым словом Доусона, Кара все злобнее на него смотрела. Этот мужчина далеко не такой мягкий и приятный человек, которым показался на первый взгляд. Перед

Карой сидел настоящий змей.

– Вы выросли папиной девочкой. Пошли по его стопам, хоть он вас и отговаривал. Но уверен, в глубине души Гидеон всегда гордился вашим выбором, – сказал Уильям. – Ваш отец самый близкий и родной для вас человек, Кара. Его потеря убьет вас. Я же предлагаю спасение...

– Бесплатный сыр только в мышеловке, – Кара смотрела прямо перед собой, допивая остатки со дна бутылки. – Что вы от меня хотите?

– Мне нужна ваша помощь, Кара. И так уж случилось, что на всем белом свете кроме вас мне никто не сможет помочь...

Глава 5

Сара Пэйн стояла в морге напротив металлических отсеков с трупами. С потолка светила яркая флуоресцентная лампа. В помещении было холодно. От одной только мысли, что она находится среди кучи покойников, становилось не по себе. Благо виски, выпитое двумя часами ранее, немного придавало храбрости.

За спиной доктора угрюмо тупили двое крепких телохранителей. Амбалы в костюмах выглядели настоящими «Рэмбо». Уильям Доусон распорядился, чтобы Сару сопровождали лучшие сотрудники из его частной охранной компании. Они оба знали, с кем Саре придется иметь дело. Промашки быть не должно... На кон поставлено все.

Прижав ладони ко рту, обдав их теплым дыханием, Сара собралась с мыслями.

– Доставайте его, – скомандовала она громилам.

Светловолосый мужчина с квадратной челюстью, об которую наверняка можно сломать кулаки, опустил ручку вниз и выдвинул металлическую задвижку. Прозвучал мерзкий лязг железа. Черный пакет с телом предстал перед Сарой. Оставалось потянуть за молнию, но женщина никак не решалась.

– Доктор Пэйн, – сказал все тот же блондин, – отойдите, пожалуйста, в сторону.

Сара подчинилась. Признаться, она была благодарна, что эту процедуру взял на себя кто-то другой. Ее заверили: субъект не очнется, пока не получит нужную дозу препарата, которая выведет его из Седации. Сара знала, что также этот термин используют для обозначения искусственной комы. Медикаментозный сон – состояние организма, характеризующееся отсутствием или снижением уровня сознания, угнетением рефлексов и болевой чувствительности, достигаемое при помощи введения седативных лекарственных средств. Но, несмотря на это, доктор Пэйн чувствовала себя некомфортно.

Саре даже представить было сложно, на какие ухищрения пришлось пойти Уильяму, чтобы убедить главного врача, провернуть столь невообразимую махинацию с казнью. Ведь вместо смертельного газа субъект получил коктейль веществ, предназначенный выдать процесс умерщвления за истину, и при этом не убить. Уильям всегда умел решать проблемы. Но в данном случае он превзошел себя.

Телохранилитель раскрыл молнию. Перед Сарой предстало обнаженное мужское тело. До боли бледное, как сама смерть, но в то же время прекрасное, заметила доктор. Отросшие темные волосы слегка прикрывали закрытые глаза и сеченые скулы с легкой щетиной. Вытянутая шея, торчащие ключицы, подтянутый сухой торс: перед казнью мужчина явно тренировался. Но зачем? Если бы Сара знала, что ей осталось жить всего несколько недель, то она потратила бы их на мо-

литвы или что-либо еще, но точно не на тренировки. На том свете упругий пресс тебе ни к чему, считала она. Глянцевый образ модели портил уродливый шрам на плече. Интересно, откуда он у него?

Застежка молнии заканчивалась в районе пояса. Телохранитель решил не смущать доктора и оставил нижнюю часть тела субъекта прикрытой. Лампа освещала бледные вены спящего мужчины. Сара подошла ближе, раскрыла шприц и поднесла иглу к его руке.

Пальцы доктора Пэйн задрожали. Она не хотела этого делать. Не хотела оживлять чудовище. Про его зверства трубили последние пару лет на каждом телеканале. Сара прекрасно знала, кто перед ней. Знала, что он сделал. Видела труды его работ... Она могла поклясться всеми святыми, что не пошла бы на это, если бы был другой выход. Но его не было.

Вернуть дочь мог лишь этот человек.

– Не торопитесь, – второй телохранитель ласково потрогал доктора за плечо.

Сара выдохнула:

– Ладно, – сказала она. – Поехали...

Игла шприца медленно вошла в еле заметную вену на сгибе руки. Светлая жидкость попала в тело. Несколько секунд ничего не происходило. На мгновение Сара испугалась, что врач перепутал дозировки в газовой камере. Что убийца все же отправился на тот свет. Это бы означало конец всему. Конец проекту «НЕБО». Конец ее карьере. Но самое главное –

конец ее дочери. Дженнифер неминуемо умрет, перед этим побывав в аду.

На мгновение сердце в груди доктора Пэйн перестало биться. Женщина с замиранием смотрела на бледное тело, ожидая реакции. Через секунду кожа мужчины начала обретать цвет. Пальцы стали подрагивать. Под веками забегали зрачки. Высунув кончик языка, бывший покойник облизал пересохшие потрескавшиеся губы. Левый глаз медленно открылся. От яркого света сузился зрачок.

Крохотная точка посередине мутного океана, в котором не видно дна, подумала Сара.

Доктор сразу же поняла, что этот человек именно тот, кто им нужен. Такого холодного пронизывающего взгляда Пэйн не видела ни разу в жизни. Ей стало страшно. Несмотря на то, что Сару охраняли двое стокилограммовых телохранителей с десятками лет опыта за спиной, она все равно боялась.

– Вы меня слышите? – робко спросила доктор.

– Хм.

Грэм Сайлент прочистил горло. Еще раз облизал губы. Громко сглотнул, а затем начал истерично смеяться. Его мерзкий смех отражался эхом от стен морга. По телу Сары пошли мурашки. Даже лица телохранителей напряглись.

– Признаться, – сказал Сайлент, прекратив хохотать, – я представлял себе дьявола немного по-другому...

Раскрывая двери лаборатории доктора Пэйн, предлагая

Каре войти внутрь, Уильям размышлял: как онаотреагирует, когда узнает всю правду?

Доусон был уверен, что Хилл согласиться. У нее просто нет другого выбора. Его люди давно за ней приглядывали. За ней, ее отцом и за главным виновником торжества – Грэмом Сайлентом.

Как только психотип маньяка попал в картотеку, Сара сразу же положила на него глаз. Уильям полагал, что если бы Грэм не был таким зверем, которого приговорили к смертной казни, то Пэйн уже давно бы попросила доставить его сюда.

Доусон знал, как надавить на Кару Хилл. Вынудить ее, чтобы та вписалась во все это безумие – нужно пообещать вылечить ее отца. Дочь пойдет на все, лишь бы уберечь любимого папочку от смерти. Но вот как уговорить психопата на столь сомнительную кампанию, человека, которому собственная жизнь не дорога? – об этом Уильям не имел ни малейшего представления.

Сара сама вызвалась сделать Грэму предложение. От Доусона требовалось только спасти ему жизнь. Всего-то! Кстати говоря, затея Сары влетела Уильяму в весьма крупную сумму. Если мероприятие не оправдается... Уильям даже думать об этом не хотел. В любом случае Сара уверила, что у нее есть весомый рычаг давления на Сайлента. Каким бы отбитым сумасшедшим он ни был, ее доводы возымеют вес.

Доусон наблюдал за широко раскрытыми глазами Кары,

когда она прошла вглубь лаборатории. С каким выражением она смотрела на капсулы погружения. Как робко трогала стеклянные отсеки, всматриваясь в тревожные лица подключенных к «НЕБУ». Как вдумчиво разглядывала главный монитор, с бегущими строчками кода.

По всей видимости, пиво окончательно выветрилось из ее головы. Взгляд был ясным и сосредоточенным. Детектив осмотрела помещение целиком. Заострила внимание на входах и выходах. Провела рукой по кожаной куртке, наверняка проверяя на месте ли ее пистолет, спрятанный в кобуре чуть ниже подмышки. Сфокусировалась. На щеках появился слабый румянец.

– Впечатляет, не так ли? – спросил Уильям.

Кара уставилась на него, нахмурив брови. Ее сложно было назвать красавицей. Скорее своеобразная. Грубоватые черты лица. Некогда окрашенные в белый цвет темные волосы сильно отросли в корнях. Плечи выглядели немного широковатыми для женщины ее комплекции. Зато ни единого лишнего килограмма. Как только Кара повернулась спиной, Уильям проскользил взглядом по ее упругой заднице в обтягивающих джинсах. Удивительно, учитывая пристрастия Кары к алкоголю и фастфуду.

– Чем вы здесь, мать вашу, занимаетесь? – спросила Хилл.

– Мы строим будущее, – раздался голос доктора Пэйн.

Уильям и Кара обернулись. Сара стояла в дверях. Облаченная в белый халат, накинутый поверх все того же платья,

в котором она выступала на пресс-конференции, женщина сняла очки и протерла уставшие глаза кончиками пальцев.

– Будущее? – спросила детектив. – Вы меня, конечно, извините, но я вот лично вижу булькающих зомби в синей жиже, с какой-то мигающей херовиной на голове. По-вашему, такое будущее уготовано для всех нас? Это вообще, законно?

Доктор Пэйн провела рукой по лицу. Уильям видел, как не хочется ей вступать в полемику с невеждой копом. Да и зачем? Даже если она объяснит Каре все по полочкам, вряд ли у той получится это принять. Кара Хилл человек действия. Она здесь и сейчас. Всегда. Гончая, привыкшая срывать с места, как только учует запах крови. Куда ей до мечтательных фантазий о безграничном мире? Ее удел – погони за преступниками, мелкие взятки и пиво по выходным перед телевизором.

– Все это может показаться немного странным на первый взгляд, – сказала Сара.

– Это уж сильно преуменьшено, – парировала Кара.

Доктор Пэйн подошла к своему рабочему столу, нажала несколько клавиш на клавиатуре. В окне монитора всплыл блок с данными Дженнифер. Сердцебиение девочки выходило далеко за пределы нормы. Сара тут же поникла. Вцепилась двумя руками в стол. Уильям увидел, с каким непониманием Хилл наблюдала за доктором. Ей все это казалось диким. Непонятным. Чем-то из мира фантастики.

– Детектив, – наконец, сказала Сара. – У меня нет време-

ни с вами спорить. Уверена, мистер Доусон объяснил в двух словах, что от вас требуется.

– Да. Что-то о том, чтобы попасть в компьютерную реальность, найти нужного человека и выйти обратно. Но я по-прежнему не дала окончательного ответа. Звучит бредом, если честно.

Пэйн поднялась из-за стола, указательным пальцем поправила очки на лице. Будучи немного выше своей собеседницы, подойдя к ней, она посмотрела на нее сверху вниз:

– Кара, мы обе знаем, что вы пойдете на все, лишь бы спасти отца. У вас нет вариантов. Вы не сможете собрать нужную сумму. Мне же, стоит сделать один телефонный звонок и Гидеон отправится в самую элитную клинику страны. Получит новейшее лечение, о котором мечтают сотни тысяч людей в его положении, – поправив воротник Кариной кожаной куртки, она добавила: – Так что, хватит строить из себя крутую мужеподобную бабу с яйцами, пистолетом и значком детектива.

Признаться, такого от Сары Уильям не ожидал. Обычно доктор Пэйн следила за языком, не позволяя себе лишнего. Видимо, ситуация, в которой оказалась ее дочь, заставила Сару отбросить в сторону тактичность и перейти сразу к делу.

– Вы предоставляете нам услугу, – резко сказала доктор Пэйн. – Мы не даем вашему отцу умереть уже сегодня ночью. А он умрет. Уверю вас. На счету каждая секунда. Чем

раньше мы закончим мериться причиндалами и перейдем к делу, тем больше шансов, что мистер Хилл доживет до утра. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

Уильям увидел гнев на лице детектива. Кару прямо всю перекосило от негодования. Он был уверен, что так с ней не разговаривали уже очень давно. Не ставили условий, при которых ей ничего не оставалось, кроме как согласиться и прогнуться.

Хилл напряглась. Покраснела. Явно хотела что-то возразить, но, похоже, здравый смысл победил.

– Хорошо, – Сара Пэйн подошла к столу, взяла с него небольшую стопку бумаг и ручку. – Вот, – она протянула Каре документы, – договор о неразглашении.

Хилл нервно выхватила бумаги из рук женщины. Быстрым взглядом окинула текст. Маска бунтарки постепенно начала спадать, оголяя лицо, на котором все отчетливее просматривалась безысходность. С каждой секундой плечи детектива опускались ниже. Румянец на лице начинал исчезать, уступая место бледности.

– Как только вы подпишете договор, я сразу же сделаю звонок. Ваш отец получит шанс на спасение. Не факт, что Гидеон выживет. Но факт, что не выживет, если вы не подпишете...

Доусон с каждой секундой восхищался Сарой все сильнее. Он и подумать не мог, что она может быть такой циничной и хладнокровной женщиной. Настоящий локомотив, не зна-

ющий препятствий на своем пути.

В помещении повисла пауза. Тишину нарушали лишь звуки приборов.

– Предупреждаю, – сказала Сара. – Как только на документе появится ваша подпись, назад пути не будет. Вы не сможете рассказать об этом ни одной живой душе. А если и решите, то мы прекратим сотрудничество с клиникой, в частности с лечением Гидеона. Вас же засудим и посадим в такую долговую яму, что выбраться из нее не получится уже никогда.

Кара Хилл думала недолго. На принятие решения ей хватило пары секунд. Выхватив ручку, она сказала:

– Звони в больницу, стерва проклятая.

С этими словами Хилл поставила подпись на бумагах. Уильям буквально видел облегчение на лице доктора Пэйн. Женщина выдохнула. Напряженные плечи немного расслабились. Достав мобильник, она сделала нужный звонок и обо всем договорилась.

– Отлично, – Сара забрала документы из рук детектива и передала их Уильяму. – Мисс Хилл, можно узнать, вы вооружены?

– Да, – ответила Кара. – А какое это имеет значение?

– Я попрошу вас на время отдать ваш пистолет моему коллеге, – Пэйн кивнула в сторону Доусона.

Кара нехотя вынула из кобуры табельный Глок и передала его Уильяму. Мужчина за несколько ловких движений раз-

рядил оружие и вытащил обойму, рассовав все части по разным карманам. Не зря он любил ходить раз в месяц в тир, пострелять.

– И зачем вам мой пистолет? – спросила Кара.

– Заводите! – крикнула доктор Пэйн.

Уильям и Кара повернулись к распахнутым дверям. В проеме появились двое крепких мужчин в костюмах, а рядом с ними шел тот, кто по мнению Кары Хилл должен был жариться в адском пламени преисподней.

– Привет, Пуговка, – с улыбкой сказал Грэм Сайлент. – Давно не виделись...

Хорошо, что Уильям разрядил пистолет. Ему хватило одного взгляда на лицо Кары, чтобы понять это.

Год назад...

Совершенно вымотанная, после двенадцати часов безуспешной работы над делом серии убийств, Хилл заехала в супермаркет. Продуктовая корзина Кары наполнилась парой упаковок светлого пива, чипсами и чизбургерами. Все чего она хотела – это поскорее добраться до дома, поцеловать отца и плюхнуться на диван с банкой пенного. Телевизор, пиво и чипсы: в последнее время лишь этот вечерний ритуал позволял Каре спокойно лечь в кровать и заснуть, не видя кошмаров.

А кошмары ее преследовали часто. От нехватки сил порой Хилл могла задремать у себя в отделе за разложенной

кипой бумага, перед этим изучая новые подробности дела. В такие моменты ужасы, которые Кара пропускала через себя изо дня в день, приобретали новые еще более пугающие образы. Казалось, Хилл заснула всего на минуту, но этого времени хватало, чтобы она очнулась от кошмара вся в поту, иногда даже с криком.

Коллеги ее не осуждали. Кара была уверена, что у всех, кто работал над этой серией чудовищных преступлений, случалось нечто подобное. Маньяк разгулялся не на шутку. Каждое убийство изощреннее предыдущего. Словно ублюдок решил переплюнуть всех своих предшественников. Стать во главе пищевой цепочки. Стать самым жестоким и в то же время известным серийным убийцей.

Благо вечерние посиделки с пивом и чипсами перед телевизором в теплой компании отца хоть немного спасали положение. Гидеон всегда умел подбодрить. Находил нужные слова. Делился советами. С ним Кара могла поговорить, о чем угодно. А если на разговоры сил совсем не оставалось, то и просто помолчать.

Припарковав машину рядом с воротами гаража, Кара вошла в дом, держа в руках бумажный пакет с продуктами. Знакомый запах, любимые стены: отец с матерью уютно все обустроили. Пускай район не самый престижный, пускай дом староват! – но Кара ни за что на свете не хотела уезжать отсюда. Для нее родные стены были памятью о маме. То место, в котором она провела лучшие годы своей жизни.

– Пап! – протяжно крикнула Кара, бросив ключи на полу. – Я дома!

Гидеон не отозвался. Странно, обычно он встречал ее с распростертыми объятиями, и плевать, как он себя чувствовал. Недавно ему поставили диагноз. Но Гидеон даже и не думал сдаваться.

Глядя на то, сколько жизни в этом сильном мужчине, Кара верила: он сумеет побороть болезнь.

– Папа, ты слышишь? – она занервничала. – Да что за черт...

Пройдя в гостиную, девушка увидела отца. Он лежал на полу, держась за грудь, и тихо скулил. У Кары сердце ушло в пятки. Она бросила пакет на пол и подбежала к Гидеону. Схватив того за руку, шепча ему на ухо, что все будет хорошо, сразу же начала вызывать скорую.

Сперва Кара даже не заметила белый конверт и разбросанные по полу фотографии. Отца увезли в больницу, поставили диагноз «Сердечный приступ». Сказали, что, если бы Кара задержалась на работе еще хотя бы на несколько минут, Гидеон, скорее всего, не выжил бы. Ему чертовски повезло...

Вернувшись домой, Хилл поняла, почему у отца случился приступ. Подняв с пола полароидные снимки, она увидела изображения изувеченных тел жертв. Жертв убийств, которые она расследовала. Развернув конверт, Кара прочитала:

«Привет, Пуговка. Прими мой подарок. Надеюсь, тебе по-

нравится. Твой ненаглядный визави...

П. С.

Я близко. Очень близко. Смотри по сторонам.»

Кара даже представить себе не могла, как испугался Гидеон, когда прочитал письмо и посмотрел на все эти ужасные фото... В тот момент Кара Хилл возненавидела Грэма Сайлента всем своим сердцем.

Глава 6

– Что это нахер значит?

Побледневшая Хилл попятилась назад, пока не уперлась ягодицами в стол. Уильям и Сара молчали. Кара переводила взгляд с наглой рожи Грэма Сайлента на лица доктора Пэйн и этого мерзкого типа Доусона. Детектив не могла поверить глазам. Как это возможно? Она же лично видела ублюдка в газовой камере. Видела, как он корчился от боли. Задышался, кричал, хрипел, черт возьми... Видела его предсмертную агонию, слышала последний вдох.

Неужели это было постановкой?

– Я спрашиваю, что все это, нахер, значит?! – не сдерживая эмоции, прокричала она.

Сайлент опустил взгляд, завел за спину руки. Начал рассматривать свои ботинки, словно он нашкодившая девочка. Увидев жест Уильяма, амбалы в костюмах толкнули Грэма в лабораторию и закрыли за собой двери. Худощавый маньяк чуть было не потерял равновесие. Посмотрев назад, он сказал:

– Зачем так грубо, парни. Мы же почти подружились!

Доусон и Сара по-прежнему молчали. Кара не стала спрашивать еще раз. Она была в ярости. Ее раздирал гнев! Набросившись на Уильяма, сбив того с ног, она вытащила из его карманов части пистолета и за несколько ловких движе-

ний собрала оружие.

При падении Доусон крепко приложился головой об пол: Кара видела небольшое кровавое пятнышко. Но ей было плевать. Все чего она хотела, это выпустить всю обойму в надменную рожу Сайлента. Она потратила слишком много времени, сил и нервов на его поиски, чтобы он снова вот так безмятежно стоял здесь.

На свободе...

Кара оттянула затвор, вставила патрон в патронник, сняла оружие с предохранителя и уверенной походкой подошла к Грэму. Мужчина даже не шелохнулся. Холодное дуло уперлось в его лоб, а он лишь улыбнулся и облизал губы.

У Кары затряслись руки. Она с ненавистью сверлила маньяка глазами, все сильнее нажимая на курок. Еще чуть-чуть и прозвучит выстрел. Мозги этого уroda разлетятся по всей лаборатории. Жертвы будут отомщены. Возмездие наконец-то свершится.

Но когда Грэм поднял свой взгляд, и ей и ему стало ясно, что она не выстрелит.

– Пуговка, – сказал он, – ты раньше убивала? Хоть раз забирала чужую жизнь? Каждый человек хоть раз в жизни хотел кого-то убить, включая себя. Но далеко не у каждого хватит на это смелости...

– Заткнись, – с трясущейся рукой сказала Кара.

– Мы оба знаем, что ты не выстрелишь, детектив. Ты не такая, как я. Прекращай ломать комедию.

Грэм еще сильнее уперся лбом в дуло пистолета. Впервые в жизни маньяк и полицейский оказались на расстоянии протянутой руки и выстрела друг от друга.

Постепенно давление стало усиливаться и Кара, потеряв равновесие, начала отходить назад. Ее распирала ярость и отчаяние. Собственная беспомощность. Даже стоя напротив него, человека, который испоганил ее жизнь, чуть было не довел до смерти ее отца, она все равно не могла его убить. Какой бы сильной и смелой внешне ни казалась Кара, внутри она по-прежнему оставалась доброй и честной. Той, кого воспитал Гидеон – хорошей девочкой.

– Мисс Хилл, – наконец-то, сказала Сара. – Уберите оружие. Пожалуйста.

– Кара! – крикнул Доусон. – Не глупите. На кону стоит жизнь вашего отца. Если вы выстрелите, нашей сделке конец.

Убрав ствол от Грэма, Кара закричала. Закричала так громко, как только могла. Помещение лаборатории наполнилось пронзительным женским воем. Лицо Сайлента обдало жаром ее дыхания и слюнями, но он даже не поморщился.

Казалось, Кара выплеснула всю себя этим криком. Всего несколько секунд, – и она совершенно обессилела. То, что Грэм был жив, стоял здесь, целый и невредимый, стало для детектива настоящим потрясением. Собравшись, Кара глубоко вздохнула и спустя несколько мучительно долгих секунд разорвала зрительную связь с убийцей.

Хилл пошла к столу, на котором стояла открытая бутылка виски, по пути распыливая стулья. Добравшись до алкоголя, она сделала несколько больших глотков. Спрятала пистолет в кобуру. Тряхнула головой. Почувствовав обжигающее тепло внутри себя, она спросила:

– Что все это значит?

– Мисс Хилл, – ответила Сара. – Мне горько это говорить, но в сложившейся ситуации помочь нам сможет только мистер Сайлент.

– Мистер Сайлент?

По-прежнему стоя к троице спиной, Кара разразилась смехом, а затем выпила еще, громко вернув бутылку на стол. Мистер Сайлент... Надо же... Такого абсурда она не слышала ни разу в жизни.

– Когда Истон Роувер внедрял новые психологические программы, чтобы правоохранительным органам было проще понять, с кем они имеют дело, то он разделил всех людей на четыре психотипа, – сказала доктор Пэйн. – Аркадия, выведи на экран «КПП», подключенных к «НЕБУ».

На центральном мониторе появились десятки, если не сотни блоков, похожих на страницы в соцсетях. Кара могла видеть возраст, пол, вес, хронические заболевания и прочее. А также каждый человек был подсвечен определенным цветом: белый, желтый и зеленый.

– Омега, – начала Сара. – Недееспособные люди. Старички, больные. Физически слабые. Тот контингент, который

представляет наименьшую угрозу. Вряд ли копы испугаются дряхлого старика с палкой. Верно?

Кара смотрела на экран, внимательно слушая доктора Пэйн. Она и раньше слышала об Истоне Роувере и его инновационных введениях в области криминальной психологии.

– Гамма, – продолжила Сара. – Основа, костяк общества. Большая его часть. Самые обычные граждане. Работа, дом, барбекю по выходным. Вовремя оплаченные штрафы за парковку. Те люди, кто обязательно извинятся, если толкнут вас плечом. К сожалению, даже они иногда попадают за решетку...

Кара взглянула на бутылку виски. Хотелось выпить еще. Хотелось убежать отсюда и забыть все как страшный сон.

– Бета, – Сара указала на зеленый цвет. Карточек с этими кандидатами было немного. – Сильная личность. Всегда и на все есть свое мнение. Присутствуют признаки психопатии. Способны на жестокость. Если эти люди не обременены социальными барьерами – плохое воспитание, не та компания, проблемы с алкоголем или наркотиками, – то зачастую именно этот пласт попадает в тюрьмы.

– А что насчет Альфы? – спросила Кара. – Если Омега – белые, Гамма – желтые, Бета – зеленые, – Кара еще раз окинула взглядом карточки на мониторе, – то где же красные?

– Прямо за тобой, – раздался голос Сайлента из-за спины. Кара повернулась. Грэм сидел на стуле, вальяжно сложив ногу на ногу. В темных джинсах, обтягивающей футболке и

ботинках он выглядел как обычный мужчина. Шарма добавляли растрепанные волосы. Совсем не похож на того безумца, хрипящего за стеклом газовой камеры.

– Именно, – ответила доктор Пэйн.

– Вы хотите сказать, – Кара ткнула пальцем в Сайлента. – Что этот сумасшедший – Альфа? Что он наверху пищевой цепочки?

– Послушайте, – Сара хотела подойти ближе, но Кара выставляла перед собой руку, дав понять, чтобы она отошла. Хилл было противно даже дышать одним воздухом рядом с этой женщиной. – Альфа – люди, не поддающиеся логике, – сказала Пэйн. – Их невозможно просчитать. Нельзя переубедить. У них нет ни совести, ни сострадания.

– Эгоисты, живущие лишь для себя, – Кара уставилась на Сайлента.

– Нет, мисс Хилл, – ответила Сара. – В бытовом словоупотреблении эгоист распространено больше, чем эгоцентрист. Именно поэтому большинство людей не различают эти понятия, валя все в одну кучу. А разница есть. Приведу пример, – Сара украдкой взглянула на Сайлента. – Эгоист говорит: «Я – центр Вселенной. Поэтому вы все, окружающие меня люди, должны именно так меня и воспринимать! Вы обязаны прыгать вокруг меня, ублажать меня и делать все для меня. Поступаться своими интересами ради моих интересов».

Сидя на стуле, Грэм выставил палец и произвел выстрел в сторону Кары.

– Не мой случай, – сказал он.

– Эгоцентрист же, – продолжила Пэйн, – говорит: «Я – центр Вселенной. Моей персональной Вселенной! Она так велика, так интересна и так прекрасна, что мне никто больше не нужен. Поэтому вы все, окружающие меня люди, с вашими проблемами и заботами, с вашими интересами и желаниями, с вашими мнениями о мире и обо мне, совершенно ничего для меня не значите. Я вправе делать, все что угодно, когда угодно и где угодно», – Сара секунду промолчала. – Если исходить из вышесказанного, эгоизм и эгоцентризм – это не просто разные понятия, а во многом диаметрально противоположные. Эгоисту нужен весь мир. Он хочет, чтобы все крутились вокруг него. Эгоцентристу никто не нужен, потому что у него есть свой собственный мир, и он уже вращается вокруг него.

Кара схватила бутылку виски и выпила. Сайлент поднялся на стуле и стал расхаживать по лаборатории, рассматривая капсулы. Проходя мимо некоторых погруженных, Грэм останавливался на секунду, заглядывал внутрь. Стучал пальцами по стеклу и что-то шептал.

– И к чему вы поведали мне всю эту психиатрическую херь? – спросила Кара, взглянув на доктора Пэйн.

– Внутри «НЕБА» свои правила, – ответила Сара.

– Вернее сказать, – вклинился Доусон, держась за разбитую голову, – их нет.

– Если раньше во главе всего стояло ядро, – добавила

Пэйн, – компьютер, система, отвечающая за то, чтобы никто внутри установки не смог никому навредить... То сейчас эта самая система взломана и находится под властью человека. А как все мы с вами знаем, человек – самое страшное существо...

– Стоп! – Кара протерла губы от выпитого виски. – Вы хотите сказать, что внутри этой штуки есть кто-то, кто может управлять всем и каждым?

– Не совсем так, но вы недалеко от истины...

– И кто этот человек?

– Мы не знаем, – невнятно ответил Уильям. – Для этого нам и нужен Сайлент.

– Он – Альфа, – сказала Сара. – Самый редкий психотип. Лишь Грэм Сайлент не будет подвержен влиянию ядра на свой разум. Ядра, которое сейчас в руках ужасного монстра...

Несколько минут детектив обдумывала услышанное. Пазл никак не складывался в голове.

– У меня есть два вопроса, если позволите, конечно, – с издевкой сказала она.

Доктор кивнула.

– Как вы могли договориться с этим психом? – Хилл посмотрела в сторону Грэма, выводящего узоры на запотевшем стекле капсулы. – И на кой хрен вам нужна я?

– Вы детектив, ведущий расследование по делу его убийств, – выдохнула Сара. – Вы та женщина, которая знает

его лучше всех. Как-никак именно вы поймали его и представили перед судом.

Кара закатила глаза. Ей осточертело слышать о том, как она якобы поймала серийного убийцу. Грэм Сайлент сам попался. Его поимка – это всего-навсего стечение обстоятельств. Везение, ничего больше.

– Нам нужны именно вы, – сказал Уильям. – Лишь вы сможете проконтролировать ход операции. Поможете Грэму добраться до заданных координат, перехватить управление ядром и проследить, чтобы он не натворил глупостей.

– Не натворил глупостей? – рассмеялась Хилл. – Вы, блин, серьезно? По-вашему, то, что сделал этот мерзавец, можно назвать глупостями?

Хилл подошла к Уильяму вплотную. Посмотрела ему в глаза. Вызывающе вытянула губы. Помолчав, сказала:

– Грэм Сайлент убил двадцать пять мужчин и женщин. И это только те, о ком мы знаем... Он их калечил и насиловал. Резал на куски. Отправлял части тел по почте родителям. Это, по-вашему, глупости?

Кара уперлась указательным пальцем в грудь Доусона.

– Прошу прощения, мисс Хилл, – перебила ее доктор Пэйн. – Не могли бы вы подойти сюда.

Детектив еще несколько секунд буравила Уильяма взглядом. Доусон опустил голову, явно поняв, что эту дуэль ему не выиграть.

Сара подошла к доктору и увидела девушку внутри капсу-

лы погружения. Не старше семнадцати лет. На милом личике то и дело проскальзывали гримасы боли или страха: Сара не могла разобрать. Присмотревшись внимательнее, Хилл заметила некую недоразвитость ее тела. Скрюченные кисти рук, тонкие ноги и изогнутую спину.

– Дженнифер, – сказала Сара, ласково положив ладонь на стеклянный отсек капсулы. – Моя девочка...

– Ваша дочь? – спросила Кара.

– Я не в восторге от того, что нам приходится сотрудничать с таким монстром, как Грэм Сайлент, – голос доктора стал тихим и слабым. В нем окончательно пропала власть. – Но поймите меня правильно, только он сможет спасти моего ребенка. Только он и никто другой... Да, возможно, где-то есть еще альфы. Гораздо менее кровожадные. Но у нас нет времени на их поиск. Моя дочь прямо сейчас находится в аду. В прямом смысле этого слова. И она точно умрет, если я ничего не предприму, Кара, – доктор повернулась к детективу, – Вы хотите спасти отца. Я же хочу уберечь ребенка от неминуемой гибели. Давайте спасем своих близких. Вместе!

Хилл смотрела в молящее лицо женщины. Видела, как подрагивали ее губы, когда она говорила эти слова. На миг она даже прониклась ее отчаянием.

– Грэм Сайлент неуправляем, – сказала Кара. – Он не станет плясать под вашу дудку...

– Мистер Сайлент сделает все, чтобы помочь мне. Об этом

можете не переживать, – ответила Сара. – Но нужен кто-то, кто будет держать поводок в руках. И, к сожалению или к счастью, этот человек именно вы, мисс Хилл...

Глава 7

– Как это будет? – спросила Кара.

Детектив стояла возле пустой капсулы погружения. За спиной она слышала глубокое протяжное дыхание Сайлента. Кара была уверена, что в эту секунду он пожирал ее глазами. Вдыхал ее запах. Представлял, чтобы он сделал, если бы у него появилась возможность остаться с ней наедине.

– Мы погрузим вас в капсулы. На ваших головах будут закреплены «НКИ», – ответила Сара, вводя какие-то параметры на сенсорной панели.

– «НКИ»? – спросил Грэм, обдав шею Кары горячим дыханием.

Кара слушала его низкий слегка хриловатый голос. Интересно, скольких девушек он «склеил», благодаря такому голосу? Склеил, а потом изнасиловал и убил...

– Нейрокомпьютерный интерфейс, – доктор Пэйн продолжала вводить данные. – Через этот прибор, – Сара кивнула на мигающее устройство, закрепленное справа от крышки капсулы, – ваш мозг будет синхронизироваться с компьютером. Учтите, время внутри установки идет несколько иначе. На той стороне вас встретит Аркадия. Моя помощница расскажет все, что нужно знать, для выполнения задания.

– Аркадия? – Кара огляделась. – Кто это?

– Нейросеть. Считайте ее вашим другом. Тем, кто помо-

жет на первых этапах пути.

– На первых этапах? – спросила Хилл.

– Да, – ответила Пэйн. – Чем ближе вы будете подбираться к нужным координатам для перехвата ядра, тем слабее будет становиться Аркадия. Но не переживайте. На начальных порах она не даст вас в обиду. Плюс, пока с вами Аркадия, мы сможем держать стабильную связь. В ваши «НКИ» установлены специальные модули.

– Обнадеживает... А что насчет этой мерзкой жижи? – Хилл скривила лицо.

Глядя на капсулы, Кару даже холодок пробрал. Обнаженные тела подключенных плавали в вязкой синей жидкости совершенно беззащитные. Одни дергались, словно у них случались непроизвольные судороги, другие выглядели так, будто хотели кричать, но у них не получалось...

От одной только мысли, что Каре придется погрузить себя в *это*, становилось дурно. Детектив знала, что все это неправильно. Незаконно. Аморально. Противоречит любой здравой логике. Но когда на ее сотовый телефон пришло сообщение от доктора Моралеса – *«Не знаю, как вам удалось, но Гидеона уже перевозят. Надеюсь, все будет хорошо. Ваш отец в отличных руках. Вы хорошая дочь. Вашему отцу есть чем гордиться...»*, – то все сомнения ушли прочь. Сара Пэйн и Уильям Доусон сдержали слово. Теперь у Гидеона появился шанс. Он может выжить. А значит, назад пути уже нет.

– Это криогель. Он снабжает тело всеми нужными пита-

тельными элементами, – сидя за столом, протирая салфеткой рану на голове, сказал Доусон. – Старая технология. Ее разработкой занимались еще в «НАСА». Как вы сами знаете, раньше покорение космоса было довольно перспективным предприятием. Потом появились смартфоны, гаджеты и прочее... Корпорации поняли, что гораздо выгоднее вкладывать деньги в IT технологии. Зачем нам лететь, черт знает куда, если мы можем сделать свой космос прямо здесь. На земле. Стать астронавтом, собственно, не выходя из комнаты.

– Задроты, – коротко буркнул Сайлент.

– Чтобы полететь в космос, нужно быть особенным человеком в очень многих аспектах... Не все люди могут похвастаться таким крепким здоровьем, как вы, мистер Сайлент. А благодаря компьютерным технологиям побывать в космосе появился шанс почти у каждого. Пускай и в виртуальном...

Грэм осмотрел себя сверху вниз. Поправил футболку на бицепсах. Тряхнул густой шевелюрой.

– Что есть, то есть, – сказал он. – Но задротства это не отменяет.

– Так, – воодушевилась, Сара. – Я закончила. Кара, подойдите, пожалуйста, сюда. Капсула считает ваши биометрические параметры. И вы, мистер Сайлент, прошу, – доктор указала на рядом стоящую установку. – Только перед этим вам придется снять с себя одежду.

У Кары сердце ухнуло в груди. Глядя на всех погруженных, она совсем забыла о том, что и ей нужно будет остаться совершенно голой. Но хуже всего было то, что прыгать голышом ей придется в компании Грэма Сайлента. Да, расскажи ей кто-нибудь об этом сегодня утром, она бы засмеялась.

Либо же в морду дала...

– Это обязательно? – спросила Кара.

– Увы, – ответила Пэйн.

– В чем дело, Пуговка? – Грэм уже стягивал футболку, оголяя рельефный торс. На плече маньяка красовался уродливый шрам, словно его в детстве покусала собака. – Не тот комплект нижнего белья надела сегодня утром? Ой, извини. Я совсем забыл, что и его придется снять, – пошутил он. – Но не переживай. Ты будешь не первая женщина, которая предстанет передо мной обнаженной, – Сайлент многозначительно подмигнул. – Я знаю, как выглядит женская грудь. Даже, как она смотрится в разрезе от своей хозяйки, – слово «в разрезе» он выделил особенным тоном. – Надеюсь, у тебя розовые соски. Люблю розовые...

– Если я тогда не прострелила твою тупую башку, – вспылила Хилл, – то это не значит, что я не сделаю этого сейчас, если ты нахер не заткнешься! Покончим с этим, – добавила она.

Кара скинула с себя куртку и майку. Стянула джинсы. Бросила их в дальний угол. Ботинки полетели в Сайлента, который к тому моменту уже остался в одних трусах. Хилл

хотела сделать все быстро, но перед тем, как снять плавки и лифчик, все равно несколько секунд помедлила...

– Отвернись, – сказала она Грэму.

Доусон, сидящий на стуле, развернулся на сто восемьдесят градусов еще когда Кара бросила на пол куртку. Сайлент же смотрел на нее, словно дикий волк, не отводя глаз. Даже его бледное лицо немного покраснело. Он долгие месяцы был за решеткой и вряд ли видел голых женщин. Разве что на контрабандных порнокартинках. Кара и думать боялась, какие мысли сейчас роились в голове этого сумасшедшего сукина сына.

Грэм помедлил секунд тридцать, взглядом изучая каждый сантиметр ее тела, а потом, сказал:

– Ладно, – сняв трусы, он отвернулся к своей капсуле и устоялся на сенсорную панель.

Бросив короткий взгляд на подтянутую задницу маньяка, Кара выдохнула и скинула с себя остатки одежды. Кожа покрылась мурашками. Каждый волосок встал дыбом. Хилл хотела выглядеть спокойной и уравновешенной, но ее стучащая об пол ступня выдавала тревогу. Кара нервничала. Нервничала, как никогда в жизни. Мало того, что она стояла совершенно обнаженная в компании незнакомцев, так еще ей предстояло подключить свой мозг к высокотехнологичному компьютеру. И чем все это закончится, Хилл не знала...

– Хорошо, – сказала доктор. – Приступим. Аркадия, – обратилась она к своей электронной помощнице, – запускай

сканирование.

В лицо Кары ударил горизонтальный лазерный луч. Он несколько раз прошелся по ее телу: сначала вверх-вниз, потом слева направо и наоборот. На сенсорной панели отразился женский вращающийся силуэт, а рядом с ним данные Кары: вес, рост и прочее.

– Что теперь? – спросила детектив, краем глаза наблюдая за Сайлентом. Грэм по-прежнему стоял неподвижно.

Капсулы погружения с шипящим звуком медленно открыли свои крышки. Доктор Пэйн закрепила на головах Грэма и Кары приборы «НКИ».

– Да, – улыбнулся Сайлент. – Голгофа нынче не та...

– Пф, – раздраженно шикнула Кара.

Она никогда не отличалась особой религиозностью, но слышать богохульство из уст серийного убийцы было уже чересчур.

– Криогель наполнит ваши легкие, – Сара попросила Кару и Сайлента зайти внутрь капсул. – Первый раз эта процедура может показаться довольно неприятной.

Услышав про легкие, Хилл захотела поднять с пола плавки и убежать отсюда куда подальше. Грэм же лишь мерзко усмехнулся.

Кара нехотя вошла в установку. Села на прохладный пол, обхватив дрожащие колени руками. Через мутное стекло виднелось напряженное лицо Сары и подошедшего Уильяма. Доусон перестал зажимать уши салфеткой. Скрестив руки

на груди, он поочередно смотрел, то на капсулу Кары, то на Сайлента.

Грэма же Кара не видела. Да и не особо хотелось. Она заочно знала, что он сейчас сидит и тащится от всего происходящего. Подумать только, еще утром Сайлент должен был сдохнуть в газовой камере, а спустя каких-то пару часов он в капсуле погружения, которая отправит его в виртуальный мир, полный приключений: пускай и с риском для жизни. Кара была уверена, что эти мелочи Грэма совершенно не волновали. Она понятия не имела, что вообще могло взволновать этого сумасшедшего.

Когда после очередного убийства машина Грэма не завелась, а проезжающий мимо полицейский решил проверить его документы, Сайлент убил и копа. Кара видела запись с регистратора. Грэм сломал молодому парню руку, зашел ему за спину и одним ловким движением свернул шею. Пара секунд, – и салага в форме отправился на тот свет, словно Сайлент проделывал это сотни раз.

Напарник офицера наблюдал смерть товарища через лобовое стекло в салоне полицейской машины. Все случилось так быстро, что он не успел ничего сделать. Мужчина вызвал подмогу и помчался к Грэму. Сайлент забрал пистолет у трупа и несколько раз выстрелил в грудь опытного копа. Так на его счету оказалось уже два убийства.

Когда подоспела помощь, и Грэм понял, что ему не уйти и не справиться со столькими сотрудниками правопорядка,

он мирно лег на землю и заправил руки за голову, лишив полицейских возможности убить его при задержании. Ублюдок сдался.

Спокойно и безмятежно Грэм Сайлент отправился в тюрьму на зло всем своим «поклонникам».

Кара затерялась в чертогах памяти, как раз в тот момент, когда в капсулу хлынул криогель. Прохладная вязкая жидкость стремительно заполняла собой все пространство. Дыхание Хилл стало заметно чаще. Тело начало трястись от выброса адреналина. Чем выше поднимался гель, тем сильнее цепенела Кара.

Она хотела встать, хотела закричать, хотела сделать хоть что-то, но, когда гель поднялся на уровень горла, детектив просто закрыла глаза и непроизвольно вдохнула. Последнее, что она слышала, перед тем как потерять сознание, это глухой смех серийного убийцы в капсуле по соседству...

Сперва Каре казалась, что она тонет. Легкие жгло огнем. Хилл пыталась глотать воздух, но каждый раз, когда она делала вдох, ничего не происходило. Вокруг нее все потемнело. Всего мгновение, – и свет погас, оставив ее в крошечной тьме.

Руки перестали дрожать. Кара по-прежнему сидела, обхватив колени, но уже не ощущала того трепета и страха. Когда она сосредоточилась, то поняла, что вполне может дышать.

Детектив встала на ноги, потрогала себя: все так же обнажена. Крикнула... голос ушел гулким эхом куда-то вдаль. Вокруг нее была одна сплошная темнота. Почему ничего не видно? Она что, ослепла?

Выставив перед собой руки, Кара сделала несколько робких шагов, пытаясь нащупать хоть что-нибудь. Внезапно зажегся свет. Яркий луч ударил в лицо. Каре даже пришлось прикрыться руками. Когда Хилл взглядом настроила фокус, то увидела приоткрытую дверь в трех метрах от себя. Именно из-за нее светилось нечто белое.

Кара подошла ближе. С каждым ее шагом свет становился все тусклее. Казалось, что надежда на спасение гаснет. Еще немного и дверь закроется... Хилл уже почти схватилась за ручку, как услышала знакомый голос у себя за спиной:

– Дочка, не стоит... Не ходи туда.

Обернувшись, Кара увидела своего отца. Седовласый Гидеон в поношенном костюме, который служил ему верой и правдой долгие годы, стоял во тьме. Он ласково протягивал руку с улыбкой на лице. Кара с любовью разглядывала его густую бороду и печальные глаза.

Она хотела отпустить дверь, хотела броситься в объятия отца! – но Кара знала, что это не выход. Гидеон лишь часть ее подсознания. Та часть, которая не хочет, чтобы она окуналась в омут неизвестности и безумия: ведь за той дверью ее наверняка не ждет ничего хорошего. За той дверью будет лишь мрак и холод. И что самое страшное, пробираться че-

рез все это ей придется в компании дьявола.

– Прости, папа, – тихо сказала Хилл, отвергнув его руку. – Но я должна это сделать. Ради тебя. Ради нас...

Раскрыв пошире дверь, женщина растворилась в ярком свете.

Часть 2

Раньше я боялся потерять память, но теперь был бы счастлив кое-что забыть. Память – как фреска в моей голове. Она делает события вечными, но забывчивость дарит умиротворение. Нужно забывать.

(С) Кинофильм «Ганнибал».

Глава 8

Можно ли полностью изменить человека?

Превратить в кого-то другого?

Перекроить его тело, сознание, душу. Вырвать из него все то хорошее, что годами вкладывали родители. Перемолоть это в труху. Посыпать все пеплом и вернуть обратно.

Что произойдет тогда? Кем этот человек станет?

Нечто подобное случилось со мной...

Поверьте, я не из тех идеальных детей, которых показывают в рекламных роликах по телевизору, но и зла во мне никогда не было. Я не любил мучить животных, отрывать насекомым лапки, а потом смотреть, как они барахтаются на спине, пытаясь перевернуться. Я не мочился по ночам. Ничего не поджигал. Мне всегда было чуждо насилие. Всегда.

Это пришло позже.

Зло...

Оказалось, оно гораздо сильнее, чем я предполагал. Оказалось, если дать слабину... Хотя бы немного... Оно схватит тебя своими липкими щупальцами, пустит внутрь сердца яд, и противостоять ему будет уже невозможно.

Можно ли полностью изменить человека?

Превратить в кого-то другого?

Перекроить его тело, сознание, душу?

Еще как можно!

В умелых руках и при должном воспитании даже агнец способен стать волком. С каждым днем я все отчетливее ощущал клыки у себя в пасти. Представлял, как они вошьются в чью-то плоть.

И недалек был день, когда я захотел пустить их в ход.

Ведь кто бы что ни говорил, но если у тебя есть оружие, то всегда будет соблазн им воспользоваться...

Всегда.

В комнате играла тихая мелодичная музыка. Через кристально чистое окно во всю стену попадали солнечные лучи. Они ласково касались края кровати, на которой лежала Кара Хилл. В белой шелковой сорочке, с румяными щечками и умиротворенным лицом, детектив смахивала на ангела. Всего каких-то пары сантиметров не хватало, чтобы полоска света дотронулась до ее скрещенных на груди рук.

Кара открыла глаза и первые секунды не могла поверить: она оказалась в своей комнате из детства. Та же мягкая кровать, те же обои на стенах с изображениями дельфинов. Они с мамой сами выбирали их в строительном магазине, а потом еще и клеили.

Опустив босые ноги на пол, Кара почувствовала приятный ворс ковра. На аккуратном деревянном столике играла шкатулка с вращающейся балериной. Кара помнила, что каждый раз, когда она ее открывала и любовалась изящной

позой фарфоровой фигурки, клялась себе, что обязательно начнет заниматься балетом, как только немного подрастет.

Сквозь солнечные лучи света из окна Кара прошла к столу и взяла в руки шкатулку. Сердце сжалось в груди. Пронизывающая мелодия полифонии цепляла за самое живое. Всего пара нот, но они мгновенно оживляли образы детства из памяти. Сколько же теплых воспоминаний было связано с этой приятной музыкой.

Кара повернулась к стене и увидела свою драгоценную полку с мягкими игрушками. Они с мамой обожали доставать плюшевых зверушек из автоматов в торговых центрах. Порой получалось, порой нет, но, когда металлическая рука – так Кара называла устройство, хватающее заветный приз, – все же вынимала игрушки, счастьем не было предела. Они с мамой визжали от восторга, словно выигрывали в лотерею.

В конце концов, медведей, лягушек и прочей живности скопилось столько, что папе пришлось прибить несколько деревянных полок к стенке, чтобы новым друзьям Кары было где разместиться. Каждый раз перед сном мама или папа целовали Кару в щеку, говоря, что зверьки будут охранять ее, пока она спит.

Взяв с полки коричневого мишку, Кара крепко прижала его к груди. Он был ее первым. Первый, кого она лично достала из автомата. Сложно было даже представить, сколько ночей они провели вместе. Кара не расставалась с ним ни на секунду. Медведь с криво пришитым пластмассовым носом

стал ее самым настоящим другом.

Внезапно раздался грохот. Звук донесся откуда-то из-за двери. Только после этого Кара вышла из омута воспоминаний о детстве, осознав: она в установке! А все, что ее окружает – лишь компьютерная симуляция.

Вновь грохот. В этот раз намного громче и ближе... Кара вздрогнула. Осмотрев себя сверху вниз, поняла, что белая сорочка и босые ноги совершенно не тот внешний вид, который нужен в подобной ситуации. Когда оглушающий удар прозвучал в очередной раз, дав понять: что бы это ни было за стеной, оно практически здесь! – Кара с грустью откинула плюшевого медведя в сторону и приготовилась столкнуться с чем-то ужасным.

В следующую секунду дверь распахнулась. Удар был такой сильный, что деревянное полотно с треском слетело с петель. Несколько щепок от косяка врезались Каре в лицо. Мелкие капельки крови промчались по щекам и упали на ворот сорочки. Хилл инстинктивно схватилась за раны, а уже через мгновение ее сбили с ног.

Кара ударилась затылком об пол. В глазах помутнело. На нее кто-то упал: она почувствовала частое дыхание у себя возле уха. Открыв глаза, Хилл увидела бледное лицо Грэма Сайлента. Мужчина лежал на ней сверху, словно они были любовниками, которые секунду назад оторвались от страстного поцелуя. Только нежности в этой позе совершенно не прослеживалось.

Губы Грэма выглядели напряженными и больше напоминали одну прямую линию. В глубоко посаженных глазах не было ни намека на былое веселье и азарт. В них отчетливо читалось смятение. Сайлент выглядел растерянным, если не сказать больше...

Он что, напуган? Разве это вообще возможно?

– Вставай, – отрезал Грэм в лицо Кары. – Времени нет. Они близко...

– Они? – спросила Хилл.

Сайлент вскочил. Протянул Каре руку, чтобы та могла подняться. Детектив отвергла предложение. С трудом встав на ноги, она услышала еще один удар. Будто кто-то со всей силы врезался в металлическую дверь. Вскоре раздался протяжный лязг, а потом до комнаты Кары донесся пронзительный тяжелый вой.

Хилл не знала чей это голос. Он звучал сразу несколькими октавами, как высокими, так и низкими. Будто его обработал звукорежиссер, решив придать своей звуковой дорожке нотки ужаса. Ни одно животное или человек не могли издавать подобный звук. В этом Кара была уверена. От чего бы ни убегал Сайлент, ей точно стоит последовать его примеру.

В проеме, где раньше красовалась дверь, сейчас виднелась тьма. Она так сильно контрастировала со светлой комнатой, в которой очнулась Кара, что в это почти не верилось.

Абсолютная темнота.

Сайлент носился туда-сюда, перебирая все ящики. Воз-

можно, искал оружие. Но кроме набора плюшевых игрушек ничего найти не удалось. Грэм подошел к окну, попытался его открыть... не вышло.

– Черт, – выругался он. – Твое подсознание не могло нарисовать более практичное помещение?

– Что? – не понимая, спросила Кара. – О чем ты?

Не слушая детектива, Грэм смахнул рукой со стола все его содержимое. Альбомные листы, детские поделки, краски, даже шкатулка балерины! – все полетело в стену. Сайлент повернулся к Каре спиной, и она увидела на нем три глубокие кровоточащие борозды. Из-под разорванной футболки виднелись раны. Словно какой-то зверь преследовал Грэма сзади, нанося удары своими длинными когтями, пока он мчался сюда со всех ног.

– Окно! – крикнул Сайлент. – Бери стол с другой стороны. Нам нужно выбить твое чертово окно и убраться отсюда, пока не поздно!

– Что там? – в суматохе спросила Хилл. – От чего ты убежал? Что за хренотень там в темноте?

– Поверь, тебе лучше не знать...

Кара заглянула в черный проем двери: в этот раз она заметила два тусклых огонька, внезапно вспыхнувших вдали. Сперва два, потом четыре, потом восемь. Маленькие красные точки удваивались, гипнотизируя, заставляя смотреть на них все дольше. Следом вновь раздался вой. Он звучал гораздо ближе. Стало ясно, почему он собран из разных то-

нальностей. Потому что автором этого мерзкого крика было не одно животное, а целая стая.

Холодок пробежал по спине. Вытерев кровь с лица, Кара подошла к Грэму и, не задавая лишних вопросов, схватилась за край стола. Он был прав: ей не стоит знать, с кем он столкнулся в той тьме и от кого удирал.

– Готова? – спросил Сайлент.

– На счет три! – ответила Кара.

Досчитав до трех, они подняли стол и со всей силы зашвырнули в окно. Благо он был достаточно тяжелый и его веса хватило, чтобы выбить стекла вместе со ставнями.

Солнце погасло в момент, окунув комнату Кары во мрак. Цвета померкли. Даже плюшевые игрушки на полках приняли враждебный вид. Вместо милых улыбок на мордашках животных появились оскалы. Приятная ткань зверушек превратилась в шершавые струпья. Лица пластмассовых кукол треснули. Глаза с огромными зрачками забегали из стороны в сторону.

Кара смотрела на все это и не могла поверить в происходящее...

Из тьмы в проеме раздался скрежет. Кем бы ни были те твари, с горящими глазами, они мчались прямо сюда. Кара в очередной раз пожалела, что она босиком: переступая через осколки окна, она пыталась выбраться из комнаты. Но когда Хилл подошла к краю карниза, то поняла, что они находятся на черт знает каком этаже! Как и с дверным проемом, за ок-

ном ничего не было видно. Одна лишь тьма. Даже если они прыгнут, то могут попросту разбиться. Ведь это мог быть как второй этаж, так и пятидесятый.

– Чего ты ждешь? – нервно спросил Грэм у нее за спиной.

– Там нихера не видно! – закричала Кара.

Она повернулась назад и увидела десятки горящих огней. Они были совсем близко. Еще несколько секунд, – и их разорвут.

– Не знаю, как ты! – заорал Сайлент, – А я лучше сдохну от падения, чем от лап озверевших тварей. Считай это прыжком веры, Пуговка!

Сделав шаг назад для разгона, он помчался к выбитому окну, обхватил Кару двумя руками и вылетел вместе с ней во тьму.

Боль была адской...

Когда Кара открыла глаза, ей показалось, что она попала под грузовик. Ломило каждую косточку. Что вообще произошло? Последнее воспоминание – обезумевший Грэм, который прыгнул на нее, словно гепард на газель. Потом – темнота и страшный удар обо что-то очень твердое.

Видимо, при падении Кара потеряла сознание, поскольку, когда она пришла в себя, то сперва не поняла, где оказалась. Тело потряхивало. Кара лежала на спине. Перед глазами виднелось серое небо заката. Пахло навозом и пылью.

– Надо же, очнулась, – раздался незнакомый голос.

Хилл хотела подняться, но у нее не получилось. Руки не слушались. Кто-то бесцеремонно схватил ее за волосы, приподнял и посадил на задницу. Кара хорошенько проморгалась: секунду спустя она поняла, что едет в деревянной телеге. Доски выглядели настолько старыми и прогнившими, что, казалось, тележка вот-вот развалится. За упряжкой спиной к Каре сидел мужчина с длинными спутанными волосами. Грязные патлы ниспадали на широченные плечи.

Хилл осмотрелась по сторонам: повсюду виднелись недостроенные высотки. Серые бетонные здания, окруженные строительными лесами, уходили далеко в небо. Телега проезжала мимо ржавых автомобилей с разбитыми стеклами. Потрескавшийся асфальт в некоторых местах прорастал кустарником. Город, если его можно было так назвать, выглядел полем боя, в которое когда-то ударила бомба.

Из-за недостроенных крыш домов проглядывало кроваво-красное солнце. Его лучи липкими пальцами цеплялись за кирпичные стены, на которых сидели огромные вороны, чавкающие чем-то похожим на мясо. Черные птицы кричали так громко, что хотелось прикрыть уши.

Слушая топот копыт, Кара в очередной раз хотела пошевелиться, но поняла, что ее руки и ноги скованы кандалами: ржавые железяки болтались на запястьях и щиколотках. Некогда белоснежная сорочка, теперь вся измазанная кровью и грязью, превратилась в порванную тряпку. Босые ступни были настолько сильно исцарапаны, что даже если бы у

Кары и появилась возможность на побег, она вряд ли бы смогла это сделать.

Напротив нее сидел парень. Не старше двадцати: мерзкое чумазое лицо, отросшие темные волосы. Потертый кожаный плащ скрывал худощавое тело. Вместо правой ноги у него был импровизированный протез в виде кривой палки. Пахло от парня как от дворовой псины, которая только что искупалась в луже.

В дальнем конце скрипящей тележки Кара увидела Грэма. Закованный в точно такие же кандалы он спокойно сидел, откинувшись спиной на деревянный борт. Футболка и джинсы Сайлента так же были испачканы грязью. Лицо выглядело помятым. Наверняка по нему несколько раз хорошенько приложились кулаком.

Сперва Кара удивилась: почему это вечно разговорчивый Сайлент все время молчит? – но потом поняла, что рот Грэма заткнут тряпкой. Увидев, что Кара очнулась, он коротко кивнул. Хотел улыбнуться, но из-за кляпа вышло не очень.

Хилл окинула взглядом калеку напротив:

– Ты еще, что за хер? – спросила она. – И где мы находимся?

– Здравствуй, пташка! Рад, что ты с нами, – с воодушевлением сказал парень. – Поздравляю! Ты, типа, попала в самый центр задницы!

Глава 9

– Нет, Билл, ну ты, типа, представляешь, как нам повезло? – сказал калека. – Эти две пташки упали нам на голову буквально с неба. Невероятно!

Извозчик что-то неразборчиво буркнул себе под нос и хлестанул лошадь поводьями. Тележку дернуло, и Кара повалилась на бок. Сидящий напротив парень наклонился и поднял ее обратно.

Красное солнце начало скрываться за крышами домов. Разрушенный город погружался в темноту. Крики воронов звучали все громче. Становилось холоднее. Кара выдохнула клуб пара изо рта.

– Где мы? – спросила она. – И кто вы такие?

– Слыхал, Билл! – он вновь обратился к товарищу. – Кто мы? Где мы? Надо же... давненько я не слышал такого.

– Ага, – почти неразборчивым басом ответил громила. – Янг Блиды. В последнее время они редкость.

– Янг Блиды? – Хилл поерзала на тележке, приняв более удобную позу.

– Новенькие, – калека прильнул к Каре и схватил ее за подбородок. – Те, кто попали в наш проклятый Тартар не так давно.

Парень бесцеремонно начал разглядывать Кару как какой-то трофей. Повернул ее голову вправо, влево. Открыл ей

рот, посмотрел на зубы. Оттянул ворот сорочки и присвистнул, взглянув на ее грудь. Удостоверившись, что она хороший товар, откинул Кару обратно на борт телеги.

– Шикарная, – протягивая каждую букву, сказал он. – Никтеанцы щедро заплатят.

– Никтеанцы? – в очередной раз спросила Кара, до сих пор чувствуя его мерзкие руки на своем теле.

– Дети ночи. Как думаешь, Билл, сколько нам, типа, дадут за эту красотку и ее друга?

Грэм затопал ногами, начал мычать. Поняв, что на него не обращают внимание, стал трясти кандалами.

– Что? – рявкнул калека. – Знаешь, – обратился он к Каре, – твой друг не затыкался ни на секунду. Пришлось даже снять носок, чтобы прикрыть его сраный рот! Откуда он только взялся такой?

Кара посмотрела вниз. Здоровая босая нога парня была обута в старый, местами порванный сандаль. Каждый раз, смотря на недовольное лицо Грэма, ее начинало мутить.

– Ах, да, – сказал парень. – Забыл представиться... Мое имя Роберт Патрик Оуэн. Но все, типа, зовут меня просто Боб. А это, – Боб кивнул в сторону волосатого здоровяка, – малыш Билл.

Извозчик повернулся, и Кара увидела огромную вмятину на правой половине его лица. Выглядело так, словно в это место ударили кувалдой. Как он при этом остался жив? – непонятно. Билл улыбнулся, оголив ровный ряд зубов, в

котором правая их часть преимущественно отсутствовала. Зрелище выглядело довольно мерзким.

– Что? – смеясь, спросил Боб. – Думаешь, как он еще жив, с такой-то вмятиной на роже?

Кара не ответила, но, видимо, на ее лице читался вопрос.

– Видишь ли, куколка, – продолжил калека, – здесь ты умрешь, типа, только тогда, когда этого захочет он.

Боб покорно опустил голову вниз, при этом показав пальцем вверх.

Грэм вновь загредел кандалами. Несколько раз ударил пятками об телегу. Деревяшка под его ногой треснула. Увидев столь вопиющее нахальство со стороны пленника, Боб поднялся и, лоя равновесие, проковылял к Сайленту. Тележку трясло: пару раз калека чуть было не упал. Когда он, наконец, добрался до Грэма, то рухнул рядом с ним на колени и начал лупить того по лицу кулаком. От одного из ударов грязный носок вылетел у Сайлента изо рта. Боб в одышке отпрянул в сторону, Грэм же довольно вдохнул полной грудью.

– Ну наконец-то! – сказал он. – Боб, я уже устал тебя ждать! Мне казалось, мы подружились. Еще тогда, когда ты грузил нас в телегу...

Боб невольно схватился за шею. Кара увидела отчетливый след от укуса. Наверняка Сайлент уже успел показать ногти.

– Думаешь, ты самый крутой? – подскочив на очередной кочке, спросил Боб. – Ты даже не представляешь, куда ты

попал, приятель!

– Так просвети меня, – Грэм сплюнул сгусток крови.

Калека не стал рисковать: схватив свой носок, назад к Каре он вернулся уже на четвереньках, боясь выпасть из тележки на полном ходу. Пока Боб полз, к нему пристала здоровенная ворона. Птица звонко кричала, пытаясь забрать носок. С третьей попытки ей удалось выхватить импровизированный кляп и улететь прочь. Ругаясь, как сапожник, и кряхтя, как старый дед, парень добрался до своего места и сел напротив Кары.

– Так что, Роберт Патрик Оуэн, – воодушевился Сайлент, – что за Никтеанцы?

– Скоро узнаешь...

Кара увидела, как Боб посмотрел за широкую спину Билла. Впереди виднелись металлические ворота, обтянутые колючей проволокой. По обеим сторонам стояли вышки, из которых выглядывали люди в черных лохмотьях.

Как только последние солнечные лучи исчезли за стенами домов, на вышках загорелись огни, а на импровизированном между ними деревянном мостике вспыхнули факелы. Свет озарил обезображенные трупы, свисающие со стен. Обнаженные изрезанные тела истекали кровью. Красная вязкая жидкость капала вниз, теряясь в темноте. Было видно, что тела повесили сюда специально, чтобы каждый приезжий знал, с кем ему придется иметь дело.

Боб облизнул тонкие губы и с улыбкой поочередно по-

смотрел на Кару и Грэма.

– Никта любит новеньких, – сказал он Каре. – Если повезет, сделает тебя своей подстилкой на первые недели. Но ты сильно не радуйся: как только ты ей надоешь, она бросит тебя своим детям ночи и поверь, ничем хорошим для тебя это не закончится. Что касается красавчика, – Боб глянул на Грэма, смачно втянул сопли и сплюнул за борт телеги. – Тебя бросят в псарню. Посмотрим, как ты запоешь, когда откроется клетка. Ты щуплый, – калека окинул Сайлента оценивающим взглядом, – сломают в первые секунды. Повезет если отделаешься, как мы.

Боб постучал деревянной ногой об пол, Билл же повернул свое уродливое лицо, улыбаясь на одну сторону.

– В противном случае...

Телега подъехала к воротам, и Кара смогла воочию рассмотреть растерзанные тела вблизи. Оказалось, что эти люди вовсе не были мертвы. Они бесконечно истекали вязкой густой кровью и тихо выли, продолжая дышать, несмотря на страшные увечья. Живые трупы. Уродливые поломанные мужчины и женщины. У кого-то не хватало конечностей. Кто-то вообще был разрублен пополам. Но они по-прежнему дышали, каждую новую секунду задыхаясь от боли.

От такого зрелища у Кары замерло сердце. Она действительно попала в ад.

– Я же говорил! – с воодушевлением произнес Боб. – В этом мире ты умрешь, только если тебе позволят...

Телега въехала за ворота. Там их встречали странные люди, одетые в старое грязное тряпье. Свои лица они прятали под глубокими капюшонами. Но порою свет от факелов все же озарял уродливые шрамы, покрывающие их подбородки, лбы и щеки. Из-за бесформенной одежды сказать, кто из них женщина, а кто мужчина было невозможно – одна большая черная масса. Но вот что явно бросалось в глаза, так это то, что у большинства из них отсутствовала та или иная конечность. У кого-то не хватало руки, у кого-то пальцев. Иные счастливики лишились ног.

Кара осмотрелась по сторонам. Все это смахивало на недостроенную тюрьму: вышки, заборы с колючей проволокой, общий двор, главное здание. Идеальное место, чтобы организовать лагерь больных ублюдков. Один охраняемый вход и выход. Сбежать отсюда будет довольно проблематично.

Лошадь окружили Никтеанцы. Мерзкие скрюченные пальцы гладили, щипали или царапали бедное животное. Кобыле ничего не оставалось, кроме как недовольно фыркать. Каре даже стало ее немного жаль. Калека Боб с трудом спрыгнул с телеги. Под громкий неразборчивый шепот собравшихся он открыл задний борт.

– Выметайтесь! – крикнул он Каре и Грэму.

Сайлент постучал кандалами, намекая, что у него не получится это сделать, пока его не освободят. Боб мерзко сплю-

нул, и вновь полез в тележку. Извозчик Билл все это время сидел смирно, без каких-либо движений. Пока толпы оборванцев кружили вокруг лошади, здоровяк что-то шептал себе под нос в унисон с остальными.

Когда оковы были сняты Грэм с легкостью перышка выпрыгнул за борт, Кара же упала на колени, скребанув ими о гнилые доски, как только попыталась сделать первый шаг. Изрезанные ступни взвыли адской болью. Хилл оказалась на четвереньках, понимая: идти она вряд ли сможет.

– Вставай, Янг Блида! – крикнул Боб.

– Я не могу, – простонала Кара.

Калека нагнулся, схватил Кару за шиворот и выбросил из телеги. Женщина рухнула на потрескавшийся асфальт, словно сломанная кукла. К ней тут же подбежали оборванцы. Десятки грязных скрюченных рук помогли подняться на ноги. Один из Никтеанцев поднес факел к ее лицу. Кожу обожгло жаром пламени. Повсюду заплясали густые мрачные тени.

Ворота за телегой с тягучим скрипом закрылись. Живые трупы, висящие на цепях и веревках, заболтались. Струйки крови, стекающие с их тел, исполнили кривой танец, похожий на изображение хромосомы.

– О, достопочтенные дети ночи, – сказал Боб. – Позвольте предоставить вам наши дары.

Кару держали несколько человек, хватая за самые разные места. Шершавые пальцы пробирались под сорочку. Лапали за грудь, живот и ягодицы. Хилл хотела выбраться, но

каждый раз, когда она опиралась на изрезанные ступни, тело пронзала острая боль.

Грэм также не был обделен вниманием: Сайлента окружила толпа не меньше, чем Кару. Но если ее сложившееся положение приводило в ужас, то Грэма, похоже, все устраивало. Он мило улыбался изуродованным детям ночи, пока они пытались в прямом смысле слова залезть ему под кожу.

Самое жуткое во всем этом был их синхронный шепот. В какой-то момент он стал таким громким, что, казалось, начал проникать в мозг. Кара хотела закрыть уши! Хотела не слышать их мерзкой неразборчивой болтовни, но пока один из Никтеанцев лапал ее за грудь, бесцеремонно заведя руки под сорочку, пять других держали так крепко, что она не могла и пошевелиться.

Внезапно за спинами ублюдков зажегся свет. Лампа прожектора осветила продолговатую фигуру. Изящный женский силуэт сделал шаг вперед, словно в каком-то мюзикле. Шепот моментально прекратился. Стало так тихо, что Кара слышала лишь гулкий топот каблуков. Через секунду к топоту прибавился звук металла, скребущего по асфальту. Хилл увидела яркие брызги искр на острие лезвия.

Никтеанцы разошлись по сторонам, создав живой коридор. Все, как один, приняли покорную позу, опустив головы вниз. Капюшоны импровизированных мантий спрятали их лица, окончательно обезличив каждого.

Боб упал на колени и несколько раз поклонился прибли-

жающейся богине.

Кару отпустили. Она едва не упала, но Грэм вовремя успел ее подхватить. Странно, но в объятиях маньяка, Хилл чувствовала себя в большей безопасности.

Чем ближе подходила женщина с мечом, тем интенсивнее кланялся Боб. Каре показалось, что он вот-вот разобьет себе голову об асфальт, настолько сильно парень выказывал почести.

– А она ничего, – наклонившись к уху детектива, сказал Грэм. – Наверное, это и есть Никта. Кстати, в древней мифологии греков так называли богиню ночи.

Кара пригляделась. Никта действительно выглядела необыкновенно. Идеальный череп покрывал короткий ежик темных волос. Высокий лоб, ровный нос, глаза, обильно подведенные широкой линией черной краски, завораживали. С первого взгляда можно было понять, что к ним приближается настоящий воин. От нее так и веяло самой смертью.

По сравнению с одеянием толпы, Никта была облачена в кожаный плащ, подол которого волочился за ней по земле. Обнаженное подтянутое тело перетягивали ремни, скрывая интимные места. Смуглую кожу покрывали сотни узоров скарификации. Это смотрелось настолько отвратительно, насколько и чарующе. Кара не могла оторвать глаз от невообразимых изгибов шрамирования. Никта сделала очередной шаг вперед, и Кара увидела ее ботинки с высокой подошвой: шнуровка заканчивалась чуть выше колен, образуя странные

узлы.

– Госпожа ночи, – пробормотал Боб, по-прежнему уткнувшись лицом в асфальт. – Прими наши дары. Янг Блiddy! Они в твоём полном распоряжении...

– Поднимись, Раб, – сказала Никта.

Голос женщины прозвучал на редкость сухо и жестко. Кара была уверена, что услышь она его хотя бы один раз в жизни, забыть будет невозможно.

Калека с трудом поднялся. Посмотрел на госпожу. Хилл заметила, как дрожат его ноги. Деревянный протез то и дело ходил ходуном под весом хрупкого тела. Парень расправил грязные волосы, постарался вытянуться в полный рост, чтобы смотреться более статно. Увы, пляшущие тени от факелов выдавали страх на его худом, обтянутом кожей лице.

Никта подошла к Бобу, напоследок хорошенько скребанув острием меча по земле. Искры от сверкающего лезвия растворились во тьме. Женщина наклонилась и поцеловала калеку в лоб. В этот момент Кара увидела ее черные, как смоль, зрачки.

Сколько ей лет? – подумала Хилл. На вид не старше двадцати пяти. Но тогда почему она имеет такую власть? Видимо, в этом мире свои мерилы силы и влияния. Те, с которыми ей и Грэму еще предстоит познакомиться.

Почувствовав губы у себя на лице, калека растаял. Стал более расслабленный. Одобрение госпожи позволило вдохнуть полной грудью. Билл, сидящий на лошади, как и прежде

оставался без движений. Даже несмотря на глубокую вмятину на его мерзкой физиономии, здоровяк смахивал на испуганного ребенка. Кобыла же с приходом Никты, казалось, вообще перестала дышать.

Никта молча осмотрела пленников. Стояла гробовая тишина. Лишь треск факелов нарушал безмолвное молчание. Черные сектанты бесшумно зашли за спину своей предводительницы, образовав собой полукруг. На фоне грязных людей в оборванных лохмотьях Никта выглядела настоящей богиней.

– День! – крикнула Никта.

– Время уз и цепей, обязанностей и правил! – какофонией голосов заорали ее последователи.

Кару прямо потрянуло от столь стремительной смены настроения. Услышав крик своей богини, подданные воспрянули духом.

– Ночь! – вновь закричала она.

– Время свободы! – так же громко вторили остальные.

Никта продолжала выкрикивать слова, толпа продолжала повторять. Со стороны это смахивало на боевой клич.

– Мне вот что интересно, – тихо сказал Сайлент Каре на ухо, – как бы наша новая знакомая смотрелась без этих дурацких ремней, прикрывающих самые пикантные места на ее теле?

Среди всего непонятного безумия, творящегося вокруг, Кара совсем забыла, что находится в объятиях серийного

убийцы. Но что-то подсказывало: бояться здесь следует не его. Как только Грэм закончил паясничать, Никтеанцы все, как один, смолкли. Они его слышали.

И, по-видимому, им невежество Сайлента совсем не понравилось.

Кара уже сбилась со счета, сколько раз за последние часы она теряла сознание. Когда Грэм решил пошутить над богиней ночи, ее лицо исказила гримаса злобы. Подданные правительницы пришли в ярость. Никта замахнулась мечом и с размаха ударила Грэма. Сайлент рухнул, как подкошенный, распластавшись на асфальте. Его тут же окружили дети ночи: они ходили вокруг его бездыханного тела, продолжая что-то нашептывать, но теперь их голоса звучали гораздо громче.

Сперва Хилл подумала, что Никта его убила! – но крови не было. Видимо, она нанесла удар площадью меча, а не острием. Ведь судя по тому размаху, атака срубил бы Сайленту голову с плеч в два счета. И что-то подсказывало: если бы Никта захотела этого, то сделала бы.

Раньше Кара сама бы поаплодировала бритоголовой воительнице. Первая подбежала бы к маньяку в отключке и начала допинавать его тело. Но сейчас, кроме Грэма Сайлента, ей надеяться было не на кого. Совсем...

Доктор Пэйн что-то говорила про Аркадию – помощницу! Нейросеть... Но, с тех пор как Хилл попала в это богом

забытое место, никакими помощниками здесь и не пахло. Ее окружали одни враги, да и только.

Кара и ахнуть не успела, как второй удар обрушился на ее голову: Никта чиркнула острием лезвия по асфальту, создав полукруг из искр, сделала пафосный финт клинком и со всего размаху приложилась мечом. Пред тем как последовал удар, Кара увидела черные глаза богини. Хилл думала, это будет последнее, что она видит перед смертью...

Очнувшись, детектив обнаружила себя в комнате на шикарной мягкой кровати. Ее переодели. Кто-то обработал раны на ногах. Ступни были перебинтованы и совсем не болели. Даже гула в голове не было. Удивительно, ведь у нее наверняка должно быть сотрясение мозга. Возможно, и не одно.

Кара лежала совершенно обнаженная. Парочка ненавязчивых татуировок красовались в районе пупка и левой груди. Руки детектива были привязаны к изголовью широкой кровати тонкой, но очень плотной веревкой.

По обеим сторонам с потолка свисал прозрачный тюль. За ним Кара увидела силуэт женщины в плаще, расхаживающей по комнате. Плавные изящные движения кошки. Настоящая грация. Несложно было догадаться, кто это.

Кара потянула веревки, попыталась освободиться: ничего не получилось.

– Я смотрю, кто-то проснулся, – низким голосом сказала Никта, продолжая вальяжно расхаживать по комнате.

Даже не видя ее лица, Кара знала: богиня ночи улыбается.

– Как твое имя, ягненок? – Никта подошла к кровати, потянула за веревки и тюль – последний оплот перед враждебным миром – рухнул с потолка.

Кара увидела красивую винтажную мебель. Картины на стенах. В камине потрескивали бревна. Самая настоящая комната утех: дизайн наполняли преимущественно темно-красные, почти кровавые тона. Если Кара находилась в тюрьме, то это помещение наверняка было кабинетом начальника.

Возле входной двери с золотистым проемом стояли двое человек в бесформенных лохмотьях. Они покорно опустили головы вниз, что-то тихо нашептывая себе под нос. Каре порядком надоело это назойливое шуршание мерзких голосов. Попав за стены убежища Никтеанцев, она успела позабыть о спокойствии и тишине. Этот шепот начинал сводить с ума.

Никта подошла к кровати, присела на край. Ласково провела рукой по темному постельному белью, в котором утопала обнаженная Кара. Хилл пробрал холодок. Соски затвердели. Чем ближе подбиралась рука Никты к ее телу, тем сильнее Кара утапливала себя вглубь простыни.

От Никты исходил приятный запах ароматических масел. Смуглая кожа блестела. Узоры скарификации вблизи выглядели еще более завораживающе. Сколько боли пришлось вытерпеть, чтобы нанести на себя эту красоту?

Женщина скинула кожаный плащ, оголив округлые плечи.

Несколько ремней, что перетягивали грудь, блеснули бликами на бляхах. Макияж Никты стал изящнее и мягче: темная черта по-прежнему пересекала линию глаз, но ее тон выглядел другим – более дружелюбным.

Никта была красива. Это сложно отрицать. Несмотря на свой страх Кара не могла оторвать от нее глаз. Длинные ноги, тонкая талия, вытянутая шея: мечта большинства женщин выглядеть так же.

Нет, здесь что-то не то. Кара pokrutila головой, пытаюсь прийти в себя. Казалось, запах масел, исходящий от богини ночи, начал проникать вглубь, завладевая ее чувствами и эмоциями. В какой-то момент Кара даже ощутила некое возбуждение. Что за чертов дурман?

Нет, подумала она, нужно собраться.

– Ну так что, ягненок, расскажешь, как тебя зовут? – Никта провела заостренным черным ногтем по ребрам Кары.

Хилл дрогнула, но не выдала своего волнения.

– Мое имя «Иди», – ответила детектив нарочито вызывающе, – а фамилия «Нахер»!

Обмотав веревку вокруг запястий, Кара попыталась порвать ее, но ничего не вышло: только кожу поранила. Никта тем временем бесцеремонно легла рядом, положив голову Каре на плечо. Ее лицо находилось всего в миллиметре от лица Хилл. Кара продолжала упрямо смотреть в потолок, избегая контакта, хотя знала, что та разглядывает каждый сантиметр ее кожи, каждую пору...

– Знаешь, – сказала Никта, – сейчас тебе кажется, что ты сильная. Что ты справишься. Что у тебя есть шанс выбрать-ся, – теплая ладонь легла Каре на внутреннюю часть бедра. – Спешу тебя огорчить, ягненок. Ты в аду. И выхода отсюда нет. Увы... Все двери заколочены. Абсолютно все. Даже если ты захочешь покончить жизнь самоубийством, то у тебя ничего не получится. Один сплошной бесконечный кошмар, который будет длиться из года в год. Из дня в день. Час за часом. Минута за минутой... Секунда за секундой. Постоянно.

Никта нежно провела рукой по бедру Кары. Дотронулась до ее живота. Ненавязчиво коснулась соска. Остановилась на наряженной шее и обхватила ее всей своей пятерней.

На мгновение Кара перестала дышать: так сильно богиня ночи вцепилась ей в горло. Лицо покраснело. Вены вздулись на лбу. В глазах начало темнеть. Кара думала, что вот-вот потеряет сознание, но внезапно Никта отпустила ее и продолжила путешествие ладони по ее телу в обратном направлении.

– Ты ничего не сможешь сделать, – сказала она. – Поверь. Я пыталась. Многие из нас сопротивлялись на старте. Мы считали, что сумеем с ним справиться. Сможем одолеть бога, – на секунду Никта замолчала, затаив дыхание. – Нельзя победить бога, – с грустью в голосе констатировала она, а затем облизнула мочку Кареного уха.

– О чем ты говоришь? – спросила Хилл, чувствуя, как ру-

ка Никты подбирается все ближе к ее промежности.

– Он правит всем.

– Кто, он? – сглотнула Кара.

– Наш судья. Палач. Отец. Бог. Называй, как хочешь. В этом мире он – все. По сути, он и есть мир. Мы лишь мелкие насекомые, которые ползают по его земле, пока он это позволяет. Смотрит на нас. Любуется. Смеется. Но в любой момент он может наступить подошвой своего ботинка и раздавить нас в лепешку.

– Что-то ты не похожа на насекомое, – сказала Кара. – Никта, богиня ночи. Тебя окружают люди, для которых ты – все...

Женщина перемахнула через Кару, оседлав ее, словно лошадь. Горячие бедра обожгли живот, будто на него бросили раскаленные угли. Никта наклонилась вперед, коснулась пылающими черными губами губ Кары. Скользящий язык проник внутрь рта. Выписал несколько пируэтов, устроив схватку с языком Кары. Опять этот приятный запах. Опять дурман в голове. Каре было все сложнее сопротивляться. Она хотела раствориться в моменте. Забыться. Слиться воедино с богиней ночи.

Хилл никогда до этого не целовалась с женщинами, тем более что-то большее. Многие из ее подруг проходили этапы экспериментирования в юности, но Кара всегда оставалась верной парням. От одной только мысли, что ее тело окажется в связке с телом другой девушки, ей становилось дурно.

Но сейчас, лежа на мягкой кровати, привязанная по рукам и ногам, ощущая приятную тяжесть Никты на себе сверху, устроив короткое сражение кончиками языка, она не могла не признать, что это было потрясающе.

– Да, сегодня я богиня, – Никта отпрянула от Кары. Расстегнула ремни и кинула их в сторону, оголив упругую грудь. – Откуда ты знаешь, кем я была вчера?

– Вчера? – Кара не могла оторвать взгляд.

До болезни отца Хилл частенько любовалась перед зеркалом. Она была хороша собой. Кара гордилась своим телом. Но то, какую женщину она видела сейчас, ни шло ни в какое сравнение. Никта была вылеплена руками настоящего виртуоза. На секунду Кара даже пожалела, что ее руки связаны веревкой над головой: так сильно она захотела к ней прикоснуться.

– Что может помешать богу изменить ход истории или правила игры? – спросила Никта, сбросив ремни с пояса, и оставшись на Каре совершенно голой.

Хилл чувствовала ее жар. Ее желание. Никта начала пускать плавные волны бедрами, положив одну ладонь Каре на грудь, а вторую спрятав у себя между ног. В какой-то момент Хилл услышала ее короткий стон. Никта закусилла нижнюю губу, выкрашенную черным, и сказала:

– Здесь каждый раб, ягненок, – еще одна волна телом. – Здесь все в его власти, – еще один стон наслаждения. – Так к чему пытаться сопротивляться? Проще сдаться и отдать себя

на милость Господина.

С каждой секундой движения Никты становились быстрее, а стоны громче. Женщина терлась о Кару, хватаясь, то за ее грудь, то за свою. В тусклом свете камина тени, пляшущие на теле Никты, смахивали на бешеных демонов, решивших устроить бунт в аду. В какой-то момент Никита посмотрела Каре прямо в глаза. Вместе с нотками наслаждения в них начала проглядываться жажда.

Когда крепкие руки сомкнулись у Кары на шее, стало ясно, что это за жажда.

Чем ближе становился пик наслаждения Никты, тем крепче сжимались ее пальцы на горле Кары. Кислорода совсем не осталось. Легкие жгло огнем. В глазах потемнело. Кара извивалась, как уж на раскаленной сковороде, но богине ночи, похоже, это и было нужно. Она отнимала жизнь, каплю за каплей, получая при этом невообразимое удовольствие.

Хилл так сильно натянула веревки, стягивающие запястья, что кожа лопнула: потекла кровь. Последнее, что она видела, перед тем как потерять сознание – это странную возню возле двери. Кара могла поклясться, что один из детей ночи скинул с головы капюшон и напал на своего соратника.

Дальше все мелькало обрывками: стонущая Никта, извивающаяся всем своим телом, драка рядом с входной дверью, пальцы, сжимающие горло Кары все сильнее. Каждый раз, когда Хилл закрывала веки, казалось, что она их уже не откроет. Жизнь почти покинула ее, но внезапно Никта разо-

мкнула руки.

Кара с протяжным хрипом сделала долгожданный вдох. Грудь наполнилась воздухом. Боль запульсировала в висках. Дурман Никты мгновенно спал. Как только пелена сошла с глаз, Кара увидела напряженное лицо светловолосой девушки. Она накинула нечто похожее на удавку Никте на шею и со всей силы потянула на себя.

Обнаженная богиня ночи пыталась выбраться, царапала пальцами шею, хватала нападавшую за волосы. Ее лицо вздулось венами. На глазах полопались все капилляры, залив их красным. Она сопротивлялась как могла, но в итоге борьба была проиграна.

Бездыханная Никта повалилась набок. Блондинка, приложившая все свои силы, чтобы задушить воительницу, тяжело выдохнула и столкнула ее с кровати.

– Извините, что задержалась, – сказала она. – Меня зовут Аркадия. Я здесь, чтобы освободить вас.

Глава 10

Никта забрала новенькую Янг Блиду к себе в покои, как Боб и предполагал. Богиня ночи одарила его поцелуем, значит, он получит хорошую плату за свои дары. Хвала всевышнему, что эти двое свалились ему на голову.

Давно в этом проклятом Тартаре не было пополнения. С тех пор как небо окрасилось красным, так точно... Боб помнил тот день, когда все полетело к чертям. Ему обещали рай. Обещали безграничный мир, полный счастья. Мир, в котором не будет болезней, страданий и несправедливости. В итоге Роберт Патрик Оуэн оказался в совершенно противоположном месте. Лучше быть трижды больным неоперабельной опухолью мозга – как в его случае, – чем скитаться по этому богом забытому городу, прислушиваясь к каждому шороху. Искать, чем же можно поживиться, чтобы хоть немного набить желудок. Убегать от сумасшедших психопатов, желающих порвать остатки твоего тела на мелкие кусочки. Ведь для многих обитателей «НЕБА» уши Боба на их шеях смотрелись бы гораздо лучше, чем на его голове.

Боб не знал, из-за чего некоторые жители окончательно двинулись, когда небо окрасилось красным, а кто-то смог сохранить остатки разума. Перед тем, как его засунули в капсулу погружения, пообещав исполнение всех желаний, он что-то слышал про разные психотипы личности, но ввиду своей

глупости не стал особенно вдаваться в детали.

Какой же он был дурак. Возможно, сейчас многое бы прояснилось.

Как бы то ни было, сегодня удачный день. Им с Биллом несказанно повезло. За двух Янг Блид Никтеанцы щедро заплатят. Некоторое время можно будет не думать о том, чтобы поест перед сном...

Двое детей ночи за ноги волокли новенького в псарню. После удара клинка по его голове из нее текла кровь, оставляя темный след на асфальте. Свет от факелов озарял спокойное умиротворенное лицо парня. Боб попытался припомнить имя: Грэм. Да, вроде бы он или его подружка называли его Грэм.

В какой-то степени Боб даже завидовал ему. Пока он валяется без сознания, то не знает, что ожидает его впереди. Самого же Боба выворачивало наизнанку от одних только воспоминаний о псарне. То, что он пережил в той яме, засело глубоко в мозгу. Этот ужас поселился там навечно. Его отголоски вспыхивали в памяти, каждый раз, когда Боб наступал на землю своей деревянной ногой.

Под покровом ночи, продолжая нашептывать мрачные молитвы себе под нос, двое Никтеанцев подтащили Грэма к краю ямы. На заднем дворе тюрьмы дети ночи вырыли огромный котлован, и Боб прекрасно знал, что в этой самой яме должно произойти...

Толпа окружила тело. Один из Никтеанцев в скрюченной

позе опустился к Грэму и сдул со своих грязных ладоней облако пыли ему в лицо. Парень мгновенно пришел в сознание и вскочил на ноги, словно ему сделали укол адреналина. Несколько секунд он смотрел по сторонам, пытаясь собраться с мыслями. Когда его глаза, наконец, встретились с глазами Боба, он остановился. Выдохнул. Несмотря на то, что рядом с ним стояла целая свора больных фанатиков со шрамами на лицах, он улыбнулся.

Воистину безумец, подумал Боб.

Двор был окружен высоким забором со всех сторон, чья верхушка венчалась окровавленной колючей проволокой. Некоторые пленники детей ночи пытались бежать. Что с ними стало Боб видел каждый раз, когда проезжал мимо главных ворот. Хуже участи и придумать сложно. Быть разрубленным, вечно подвешенным за ноги, ежесекундно истекать кровью, корчиться от боли, но не иметь при этом элементарной возможности умереть...

Как знать, возможно, их ряды предстоит пополнить и Грэму. Слишком уж самоуверенным выглядит этот дурак. Но, скорее всего, это из-за того, что он просто не знает, что ждет его в яме...

– Аркадия?! – закричала Кара, натягивая веревки, связывающие кисти рук. – И где ты, твою мать, пропадала? Доктор Пэйн сказала, что ты нас встретишь! Что на начальных этапах все будет хорошо!

Светловолосая девушка отпустила богиню ночи: бездыханное обнаженное тело Никты свалилось с кровати на пол. Аркадия вздохнула, смотала удавку и спрятала ее в карман черной накидки, в которых ходили все Никтеанцы.

– Прошу прощения, детектив Хилл, – сказала она. – Произошли некоторые трудности. Ядро сопротивлялось. Потребовалось время, чтобы доктор Пэйн смогла обойти защиту и внедрить меня в вашу локацию.

– Замечательно, – буркнула Кара. – А если бы эта большая, – Хилл мотнула головой в сторону Никты, – придушила меня на этой сраной кровати!

Аркадия выставила руку вперед, немного задрав рукав накидки, и из специального устройства, прикрепленного к ее предплечью, с металлическим щелчком выдвинулось лезвие. Двумя резкими движениями она перерезала веревки, связывающие Кару. Руки упали на кровать. Кровь прильнула к пальцам. Заколело ладони.

Взглянув на Аркадию, которая пошла раздевать задушенного Никтеанца, валяющегося у входной двери, Кара высматривала в ней несоответствия. Аркадия – программа, как сказала доктор Пэйн. Нейросеть, созданная помогать и направлять. Странно, но со стороны она выглядела обычной девушкой. Подростком с короткими окрашенными в белый цвет волосами. Возможно, Аркадия смотрелась даже слишком смазливо для подобного места. Места, в котором людей режут на части и подвешивают на воротах, оставляя болтать-

ся ни живых, ни мертвых.

Блондинка кинула черную накидку в сторону Кары. Детектив прикрыла наготу пыльным балахоном. Взглянула на тело Никты: некогда грозная воительница лежала на ковре в неестественной позе.

– Она сдохла? – цинично спросила Кара.

– Нет, – коротко ответила Аркадия, подойдя к двери. – Здесь никто не может умереть. Никта без сознания. У нас мало времени. Нужно помочь Грэму выбраться из псарни, пока не поздно, и бежать отсюда.

– Из псарни?

Кара затянула ремень на поясе, спрятала волосы под глубоким капюшоном. Взглянув на себя в вытянутое зеркало с резной рамой, Хилл нашла схожесть с местными обитателями. Если опустить капюшон ниже линии глаз, то вряд ли ее кто-то сможет опознать. Пляшущие тени от огня в камине лишь больше усиливали образ.

– Место, в которое попадают все новоприбывшие, – ответила блондинка, – Если они, конечно, не пришлись по вкусу лично богине ночи, – Аркадия окинула Кару коротким взглядом и улыбнулась.

Совсем как человек, подумала Хилл.

– Сколько у нас времени? – спросила Кара.

– Минут пять, может, меньше. Советую поторопиться...

Аркадия подошла к кровати и порвала в лоскуты черную простыню. Пододвинув Никту к ножке, засунула в ее рот

кляп, и связала руки. Таких необычных узлов, что наплела Аркадия, Кара не видела ни разу в жизни. Если бы ее связали так же искусно, она бы даже не стала пытаться выбраться. Со вторым бездыханным Никтеанцем Аркадия проделала ту же процедуру.

Еще раз выглянув в коридор, убедившись, что там никого нет, девушка посмотрела на Кару:

– Готовы, детектив?

– Нет, твою мать, – ответила Хилл. – Но разве это что-то меняет?

– Я так и думала, – с той же улыбкой сказала Аркадия. – Пойдем...

Грэм Сайлент стоял у самого края обрыва, развернувшись к нему спиной. Его окружила добрая дюжина озверевших Никтеанцев. В этой кромешной тьме, где на небе не проглядывалось ни единой звезды, чего уж там говорить о луне, светом служило лишь пламя факелов.

Худошавый мужчина в черной футболке, порванной на груди и спине, противостоял целой толпе больных фанатиков и, как заметил Боб, ничуть не тушевался. Наоборот, казалось, вся эта ситуация его забавляет. Боб в очередной раз убедился в его безумии.

– Грэм! – крикнул Боб из-за спин детей ночи. – Советую, залезть в яму самостоятельно... Либо же тебя туда скинут! Смотри, еще ноги сломаешь! Так хоть какой-то шанс есть.

Грэм посмотрел назад через плечо. Увиденное его явно взбудоражило. Когда на месте Грэма был Боб, то он расплакался, словно ребенок, умоляя, не сбрасывать его вниз... Грэм же, похоже, только духом воспрял.

Боб знал, что там внизу. Знал, что ждет парня. Из той ямы никто не вылезал прежним. Стоит только взглянуть на лицо его друга Билла. Боб до сих пор помнил тот удар. Билл и до этого не отличался умом, а уж после псарни и вовсе закрылся в себе.

– Аллилуйя, Грэм! – крикнул он. – Надеюсь, тебе повезет больше.

Последнее, что видел Грэм, перед тем как его столкнули в яму, была деревянная нога Роберта Патрика Оуэна, которой он яростно стучал об асфальт под громкие перешептывания Никтеанцев.

– Ты знаешь, где мы и как отсюда выбраться? – Кара следовала за Аркадией по коридорам тюрьмы, опасаясь, что за следующим поворотом на них набросятся безумцы в черных балахонах.

Стены выглядели настолько обветшалы, что казалось, их построили столетия назад. Старая краска отваливалась кусками. Кое-где виднелась кладка кирпича. С потолка капало. Камеры для заключенных покрылись плотным слоем ржавчины на стальных прутьях. Самое место для больных ублюдков, которые любят наносить на свое тело шрамы, подумала

Кара.

– Для начала нам нужно освободить Сайлента, – продолжая стремительно идти вперед, ответила Аркадия.

– Ты сказала, он в псарне. Что это такое?

– Яма...

– Яма?

– Место, где Никтеанцы устраивают кровавые побоища. Если у тебя хватит сил выбраться наружу, ты можешь вступить в их ряды. Либо же, попробовать выжить за воротами. Но, так или иначе, из ямы прежним никто не возвращается.

Аркадия подбежала к очередному повороту и заглянула за угол. Хилл видела, как выверено, но в то же время быстро она двигается.

– Что здесь вообще происходит? – спросила Хилл, пока у них появилась минутная пауза. – Что нахрен не так с этим «НЕБОМ».

– Я не владею полной информацией, – ответила Аркадия. – Ядро блокирует. В данной ситуации я в точно таком же положении, как и вы.

– Но ты знаешь про Никту и ее подданных?

– У меня ограниченный радиус сбора данных. Я могу рассказать вам все об этой тюрьме и ее обитателях, но совершенно ничего не знаю о том, что будет нас ждать, когда мы выберемся. Лишь в общих чертах.

Из-за угла, в который секунду назад смотрела Аркадия, послышались крики. Кара могла поклясться, что насчитала

как минимум три протяжных мужских воя. Звук шел из глубин коридора, приближаясь все ближе. Все это напоминало какой-то фильм ужасов.

Кара осмотрелась:

– Говоришь, можешь все рассказать об этом месте? – спросила она, рукой указывая на камеру видеонаблюдения в углу потолка.

– Черт, – выругалась блондинка.

– Надо же, – нервно усмехнулась Хилл, – нейросеть умеет ругаться?

Крики стали громче. Звучали ближе. До столкновения со сворой Никтеанцев оставались считанные секунды.

– Мы долгое время общались с доктором Пэйн, – сказала блондинка. – Порой, она могла бросить яркое словцо. Приготовьтесь, детектив. Будет жарко...

Аркадия встала в боевую позу и скинула с себя черные лохмотья. Тело девушки скрывал обтягивающий костюм. Высокие ботинки с металлической подошвой скребли разбитую плитку на полу. На каждом предплечье виднелось устройство, из которого вынималось лезвие. Но больше всего Кару удивил самурайский клинок с полосатой рукоятью и блестящей гардой: Аркадия ловко вынула его из ножен, прикрепленной у себя на поясе.

Никтеанцы кричали совсем близко. Кара уже видела их тени, выползающие из-за угла. Кривые линии извивались на грязном полу.

– Что ж вы тут все так помешаны на мечях? – сказала Хилл, во все глаза смотря на ее холодное оружие. – Ты слышала о такой крутой штуке как пистолет?

– Замечательная штука, – повторила блондинка. – Особенно, если ты хочешь, кого-то убить, – поочередно сыграв пальцами на рукояти меча, Аркадия посмотрела на детектива: – Как жаль, что в этом мире убить никого нельзя.

Первый сын ночи, выбежавший из-за угла, лишился головы, не успев понять, что произошло. Изрезанная рожа с лоскутом черного капюшона взлетела вверх, сделала несколько оборотов и ударилась об остатки плитки на полу, оставив под собой кривую кляксу из плоти.

Аркадия шагнула в сторону и тело психа приземлилось как раз возле перебинтованных ступней Кары. Каково же было удивление детектива, когда она поняла, что руки трупа, валяющегося на полу, попытались схватить ее за ноги. Хилл с криком отпрыгнула назад. Аркадия подошла к телу и несколько раз чиркнула по нему лезвием, отделив обе руки от плеч.

Пока Кара приходила в себя после увиденного, блондинка расправилась с двумя другими Никтеанцами. Их ожидала та же участь, что и первого – отрубленные головы и конечности. Закончив процесс расчленения, Аркадия махнула клинком: полоска крови окропила стену. Самурайский меч вновь заблестел.

– Пистолет – хорошее оружие, – сказала Аркадия, – но не

в этом случае.

– Вижу, – переступив через шепчущую голову, сказала Кара и последовала за новой знакомой вглубь коридора.

Никтеанцы перестали шептать... Теперь они кричали!

Толпа оборванцев в лохмотьях стояла возле края ямы, опустив головы вниз. Боб протиснулся через детей ночи, чтобы посмотреть на представление. Великан Билл же решил остаться рядом с лошадьё. Почесав вмятину на лице, он повел кобылу с тележкой к импровизированному амбару, набрать припасов.

Боб и Билл попали в яму вместе. Так уж случилось, что в «НЕБО» их загружали одновременно. Боб сдружился с этим здоровяком еще там – в реальном мире. Крепкий мужик не был многословным, но, порой, мог пошутить и выпить пива, после тестов доктора Пэйн. Как и у всех остальных, у Билла были свои причины пойти на этот эксперимент, но он точно не подписывался на то, чтобы ему снесли половину черепа.

Боб и Билл выбрались из ямы... Первый потерял ногу, второй – лицо и себя. После случившегося Билл изменился. Видимо, его мозг не смог справиться. Поставил некий блок, превратив в глупца.

Скорее всего, нечто подобное случится и с Грэмом. Не то чтобы Боб сильно желал ему зла, хотя этот ублюдок и укусил его за шею, когда он запихивал его в телегу, но припасы Никтеанцев лишними никогда не были.

Опустив голову вниз, заглянув вглубь ямы, Боб ожидал увидеть испуганное лицо, мечущегося из стороны в сторону человека, но, когда в бочку упал факел, озарив псарню, он увидел Грэма, смиренно стоящего на своих двоих. Он спокойно смотрел на них снизу вверх, руками убирая волосы с лица. Отросшие патлы мужчина закинул назад и Боб заметил, что один его глаз покрыт пеленой, словно он когда-то получил травму. Под веком был аккуратный шрам, тянущийся вдоль щеки, будто кто-то намеренно прошелся по коже острым клинком.

С каждой стороны ямы находились бочки, в которые Никтеанцы бросили факелы. Псарню озарил свет. Оказалось, что Грэм стоял на целой гряде гостей. Наверняка среди этих останков лежала и утерянная в бою нога самого Боба.

– И что все это значит, Боб?! – крикнул Грэм, сверля его глазом.

Парень кивнул в сторону. Грэм повернул голову и увидел стальную решетку, за которой пряталось нечто огромное. Когда из-за решетки прозвучал душераздирающий рык, Никтеанцы как с цепи сорвались. Все они были в ожидании представления.

С торца ямы, наверху, был механизм, отвечающий за поднятие клетки. Трое детей ночи начали тянуть металлические кольца на себя, постепенно открывая решетку с монстром.

Вскоре Грэм увидел то, с чем ему предстояло сразиться. Впервые с момента их знакомства Боб разглядел подобие

волнения на лице красавчика. Но если все остальные, попавшие в псарню, пытались бежать, выбраться наружу, молили о пощаде, то Грэм хладнокровно поднял с земли грязный обломок кости и сам пошел вглубь клетки, не дожидаясь, пока чудовище нападет первым.

По дороге к выходу из главного здания Аркадия расправилась еще с парочкой фанатиков. Ее движения клинком были быстрыми и выверенными. От обезумевших сектантов только и успевали отлетать руки. Кара никак не могла привыкнуть к тому, что даже после того, как их головы покидали плечи, они все равно оставались живыми.

В некоторых помещениях света совсем не было и девушкам приходилось буквально пробираться на ощупь. А когда в кромешной тьме начинали звучать безудержные крики детей ночи, становилось и вовсе не по себе. Кара могла поклясться, что, когда она выберется из этой проклятой тюрьмы, то красить волосы в белый цвет ей больше не понадобится...

– Почему именно Никта? – спросила Хилл, следуя за спиной Аркадии. – Почему именно она имеет власть?

– Власть имеет тот, в чьих руках один из трех церберов.

– Церберов?

– Да. Видимо, тот, кто управляет ядром очень любит мифологию, – ответила Аркадия. – Никта – богиня ночи. Есть и другие. Наверняка Дженнифер у одного из них. В моем радиусе я ее не вижу.

– И что делает этот Цербер?

– Как вы могли заметить, у многих детей ночи не хватает конечностей.

– Есть такое...

– Все они прошли через псарню. Так называется яма, в которой живет Цербер Никты. Все новоприбывшие, по своей воле или нет, проходят испытание. Их сбрасывают в яму. Открывается клетка, выходит монстр. Если ты смог выбраться наружу, обойдясь малой кровью, то, считай, тебе повезло...

– Подожди, – выдохнула Кара. – Ты хочешь сказать, что это животное рвет в яме их на куски?

– Цербер не совсем животное, – ответила блондинка.

– И что, каковы шансы выбраться из ямы, не потеряв при этом ногу или руку?

– Некоторым везет...

Аркадия подбежала к дверям, ведущим на главный двор.

– Что мы будем делать, когда выберемся из здания? – спросила Кара.

– Спасать вашего друга, пока ему голову не откусили. Держитесь за мной.

– Хорошо...

Когда Грэм зашел внутрь клетки Цербера, Никтеанцы заткнулись. Не замолчали, не умолкли, а именно заткнулись. Каждый проклятый фанатик в оборванном тряпье захлопнул пасть. Впервые в этих стенах перестал звучать против-

ный шепот.

Боб смотрел в яму, не веря собственным глазам. Огонь из бочек освещал худощавую фигуру безумца, вторгающегося в логово монстра. Если сначала из клетки звучал свирепый громкий рык, то чем ближе подходил Сайлент, тем тише он становился. Как только Грэм затерялся в темноте клетки, из ямы послышалось жалостливое скуление.

Не веря собственным ушам, Боб хлопал глазами, пытаюсь прислушаться, как можно лучше. Вскоре жалкий скулеж превратился в писк. Звучало все это так, словно самый настоящий живодер решил поиграть с беспомощным щенком. С каждой секундой вой Цербера становился все громче. Что бы там ни происходило, но каким-то образом Грэму удалось напугать зверя. Напугать так сильно, что он не стал атаковать.

На плечо Боба упала огромная ладонь. Повернувшись назад, он увидел Билла. Здоровяк не смог устоять перед любопытством и тоже решил посмотреть, что же там происходит.

Из ямы послышалась возня, рычание человека и тихий лай животного. Если там и шла ожесточенная схватка, то она была явно односторонняя. Каждый раз, когда звучал вой Цербера, рука Билла сильнее сжимала плечо Боба.

Вскоре из клетки зверя вылетел кусок мяса. Окровавленная плоть упала как раз в центр. В то самое место, которое лучше всего освещалось пламенем из бочек. Присмотревшись внимательнее, Боб узнал в этом бесформенном ошмет-

ке сердце. Вскоре это поняли и Никтеанцы. Дети ночи ахнули все, как один. Кто-то начал перешептываться между собой. Другие плакали. Никто не мог поверить в увиденное.

Но когда из логова зверя вылетела его голова, всем все стало ясно: настоящим чудовищем в этой проклятой яме был не Цербер.

Глава 11

Двери открылись. Кара ожидала увидеть целую свору Никтеанцев, ринувшихся на них из темноты, но вместо этого перед ними оказалась кучка детей ночи, смиренно посаженных на колени. Без капюшонов, скрывающих лица, они выглядели как обычные люди, не считая мерзких шрамов на коже. Но больше всего Кару удивило то, насколько они были напуганы. Их буквально трясло от страха. В особенности это было заметно по Бобу.

Когда Кара заглянула за спину детей ночи, то увидела Грэма Сайлента, с ног до головы, измазанного темной кровью. Тягучие капли падали с его узкого подбородка. Черная футболка разорвана в клочья. Волосы взъерошены. Сайлент глубоко дышал, держа в руках то, перед чем раньше трепетал каждый из Никтеанцев...

А именно – голову зверя.

– Я смотрю, ваше рвение взглянуть на то, как с меня будут кожу срезать поугасло, да?! – почти крича спросил Сайлент, при этом вальяжно расхаживая вокруг испуганных мужчин и женщин.

Подойдя к первому попавшемуся сыну ночи, Грэм схватил его за шкурку и поднял. Ноги парня затряслись. Он стоял, дрожа всем телом, пытаясь не встретиться взглядом с окровавленным безумцем.

– Посмотри, – Сайлент поднес голову Цербера на уровень его глаз.

Здоровенная мохнатая морда с кровавыми слюнями безжизненными глазами пялилась на Никтеанца. Испуганный мужчина со шрамами на лице обмочился. Тонкая струйка потекла по асфальту в то место, где он секундной назад сидел на коленях.

Глядя на голову чудовища, Кару пробрал холод. Неужели Грэм Сайлент сумел справиться с этой махиной? Судя по размерам головы можно было смело предположить, что тело зверя огромное. Свирепая черная пасть с торчащими из нее клыками служила тому серьезным подтверждением. Кара бы в обморок упала, если бы лицом к лицу встретилась с чем-то подобным.

– Действительно, Альфа, – сказала Аркадия, медленно идя в сторону толпы.

– Этому бесу вы поклонялись? – в одной руке Грэм за волосы держал обмочившегося Никтеанца, в другой – густую гриву Цербера.

Разжав ладонь, Сайлент отпустил свой трофей: головешка монстра упала на асфальт, издав чавкающий звук. Грэм зашел за спину Никтеанца, повернул его лицом к собратьям. Со всей силы прижал к себе, обхватив шею двумя руками. Было видно, что сыну ночи тяжело дышать, но он был настолько напуган, что не смел даже пошевелиться. Свет горящих факелов как нельзя лучше озарял представление Сай-

лента.

За спиной Кары раздался грохот двери. Посмотрев назад, детектив увидела разъяренную Никту: богиня ночи, облаченная во все черное, мчалась к своим подданным, скребя мечом по асфальту. Яркая полоска искр освещала неровности ландшафта. Никта была в ярости.

Но чем ближе она подходила, тем сильнее менялась ее осанка, поза и выражение лица: от безудержного гнева, до полного непонимания, переходящего в безысходность и панику. Воительница остановилась возле трясущихся детей ночи и уставилась на отрубленную голову Цербера. Меч выпал из рук, сыграв короткую зарисовку металлической мелодии на асфальте. Следом и Никта рухнула на колени и зарыдала.

Дети ночи продолжали поклонами вымаливать пощаду.

Боб украдкой повернулся назад, посмотреть, кто же к ним идет, и Кара заметила синяк на его лбу.

– Надо же, – сказал Грэм, уставившись на сломленную воительницу. Бедному сыну ночи, зажатому в железных тисках маньяка, совсем нечем было дышать: мужчина хватал губами воздух, смахивая на рыбу, выброшенную на берег. – Сама Никта! Богиня, мать ее!

Женщина провела рукой по лицу, стерев добрую часть мрачного грима. Если позабыть о шрамах, то без своей боевой выправки и горящего вызова в глазах Никта начала напоминать обычную девушку. Да, своеобразную, но все же девушку...

– Дети ночи! – закричал Грэм. – В мире закрытых дверей король тот, у кого есть заветный ключ...

Одним коротким движением Сайлент свернул голову дрожащего Никтеанца. Кара увидела безудержное наслаждение в глазах убийцы. Он смаковал каждый момент. Казалось, треск позвоночника – самая приятная мелодия для его ушей.

Бесформенное тело в широком черном балахоне шмякнулось на землю, словно мешок с костями. Грэм плюнул кровавой слюной и толкнул тело в сторону плачущей Никты. Богиня ночи с трясущимися руками подползла к своему подданному и начала приводить того в чувства. Голова мертвеца лежала под неестественным углом.

Никтеанцы замерли в ожидании... Неужели их собрат по-настоящему лишился жизни? Дикий вой Никты разрушил последние надежды. Девушка хватала тело за лицо, целовала в щеки, в лоб, пыталась оживить! – но ее подданный лежал на асфальте мертвее мертвого.

Грэм прошел мимо Никты, не удостоив ее даже взглядом. Он пробирался через толпу плачущих детей ночи, а они лишь сильнее бились головами о землю, выказывая свое почтение. Ведь Грэм Сайлент сломал устои их бытия. Вопреки всем законам этого мира чужак мог убивать...

– Ты пойдешь со мной, – сказал Грэм, схватив Боба за его грязные патлы.

Парень буквально волочился за маньяком, скребя ногой и деревянным протезом по асфальту. Удивительно, но попы-

таться освободиться из хватки Сайлента он не смел. Все что он мог, это лишь скулить и охать, каждый раз, когда его тощая задница натыкалась на очередной камень.

Вскоре Грэм добрался до Кары и Аркадии, оставив кучку сектантов позади себя.

– И кто это тут у нас? – спросил Грэм, наматывая волосы Боба на кулак и внимательно рассматривая лицо светловолосой девушки. – Неужели ее величество нейросеть решила появиться?

– Аркадия, – представилась блондинка. – Нам нужно убираться отсюда. Дженнифер в опасности. Надо найти ее и как можно скорее...

– Дженнифер, – повторил Сайлент. – Точно. Бедная дочурка доктора Пэйн, – теребя Боба за волосы, Грэм спросил: – Малыш Боб, ты не видел молоденькую Янг Блиду, которая так же, как и мы, недавно упала с неба?

– Нет, господин! – простонал парень, щурясь от боли, выставляя на показ свои поломанные желтые зубы. – Клянусь, не знаю, о ком речь...

– Отпустите, его, – раздался грубый голос за спиной Грэма.

Кара перевела взгляд на смельчака. Им оказался здоровяк Билл собственной персоной. Длинные спутанные волосы скрывали вмятину на его лице. Огромный кожаный плащ, немного меньшего размера чем того требовала комплекция Билла, лишь сильнее подчеркивал крупные габариты муж-

чины. Было видно, что он боится, но все же ему хватало смелости вступить за друга.

– Надо же, – удивился Сайлент, выпустив волосы Боба из рук. – Хоть у кого-то здесь есть яйца. Возможно, вы нам пригодитесь. Лошадь еще на ходу, здоровяк?

– И целая телега припасов Никтеанцев, – пробубнил Билл.

– Отлично, – Грэм посмотрел на Кару и Аркадию. – Все для вас, дамы! Вперед. Спасибо говорить необязательно...

Близился рассвет. Лучи красного солнца уже вылезали из-за недостроенных крыш домов. Строительные леса начинали поблескивать. Крики мерзких ворон поутихли и вскоре птицы окончательно попрятались по своим гнездам.

Кара и Аркадия сидели в задней части телеги прямо на припасах. Грэм же уселся напротив калеки на противоположной стороне. Сайлент то и дело наклонялся вперед и хлопывал парня по плечу, говоря ему, чтобы тот расслабился.

Болтаясь в деревянной телеге, Сайлент сказал:

– Да ладно тебе, малыш Боб, – Грэм толкнул ногой смущенного парня, до сих пор находящегося в шоке от увиденного в логове Никтеанцев. – Хватит вести себя так, словно напротив тебя сидит дьявол.

– А разве это, типа, не так? – спросил он. – Вы вырвали этой хреновине сердце...

– Ну, во-первых, не вырвал, а вырезал, – ответил Грэм. –

А, во-вторых, не такая уж это была и хреновина. Возможно, когда с этой собакой барахтался ты, то от страха твой мозг гипербололизировал происходящее. Вот ты и обосрал штанишки, думая, что из той клетки на тебя рвется настоящее чудище. Уверяю, на самом деле псина была не настолько велика...

Кара видела голову Цербера. Она выглядела просто огромной. Даже чтобы держать ее в руке, у Сайлента напрягался каждый мускул. Какого размера должно быть тело? – об этом теперь можно было только гадать.

– Простите меня, господин, – сказал Боб, поджав деревянную ногу к себе поближе.

– За что ты просишь прощения, Боб? – спросил Грэм. – В итоге все же сложилось хорошо... Разве не так?

– Так, господин, – по-прежнему пялясь вниз, ответил Боб.

– Теперь мы знаем, – продолжил Сайлент, – что во всем этом чертовом мире есть два человека, способные лишать других людей жизни... Один – ваш местный божок. А второй – сидит прямо перед вами собственной персоной. Пуговка, – Грэм посмотрел на Кару, подпрыгивающую на мешке картошки, – разве это не здорово?

Хилл удостоила Грэма лишь презренным взглядом.

– Почему вы не испугались? – Боб немного расслабился. – Почему, ну, типа, так спокойно пошли в ту клетку?

Грэм закатал порванный рукав футболки и показал рваный шрам на своем плече. Присмотревшись внимательнее,

Кара, Боб и Аркадия увидели отчетливые следы от множества укусов.

– Я не боюсь, ибо страх убивает разум, – нарочито возвышенно сказал Грэм. – Страх лишь малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь! И там, где был страх, не останется ничего. Останусь я. Останусь лишь я сам.

Боб слушал пафосную речь Сайлента чуть ли ни с открытым ртом. Парень внимал каждому слову. Но Кара знала, что Грэм пользуется неосведомленностью юноши, и просто глумится над ним. Ведь все, что он сейчас сказал, написал Фрэнк Герберт в своей легендарной книге «Дюна».

– В детстве я безумно боялся собак. Но, видишь ли, малыш Бобби, – Сайлент посмотрел на шрам, кончиками пальцев дотронулся до бугристой кожи. – Меня воспитывал один очень неординарный человек. И вся его методика сводилась к тому, что страхи нужно побеждать. Без разницы как. Страх полезен лишь тем, что он раскрывает тебе твои же слабости. Познав их, поборов их, ты становишься неуязвимым.

Боб наклонился немного вперед и посмотрел на шрам Грэма:

– Это так вы боролись со своим страхом собак? – спросил он, явно намекая на то, что в той яме Грэм не впервые оказался в схватке со зверем.

– Очень действенно, скажу я тебе, – Сайлент опустил рукав футболки. – Когда ты один на один со своими демонами и у тебя нет маневра для бегства – либо ты, либо тебя, – то ничего не остается, кроме как дать страхам бой. А если результат закрепить неоднократно! – засмеялся Грэм.

Неужели Сайлента в детстве бросали к разъяренным собакам? – подумала Кара. Причем неоднократно... Что за монстр вообще мог такое сделать?

О прошлом Грэма полиция не знала ровным счетом ничего. На определенном этапе своей жизни Грэм сменил личность. Кем он был в детстве? Кто его воспитывал? Какую школу заканчивал, да и заканчивал ли вообще? Никто ничего об этом не знал. По поддельным документам парень вырос в приемной семье, которая никогда не существовала на самом деле... Школа, колледж: все это также было фикцией. Для правоохранительных органов личность Грэма Сайлента оставалась загадкой. Разумеется, сам же Грэм о своем прошлом никому ничего рассказывать не стал.

Кобыла толкала тележку, стуча копытами. Билл, сидя на месте извозчика, молча держал в руках поводья. За его широкими плечами виднелась трасса с кучей брошенных прогнивших до основания автомобилей. По обеим сторонам дороги тянулись мелкие магазинчики с разбитыми витринами. Возможно, раньше эта улица и сверкала яркими огнями, но сейчас весь квартал смахивал на бывшее место боевых действий.

– Ну а ты, Бобби, – сказал Грэм. – Расскажи свою историю. Как ты попал сюда? Ты же был непосредственным очевидцем того, когда все здесь полетело к чертям. Что случилось?

Боб облизнул пересохшие губы. Посмотрел на всех собравшихся в тележке и выдохнул облако пара изо рта:

– Опухоль мозга, – сказал он. – Постоянные, типа, головные боли. Страх, что сегодня будет твой последний день. Ну, короче, не жизнь, а сказка. Когда поступило предложение сбежать от этой сраной реальности, я согласился, не думая.

– И что, помогло? – засмеялся Грэм, глядя на обрубок его ноги.

– Сперва было действительно очень круто, – парень почесал редкую щетину на узком лице. – Это был, типа, на самом деле мир без границ. Ну, наверное, все смотрели фильм «Матрица». Я про первую часть, – уточнил Боб, – вторая и третья – то еще говно. Уж не помню, тогда ли братья Вачовски решили отрезать себе причиндалы и стать женщинами, но, видимо, вместе с яйцами они похерили еще и талант.

Грэм приподнял глаза, явно непонимания, о чем речь.

Кара же заметила, что Боб перестал смущаться и начал говорить более открыто, смахивая на себя прежнего.

– Так вот, – Боб посмотрел на Кару и Аркадию, – Помните, в конце первой части Нео, типа, весь такой крутой, идет по городу и говорит что-то про мир без границ, а потом берет и взлетает в воздух, словно чертов супермен!

– Ага, – кивнула Кара.

– Вот так же было и здесь! – воодушевленно сказал парень. – Жаль, продолжалось это недолго.

– Что было потом? – спросила Хилл.

– Небо, – голос Боба потускнел. – Оно стало кроваво-красным. Уж не знаю, почему, но, типа, после этого некоторые люди начали слетать с катушек. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей.

– Психотипы, – сказала Кара.

– Да, – Боб сдул спутанные волосы со лба. – Я тоже об этом подумал.

– И что было дальше? – Грэм откинулся на борт телеги.

– Что может случиться, когда большая часть населения сойдет с ума? – задал риторический вопрос Боб. – Наступил, типа, полнейший хаос. Все охотились друг за другом. Сколачивали банды и охотились вместе. Толпы обезумевших сумасшедших бегали по городу и рвали друг друга на части. Но поскольку в этом мире нельзя никого убить, то живые трупы продолжали влачить свое существование. Вы себе даже представить не можете, как все это выглядело. Целый город в ошметках. Сраный постапокалипсис, – Боб посмотрел на широкую спину Билла и сглотнул. – Нам с Биллом повезло. Мы, типа, нашли укрытие и смогли переждать бурю.

– Тем не менее вы попали в яму к Никтеанцам, – констатировала Кара.

– Когда все окончательно полетело к чертям, – выдохнул Боб, – появился он.

– Он? – спросила Кара.

– Никто не знает, как его зовут. Никто не видел его прежде. Но все точно знают, что он может убить, – ответил Боб. – Поверьте, когда он нарек себя богом этого мира, многие безумцы лишь рассмеялись, размахивая зазубренными мачете в руках. С одним из них он разделался, типа, особенно жестоко. Хватило всего щелчка пальца, чтобы наглого главаря уличной банды разорвало в кровавую кашу.

Кара приподняла бровь. Грэм же лишь улыбнулся.

– Как он выглядел? – спросил Сайлент. – Этот ваш новый бог.

– Когда началась заварушка мы прятались. Я не видел его, – ответил Боб. – Но от очевидцев слышал, что у него, типа...

Краем глаза Кара заметила довольное выражение лица Сайлента. Словно Грэм знал, что сейчас скажет парень.

– ...Черные руки, – Боб посмотрел на свои пальцы. – Говорят, они были все вымазаны в саже или черной краске. Точно не знаю, но это были не перчатки.

– Ближе к делу, Бобби, – Сайлент постучал ладонью по краю деревянного борта. – Как он навел порядок?

– Он разделил всех на три клана, – спохватился Боб. – В каждом клане по Церберу. Отныне предводители кланов должны были утолять голод монстров.

– Вот зачем нужна псарня, – сказала Кара.

– Ночь, день и сумерки, – продолжил калека. – Никтеан-

цы. Отряд Ра. И Полуночники под командованием близнецов Шахара и Шалема. Эти твари особенно сумасшедшие. Ублюдки обожают резать людей на части и скармливать Церберу, – Боб опустил ворот поношенной майки, и Кара смогла увидеть огромный шрам с неровными швами на его бледной груди. – Еле удалось удрать. С тех пор те, кто, типа, не прильнул ни к одному из кланов вынуждены выживать в бетонных джунглях, опасаясь, что их схватят и скормят тому или иному чудищу. А те, кто вступил в братство обязаны вести жестокие сражения с соседями. Плюс, проходить все эти безумные обряды посвящения. И если вы меня спросите, то Никта хоть и похотливая сука, но среди всех остальных божеств, – Боб показал кавычки пальцами, – она самая адекватная. Да, ее псарня – это тот еще капздец, но, если тебе повезло выбраться из ямы, то ты можешь уйти и спокойно вести с ней дела.

– Типа, как вы с Биллом, когда притащили нас в ее лапы? – Грэм слегка пнул Боба ногой.

– Ага, – парень стыдливо опустил глаза.

– Ладно, малыш Бобби, не дрейфь, – сказал Сайлент и посмотрел на Кару. – Три воинствующих клана. Три Цербера во главе, – Грэм ударил себя по лбу. – Ой, извините, уже два. Думаю, если мы убьем еще две его шавки, то доберемся до главного босса. Ведь что-то мне подсказывает, что Дженнифер именно у него. Весело, правда?

Кара подарила Грэму мерзкий оскал:

– Обоссаться, как круто! – рявкнула она.

– Сколько злости. Знаешь, я могу тебе напомнить, дорогая, – сказал Сайлент. – Что если бы не я, то кто его знает, как бы там сложилась ситуация. Возможно, эти больные психи подвесили бы вас на воротах, как тех бедняг.

– Здесь есть один псих, – Хилл вызывающе наклонилась вперед, – и я вижу его прямо перед собой.

– Вспомните, зачем мы здесь, – вмешалась Аркадия.

– Действительно, – сказала Кара. – Зачем мы здесь? Лично я пошла на все это безумие, чтобы доктор Пэйн оплатила лечение моего отца. Ведь его состояние ухудшилось и одна из причин, почему так случилось, сейчас сидит в этой сраной телеге! – закричала Хилл.

Кровь Цербера на лице Грэма засохла и теперь отваливалась мелкими кусочками. Со стороны Сайлент выглядел человеком, который недавно вернулся с массовой бойни. Весь грязный, в порванной одежде, со струпьями крови по всему телу. Да и запах от него шел тот еще.

– Слыхал, Боб, – Грэм в очередной раз толкнул парня ногой. – Наш детектив готова обвинить меня во всех смертных грехах. Знаешь, что, Пуговка, я не настолько всемогущий, чтобы наслать на твоего любимого папочку рак. Но за то письмо все же прошу прощения. Я не думал, что оно попадет в руки Гидеона. Мужик действительно поплохело, когда он развернул конверт. Мне даже стало страшно за его жизнь: так внезапно он свалился на пол.

И тут до Кары, наконец, дошло, что Грэм видел, как Гидеон брал письмо в руки. Воочию смотрел на то, как ее отцу становилось все хуже и хуже. Где он стоял в тот момент? На заднем дворе: заглядывал в окно? На противоположной улице: наблюдал через бинокль? Мерзавец специально подкинул письмо ее отцу, посмотреть, как на это отреагирует старый больной человек.

Пазл сложился в голове, и Кара накинута на Сайлента. От ее веса Грэм чуть было не выпал из телеги. Хилл повалила его на доски и начала хлестать кулаками по лицу.

Правой, левой! Старые ошметки крови слетали со щек и на их место тут же набегали новые струйки из разбитого носа. Кара била и била, а Сайлент лишь смиренно лежал на спине, раскинув руки в стороны. Он даже не сопротивлялся. Безумец получал удар за ударом, смеясь, крича и булькая кровью.

Кара кричала и била, била и кричала. Впервые у нее появилась возможность выплеснуть все свои эмоции. Вскоре сил не осталось, да и Аркадия решила вмешаться, оттащив Кару за плечи обратно к мешкам с припасами.

– Хватит, – шептала Аркадия, держа детектива в своих крепких объятиях. – Все-все... Успокойтесь, все.

Слыша, как гулко колотится ее сердце, Кара глубоко дышала, по-прежнему раздираемая яростью. Грэм же так и остался лежать на спине, молча смотря в небо. Из разбитого носа и надбровных дуг текли ручейки крови, заливая дере-

вянное полотно телеги.

Скрюченный Боб забился в углу, прикрыв лицо руками, но через небольшие щели между пальцами все равно наблюдал за происходящим. Здоровяк Билл все так же невозмутимо управлял телегой, изредка подгоняя кобылу.

Красное солнце окончательно поднялось в небо, озарив развалины города своими огненным лучами.

Аркадия проложила путь в самое сердце города, в центральную библиотеку. Последний раз Дженнифер засветилась именно там. В том месте на нее напал некто с колючей проволокой на лице. Кара решила проверить. Возможно, там могли остаться какие-то подсказки, относительно того, куда увезли девушку.

По дороге до цели назначения ребятам попался заброшенный торговый центр с одеждой и всем прочим. Боб предупредил, что это гиблое место, что туда не стоит соваться, но Грэм в своей обычной манере решил рискнуть.

– Билл, – крикнул он извозчику. – Тормози. Пойдем, посмотримся. Вдруг там есть вода и одежда.

– Господин, не стоит, – сказал Боб.

– Не дрейфь, парень.

Сайлент первым спрыгнул с тележки и зашел внутрь здания. Кара вместе с остальными последовала за ним. После непродолжительных поисков ей удалось сбросить с себя грязное тряпье задушенного Никтеанца и надеть нормаль-

ное нижнее белье, джинсы, ботинки и легкую куртку. Пока она ходила между рядами с одеждой, то постоянно слышала тихую музыку, похожую на то, как играет гитара. Удивительно, неужели здесь до сих пор работают музыкальные автоматы? – подумала она.

Каждое помещение было покрыто толстым слоем паутины. Порой, приходилось пробираться, словно через густые заросли в джунглях. Серые нити окутывали все. Наверняка там ползала целая куча пауков. Хорошо, что Кара никогда не страдала арахнофобией. В детстве у нее даже был свой домашний тарантул.

В одной из уборных центра из раковины все еще текла тонкая струйка ржавой воды. Всем желающим удалось кое-как помыться и привести себя в более-менее надлежащий вид.

Когда Грэм вышел из туалета в чем мать родила и отправился по рядам, выбирать себе одежду, Кара с удивлением заметила, что на его лице не осталось ни единой царапины. Учитывая, сколько сил она потратила на то, чтобы расколотить его рожу, стало даже как-то обидно. То ли этот мир делал из него неуязвимого супермена, то ли Кара совсем не умела бить.

Спустя десять минут Сайлент вернулся к остальным, облаченный в серый комбинезон, армейские ботинки и тоненькую шапочку: прядка волос по-прежнему закрывала правый глаз и часть щеки.

Билл не стал бросать лошадь и остался снаружи. Боб же пошел со всеми, но все это время был тише воды, ниже травы. Несмотря на то, что Грэм каждый раз пытался подбодрить парня, он все равно относился к нему с опаской. И правильно, подумала Кара, каким бы милым, порой, ни казался Сайлент, он самое настоящее чудовище и с ним стоит быть предельно осторожным.

– Ну что! – крикнул Грэм, слушая, как его голос разносится эхом в заброшенном торговом центре. – Все в сборе? Ох, надо же!

Сайлент подошел к Бобу. Парнишка переоделся в чистые кофту и джинсы, но больше всего удивляло то, что вместо гнилой палки, служащей подобием опоры, сейчас на ноге Боба красовался настоящий протез. Серебристая штукovina повторяла форму ноги, крепясь чуть ниже колена.

– Нужно будет, типа, привыкнуть, – смущенно промямлил Боб, – и разобраться с креплением, но, типа, это же лучше, чем та палка, с которой я постоянно хромал?

– Молодцом, малыш Бобби, – Сайлент привычно подошел и похлопал того по плечу: в этот раз парень не стал втягивать голову от страха. – А ты, детектив, – Грэм осмотрел Кару сверху вниз, – не изменяешь себе, как я вижу. Признаться, надеялся на платье и туфли на высоком каблуке. Уверен, они бы прекрасно подчеркнули твои выразительные икры.

Кара хотела ответить, но внезапно в глубине торгового центра что-то с грохотом упало. Затем прозвучал еще один

громкий звук. Он был похож на то, как кто-то выбил стеклянную дверь и ее осколки посыпались на пол. Следом слышались приближающиеся шаги.

– Твою мать, – стыдливо прошептал Боб. – Значит, это правда.

– Правда? – спросила Хилл. – О чем ты говоришь?

– Первая леди «НЕБА», – суетливо ответил парень, пытаюсь получше затянуть ремни от протеза у себя на ноге.

– И что с ней? – Грэм хрустнул пальцами.

– Говорят, она прилетела к доктору Пэйн прямиком из Японии. Типа, изъявила желание первой испытать новый виртуальный мир.

– Ближе к делу, Бобби! – рявкнул Сайлент.

– Поговаривали, что наш бог, – Боб по привычке опустил голову вниз, а пальцем показал вверх, – отыгрался на ней как следует. Изменил ее...

На втором этаже послышались шаги. В торговом центре загорелся свет: флуоресцентные лампы поочередно замигали на потолке, лестницах и эскалаторах.

– Аркадия, тебе что-то об этом известно? – спросила Кара.

– Да, Аркадия, – внезапно раздался чарующий женский голос, – расскажи, что тебе известно обо мне...

Все подняли головы вверх и увидели очаровательную азиатку в шелковом кимоно. Иссиня-черные волосы были аккуратно собраны в Гикей. Смотрелось это так, словно два кры-

ла расположились по бокам, а оставшиеся волосы крепились ленточками и палочками. Идеально ровная кожа, выкрашенная в белый цвет, прекрасно контрастировала с макияжем. Среди серой паутины и общей разрухи здания женщина выглядела как яркое пятно на старом блеклом листе.

Тонкие пальцы с длинными черными ногтями легли на перила. Азиатка смотрела на собравшихся сверху вниз, стоя в невозмутимой позе. Подол фиолетового кимоно свисал с края.

– Паутина, звуки лютни, японский колорит, – сказала Аркадия. – Не может быть, почему я ее не засекала?

– Возможно, потому что твои радары дали сбой, – усмехнулась женщина.

Кара заметила движение. Но оно было повсюду. Стены, двери, пол с потолком: казалось, все внезапно начало двигаться.

– Какого хрена? – выругалась Хилл.

– Йорогумо, – дрожащим голосом сказал Боб.

– Призрак-паук, принимающий облик соблазнительной женщины, – объяснила Аркадия. – В древних легендах Йорогумо играла на лютне, чтобы привлечь внимание потенциальной жертвы. Пока человек заворуженно слушал чарующую музыку, Йорогумо обматывала его своей паутиной, а потом съедала.

Глядя на ожившую паутину, которая, к слову, была повсюду, Кара онемела. Куда бежать? Как спастись? Она посмот-

рела на Сайлента, возможно, он знает выход из сложившейся ситуации, но, похоже, и он оказался в некой растерянности от увиденного.

Носу Кары обвилось плотным слоем паутины и подкинуло в воздух. Хилл перевернуло вверх ногами, словно она весила не больше пушинки. Болтаясь, как червяк на крючке, она оказалась лицом к лицу с Йорогумо. Низ кимоно японки разорвало. Ткань треснула по швам! Из некогда красивой азиатской женщины вырвалось огромное волосатое тело паука.

В считанные секунды она превратилась в настоящего монстра.

– Что это нахер за тварь?! – закричала Кара.

Подвешенная за паутину вниз головой детектив Хилл воочию видела преобразования Йорогумо: женщина начала превращаться в чудовище.

Кимоно порвалось и из-под ткани вздулось здоровенное волосатое тельце паучихи. Несколько длинных острых лап взметнулись ввысь, после чего с треском опустились на пол.

Краска потекла на лице азиатки. Кожу разорвало. Лоб вытянулся вверх и на нем прорезалось еще четыре глаза, но уже чуть меньшего размера. Узкие красные точки забегали туда-сюда, внимательно разглядывая Кару. Черные волосы Йорогумо окрасились в белый цвет. Аккуратная прическа превратилась в один большой спутанный куст. Губы – един-

ственное, что оставалось человеческим в ее внешнем облике – и те почернели.

Кару, подвешенную на паутине, подкинуло еще выше. Лицо детектива оказалось всего в миллиметре от дышащей смрадом пасти монстра.

– Привет, моя маленькая мушка, – проскрипела Йорогумо. – Не переживай. Перед тем как высосать из тебя жизнь, я наиграюсь с тобой вдоволь.

Секунда, – и Кару отнесло в сторону. Движение было настолько быстрым, что показалось, будто ей сейчас вырвет ногу. Закружилась голова. Лампы начали гаснуть одна за одной, и вскоре Кара могла видеть лишь испуганные силуэты своих спутников внизу.

Йорогумо замотала детектива в плотный кокон и оставила в подвешенном состоянии. Хилл чувствовала себя беспомощным насекомым. Грудь сжимало. Было тяжело дышать. Кара начинала паниковать.

Посмотрев вниз, Хилл увидела убегающего Боба. Парень ковылял на своем новом протезе в сторону выхода, то и дело спотыкаясь и падая. Аркадия достала меч из ножен и готовилась к схватке. Грэм же стоял неподвижно, внимательно наблюдая за тем, как здоровенный паук перебирается через перила и спускается по стене.

Длинные белые волосы Йорогумо свисали вниз, закрывая уродливое лицо. Но даже сквозь них виднелись красные огоньки целой кучи глаз. В сумраке помещения они смахи-

вали на лазеры.

– Что делаем?! – крикнул Грэм.

– Будем сражаться, – Аркадия крепче сжала рукоять клиника.

Боб не успел добежать до выхода: Йорогумо оттолкнулась от стенки и, перелетев через парня, преградила ему путь. Ка-лека шмякнулся на задницу, проехав вперед еще полметра. Ужас окончательно закрепился на его лице.

Йорогумо улыбнулась своими черными губами. Острый конец лапы воткнулся в сантиметре от промежности Боба. Бетонная плитка разлетелась на куски. В полу остался кратер. Парень взвизгнул, поднялся на ноги и помчался назад к Грэму.

– Твою мать! Твою мать! – кричал Боб, пока не добрался до Сайлента и не спрятался у него за спиной. – Чего бояться пауки? – дрожащим голосом спросил Боб.

– Не знаю, – ответил Грэм, встав в более удобную позу, готовясь к любому маневру монстра. – В тюрьме они боялись тапков!

– Огонь! – крикнула Кара, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. – Пауки боятся огня!

– Есть среди нас любители покурить? – спросил Сайлент.

– Черт, я бросил, когда мне поставили диагноз, – промямлил Боб. – Клянусь, знал бы, что случится такая хрень, ни за что бы не отказался от сигарет! Лучше сдохнуть от рака легких, чем от этого!

Сайлент посмотрел на Аркадию:

– Было бы странно спрашивать, – сказал он.

Йорогумо подползала все ближе. Каждый ее шаг звучал громким ударом об пол. Волосы на темном теле встали дыбом. Из черных губ потекла зеленая слюна. Монстр чавкал, предвкушая добычу.

– Я буду жрать вас по кусочку, – проскрежетала она.

– Ну, герой хренов! – закричала Кара, обращаясь к Грэму. – С собакой ты справился, может, и для пауков у тебя есть парочка сюрпризов?

Длинная лапа Йорогумо смела Сайлента и Боба в сторону. Если бы не плотные слои паутины, то парни точно сломали бы себе спины ударами о стены.

– Давай, – Аркадия встала в боевую стойку, сделав финт мечом.

Первые атаки удалось парировать. Каждый раз, когда лезвие клинка соприкасалось с лапой паучихи, Кара видела искры. Из чего же эта тварь? Неужто из железа?

– Меться в глаза! – закричала Кара.

Но сама-то она понимала, что проще сказать, чем сделать. Длинные конечности монстра вряд ли дадут подобраться так близко.

Блондинка сразила первую атаку, вторую! Даже когда Йорогумо плюнула в нее дымящейся зеленой жидкостью девушка смогла увернуться. Но разбалансированное тело после падения не сумело вовремя среагировать: острый нако-

нечник пронзил плечо, пришивив Аркадию к полу.

Йорогумо подползла ближе и обвила ее в свой серый лоснящийся кокон.

– Грэм! – закричала Кара, пытаясь выбраться из кокона. – Вставай, твою мать! Вставай!

Сраженные Сайлент и Боб лежали в обрывках паутины в десяти метрах от чудища. Крик Кары заставил Грэма открыть глаза.

– Вот черт, – выругался Сайлент, увидев, что их последний боец, Аркадия, потерпела неудачу.

Осмотревшись вокруг себя, Грэм не нашел ничего подходящего для оружия, кроме отвалившегося протеза Боба. Схватив ногу, он начал размахивать ей влево и вправо, пытаясь отбиться от приближающейся к нему паучихи.

Перешагнув через Аркадию, Йорогумо собиралась плюнуть в Сайлента ядом, но бубнящий голос за ее спиной заставил монстра остановиться.

– Не смей трогать моего друга! – хрипло закричал здоровяк Билл, держа в руке горящий молотов коктейль.

В своем поношенном плаще и грязных сапогах Билл размахнулся, что было сил, и бросил пламенную бутылку прямо в голову Йорогумо. Кара могла поклясться, что, когда снаряд попал в цель, здоровой частью лица Билл улыбнулся.

Пламя вспыхнуло, опалив глаза чудища. Йорогумо закричала. Вой раздался так громко, что, казалось, потрескались все стены торгового центра. Разлетевшаяся пламенная жид-

кость от коктейля подожгла несколько манекенов. Те рухнули на пол. Паутину объял огонь. В один миг дом паучихи загорелся синим пламенем.

Огонь поднялся по стене и испепелил оковы Кары. Детектив полетела вниз, ожидая сломать себе шею при столкновении с полом. Хилл махала руками, пытаясь перевернуться в воздухе, но, увы, ловкостью кошки она не обладала.

В самый последний момент подоспел Сайлент. Падая, он схватил Кару. Детектив лежала на преступнике, чувствуя, как колотится его сердце под слоем серого комбинезона. Просто фантастика, что он сумел так вовремя среагировать и не дать ей разбиться в лепешку.

Йорогумо в очередной раз закричала и умчалась прочь, затерявшись в извилистых коридорах торгового центра.

– Все целы? – спросила Аркадия, поднимая с пола клинок.

– Почему? – Кара смотрела на то, как из раны на плече Аркадии обильно течет кровь. – Ты же не человек?

– В этом мире я лишь набор ноликов и единиц, впрочем, как и вы. Пока ядро во власти того мужчины, здесь может произойти все что угодно.

Боб подполз к своему протезу и прикрепил к ноге. Ошарашенный от всего случившегося парень кинулся к Биллу и чуть ли не расцеловал здоровяка за то, что тот всех спас.

– Как же я тебя, типа, люблю, дружище!

Билл посмотрел на новую ногу товарища, ободряюще кивнул своей проломленной рожой и спокойно пошел к выходу.

– Я, конечно, понимаю, благодарность за спасение и все такое, – по-прежнему лежа под Карой, сказал Грэм, – но все же, попрошу слезть с меня.

Хилл отпрыгнула от Сайлента как от огня.

Паутина Йорогумо догорала. Без этих зарослей помещение стало выглядеть гораздо просторнее. И только сейчас детектив заметила, что та ненавязчивая музыка, которая звучала все это время, утихла. Видимо, монстр ушел достаточно далеко.

Последний кокон истлел в углу потолка и, присмотревшись внимательнее, Кара увидела надпись, выскребленную чем-то очень острыми: *«Запутавшейся в паутине бабочке не легче от того, что паук оказался мертвым.»*

Глава 12

Выйдя из здания центра, Кара ожидала увидеть знакомую телегу с кобылой и смурного Билла на чьем вмятом лице отражались бы блики красного солнца, но вместо этого ее встретили три десятка вооруженных людей в белом камуфляже.

Если дети ночи по большей части смахивали на грязных бездомных, которые были не прочь порезать себе лица, то сейчас перед детективом предстала их полная противоположность.

Билл и Боб стояли на коленях. Двое военных направили на них оружие. Еще с десятков прикрывали сзади, окружив пару здоровенных внедорожников Хаммер. В полном обмундировании, среди всей этой постапокалиптической разрухи, они смахивали на миротворческий отряд. Но что-то подсказывало, что это далеко не так.

– Держитесь за мной, детектив, – сказала Аркадия, заслонив Кару спиной.

Но по ее движениям Кара видела: из-за ранения девушка не в полной боеготовности. Грэм Сайлент же и вовсе из здания центра так и не вышел. Вот хитрый сукин сын, про себя подумала Хилл. Неужели он решил улизнуть, пока появилась возможность? Впрочем, ничего удивительного. Странно, что он не попытался сбежать раньше.

Кара еще раз окинула новых друзей пристальным взглядом. На теле каждого – тактический бронежилет наружного ношения. Хилл знала, что кевларовая ткань может выдержать попадание девятимиллиметровой пули. К бронежилету с помощью специального модульного крепления подвешивались подсумки для дополнительных магазинов и гранат. На головах парней красовались усовершенствованные боевые шлемы, выполненные из органотекстолита. Руки сжимали карабины М4 и автоматические винтовки М249.

Да, подумала Кара, ребята точно не шутить приехали.

– Аркадия, – тихо спросила Кара. – ты же сказала, что в этом мире нет смысла в огнестрельном оружии...

– Я сказала, что в этом мире никого не убить из пистолета, – ответила блондинка, держась за раненое плечо.

– Зато сделать так, чтобы вы, голубки, никуда не убежали... Это да.

Из Хаммера вылез самый высокий среди всех парней. Квадратная челюсть, армейская выправка, суровый взгляд. Но больше всего в глаза бросалась татуировка птицы, выполненная в стилистике древнего Египта. Яркий рисунок украшал жилистую шею мужчины.

Кара припомнила слова Боба о том, что кроме Никтеанцев здесь заправлял еще и отряд Ра. Видимо, пред детективом стоял очередной вожак со своей сворой. Но если дети ночи походили на сумасшедших, то эти ребята с пушками действительно внушали трепет. Никаких тебе дурацких пе-

решептываний, мерзких шрамов на лицах и других атрибутов безумия.

– Позвольте представиться, – сказал военный, сняв с головы шлем. – Мое имя Амон. И я бы хотел узнать, что вы забыли на моей земле?

Кара была в бешенстве.

Ее скрутили, заковали в наручники и закинули на заднее сиденье Хаммера. Но бесило ее то, что Грэм Сайлент подгадал самый нужный момент и смылся. Мерзавец кинул их. Хотя, от этого ублюдка другого ожидать и не стоило.

Аркадия сопротивлялась до последнего. Несмотря на рану в плече парочку военных ей удалось «уложить на лопатки», но плотный удар приклада в голову сделал свое дело. Нейросеть свалилась как подкошенная.

Малыш Боб и здоровяк Билл решили не испытывать судьбу. После выходки Аркадии люди Амона точно шутить бы не стали: пуля в коленную чашечку была бы обеспечена. А поскольку у Боба и так одна нога, то немудрено, что парень мирно вытянул руки и позволил себя заковать.

Пара военных машин мчалась по разрушенному городу, преодолевая все препятствия. Кару то и дело подкидывало на сиденье. Волосы трепало потоками ветра. Красное солнце слепило глаза. Амон сидел рядом с детективом, пока остальная часть «команды» Кары ехала в другом Хаммере.

– Вы новенькие, – сказал Амон. – Давно здесь не было

новеньких. Что вы забыли в нашей клоаке? Почему Сара вас подключила? Думал, она знает, что здесь происходит.

Кара в очередной раз посмотрела на татуировку птицы, украшающую шею военного. От Амона на удивление приятно пахло. Неужели во всем этом безумии он находит время на такие мелочи?

– Знает. Она работает над тем, чтобы прекратить все это безумие и вытащить людей из установки, – ответила Кара. – А вы, парни, не похожи на местных психов, – Хилл потеряла переносицу, думая, получится ли у нее забрать у Амона автомат или выхватить пистолет из кобуры.

– Я смотрю, ты уже встречалась со здешним контингентом?

– Был опыт. От их перешептывания голова шла кругом.

– Да, – засмеялся Амон. – Никтеанцы те еще психи. Особенно, со своей псарней.

– Ты знаешь об их яме? – спросила Хилл.

– Один из моих людей не так давно попал в лапы к этим чертям. Их Цербер оттяпал ему несколько пальцев и сломал ребра.

– Он выжил? – спросила Кара, но тут же вспомнила, что в этом мире никто не умирает. – Ах, точно, здесь же нельзя было умереть.

Теперь уже переносицу почесал Амон. Повернувшись к Каре, мужчина внимательно посмотрел ей в глаза:

– Почему, было? – спросил он.

– Что? – поняв, какую она ляпнула глупость, Кара постаралась собраться. – О чем ты?

– Ты сказала, что раньше нельзя было умереть... Что изменилось сейчас?

– Я просто не так выразилась, – ответила Хилл. – Ты спрашивал, что мы забыли на твоей земле... Мы ищем новенькую. Янг Блиду. Ее зовут Дженнифер. Она дочь доктора Пэйн. И как ты можешь предположить, ее мама очень волнуется. Нас послали найти ее и вернуть.

– Вернуть? – засмеялся Амон.

– Что смешного? – спросила Кара.

– Похоже до тебя так и не дошло, в какое место ты попала, подруга. Отсюда нет выхода.

Амон похлопал Кару по плечу и откинулся на спинку сиденья.

Пристанищем отряда Ра, как и предполагала Кара, была военная база. Главный штаб, казарма, небольшая электростанция, полигон для стрельбищ: все огорожено металлическим забором, к которому предприимчивые вояки подвели ток. Если кто-то решит проникнуть в логово Ра, то он об этом сильно пожалеет.

Билла и Боба конвой отвел в изолятор. Аркадию в госпиталь. Кару же Амон попросил сопроводить в его личный кабинет. Пока Хилл шла по военной базе, то все время думала, чем сейчас занимается Грэм Сайлент? Что такой отбитый

псих может делать в мире, не обремененном законом и социальными нормами?

Кару завели внутрь и усадили на деревянный стул. Кабинет Амона выглядел по-спартански выдержанно. Стол с бумагами. Доска на стене для разработки военно-тактических маневров. Карта, на которой были отмечены все важные точки: базы Никтеанцев, Полуночников и те места, куда лучше без особого повода не соваться. Видимо, Йорогумо не единственное творение здешнего бога.

Пока Кара внимательно изучала карту, то совсем не заметила, как дверь за ее спиной открылась и в кабинет вошел Амон. Мужчина был одет в обтягивающую черную майку, камуфляжные штаны и ботинки. На его груди болтался медальон с изображением зверя. Растрепанные светлые волосы комично торчали в разные стороны.

Хилл обернулась, звякнув наручниками:

– Ох, извини, не услышала тебя, – сказала она.

– Все в порядке, – ответил Амон, скрестив руки. – Изучай, – мужчина кивнул на карту. – Возможно, это спасет тебе жизнь...

– Жизнь? – теперь уже Кара посмотрела на военного с удивлением. – А как же нельзя умереть и все прочее?

– Это я у тебя должен спросить.

Амон обошел Кару и сел за свой стол, сложив на него ноги. Почесав голову, он озадаченно посмотрел на детектива.

– О чем ты? – Кара села на стул.

– Хватит заливать, – спокойно сказал Амон. – Мои разведчики рассказали о вашей заварушке в лагере Никтеанцев.

Амон опустил ноги на пол. Достал из кармана штанов фотографию и кинул ее Каре. Снимок подлетел прямо в руки детектива.

– Взгляни, – Амон кивнул на фото.

Кара аккуратно подняла черно-белое изображение. На снимке не самого лучшего качества, снятого издалека, виднелся Грэм Сайлент с окровавленной головой Цербера. У ног маньяка сидела толпа детей ночи.

– Вы появились здесь совсем недавно, и правила игры изменились...

Амон бросил следующий снимок: плачущая Никта склонилась над трупом своего последователя. Голова Никтеанца лежала под странным углом, явно сломанная.

– Он убил его, – Амон облокотился на стол. – Кто этот человек? – палец военного стучал по лицу Грэма на фото.

Первые секунды Кара молчала. Со стороны Амон и его люди из отряда Ра выглядели самыми адекватными, кого она здесь встречала. Да, они их поймали, заковали в наручники и привезли к себе, для выяснения обстоятельств... Но точно так же поступила бы и Кара, будь она на месте Амона.

Стоит ли ему доверять? Вдруг все это ширма? Вдруг за маской адекватного солдата прячется безумец, которому дай волю, и он кинет Кару и ее товарищей в очередную яму?

– Я тебе не доверяю, – сказала Хилл.

– Резонно...

Амон встал со стула, обошел стол и сел на одно колено рядом с Карой. Сняв с шеи медальон зверя, он показал его детективу. Только тогда она заметила, что побрякушка очень похожа на то чудище, что убил Сайлент.

Цербер...

– Все мои люди здесь не просто так, – начал Амон. – Досон договорился с армией. Ветеранам боевых действий, которые получили телесные увечья в ходе выполнения операций, предложили пройти эксперимент. Мир без границ и все такое. Думаю, буклет «НЕБА» тебе пересказывать не стоит.

Кара кивнула. Амон сидел так близко: ярко-голубые глаза завораживали. Для человека, повидавшего кучу смертей на войне, он выглядел на редкость привлекательно. Татуировка египетского бога солнца на его шее лишь прибавляла шарма.

– Нужно было собрать целевую группу, – продолжил Амон. – Доктор Пэйн хотела знать, как люди с ПТСР будут взаимодействовать с системой. А, как ты знаешь, нет никого более подходящего для этого, чем ветераны, списанные со счетов.

Забрав медальон, Амон повесил его обратно на шею и вернулся к себе за стол. Несколько секунд он рассматривал снимок окровавленного Грэма Сайлента с головой монстра в руках.

– Многих парней здесь я знал лично до погружения, – продолжая разглядывать фото, сказал Амон. – С некоторы-

ми шел в бой плечом к плечу. Да, возможно, у них есть свои тараканы в голове, но поверь, началась заварушка, – военный явно намекал на то время, когда солнце окрасилось в красный и люди стали сходить с ума, – и ни один из моей группы не поехал чердаком.

Кара промолчала.

– Мы сплотились, – гордо сказал Амон. – Как настоящая команда. Организовали базу. Собрали все огнестрельное оружие, которое могли найти. Уж не знаю, с чего бы ему тут было взяться, но, как видишь, мы его нашли, – улыбнулся Амон. – Обозначили границы. Дали понять другим кланам, что к нам лезть не стоит. После пары отстрелянных рук Никтеанцы поняли это и решили больше сюда не соваться. Чтобы кормить Цербера, Никта переключилась на простых дикарей, вроде твоих калек. Да, есть еще Полуночники, но, думаю, и с ними мы в скором времени разберемся. Все-таки, боевой опыт, оружие и братская сплоченность возьмут верх над безумством и фанатичным поклонением своим сумасшедшим лидерам, вроде Шахара и Шалема.

Кара внимательно изучала лицо Амона, выискивая подвох в каждом слове. Но он был донельзя логичен. Непонятным было одно...

– Как вы кормите своего Цербера, и где он вообще? – спросила она.

Билл и Боб сидели в камере, больше смахивающей на

клетку. Из удобств в ней были узкая металлическая кушетка и дырка в полу для нужды. Свет то и дело выключался: видимо, сбои на местной электростанции. Пока Боб пытался получше закрепить свой новый протез на сгибе колена, здоровяк Билл занял койку, отвернулся к стене и захрапел.

Чтобы уснуть, ему потребовалось каких-то смешных тридцать секунд. Боб всегда удивлялся этой суперспособности товарища. Когда они ночевали на территории тех или иных кланов, и им нужно было поочередно нести вахту для обороны лагеря, то умению быстро отрубаться Боб частенько завидовал. Сам же он по сто раз переворачивался с бока на бок, прежде чем удавалось уснуть. Порой, к тому моменту, когда приходила его очередь охранять место ночлежки, он так толком и не засыпал.

– Билл, – тихо сказал Боб. – Ты спишь?

Здоровяк не ответил. Но судя по протяжному храпу, можно было понять, что ответ явно утвердительный. Закончив ковыряться с ремешками, Боб прошелся по камере, прикидывая, как лучше переносить вес тела на протез. Хорошая штука. Если приловчиться, то, возможно, получится даже бегать. До уровня спринтера Боб, конечно, не дотянет, но добежать до следующего укрытия, не перепахав при этом задницей половину пути, на это у него сил должно хватить.

– Да, друг, – Боб оперся о стену и спустился на пол рядом с койкой Билла. – Угрозидло же нас попасть на эту парочку, чтоб их... Хотя, с другой стороны, кто бы отказался

от такой наживы? Это же, типа, Янг Блиды. Золотая жила. Блин... Зато сколько теперь гемора. Сидим в этой жопе. Кобыла наша хрен знает где. Припасы забрали вояки чертовы. Капздец... Вот тебе и подарочки с неба прилетели.

Внезапно зазвучали сирены. Ор поднялся настолько оглушающий, что Боб закрыл уши и глаза, а здоровяк Билл вскочил с кровати и врезался своим помятым лицом в стену спросонья.

Спустя пару минут дверь камеры открылась. Двое военных схватили Билла и Боба под руки и потащили наружу. Без церемоний и каких-либо любезностей: если Боб не поспевал, то удар приклада по спине моментально придавал скорости.

Когда они оказались на улице, Боба и Билла посадили на колени. Появилась свободная минутка и на их руках вновь застегнули наручники. Боб не знал, в чем причина такой суматохи, но судя по лицам людей из отряда Ра, дела обстояли очень серьезно.

Несколько снайперов на вышках. Хаммеры поставили возле ворот для щита: из-за машин выглядывали до зубов вооруженные пехотинцы. Яркий свет прожекторов был направлен в сторону главного входа в базу. Вояки сбегались отовсюду. Всего пара минут и каждая слабая позиция базы оказалась под защитой.

Стоя на коленях под взглядом пристального надзирателя с автоматом, Боб и Билл видели, как из главного штаба вышел Амон в сопровождении Кары и Аркадии. Как ни странно,

на их руках наручников не было. Да и вообще, со стороны они выглядели довольно спокойными и свежими. Особенно, учитывая то, что Аркадия должна быть ранена. Возможно, с девушками обошлись гораздо лучше, чем с ними. Боб уже не помнил от кого, но он точно слышал разговоры о том, что Амон равнодушен к таким дерзким пташкам как эта Янг Блида.

Калека пытался выглянуть за Хаммеры, посмотреть, что там – за воротами. Почему Ра так переполошились. Неужели кто-то осмелился напасть на их обитель? Боб ожидал увидеть там кого угодно, но точно не его.

Да еще и с компанией...

Глава 13

Амон ответил на вопрос Кары. И его ответ ее более чем устроил...

Пока Никтеанцы скидывали людей в псарню к Церберу; пока Полуночники отрезали от людей чести тел, не давая тем и шанса! – отряд Ра заперли своего зверя в клетку и выкинули ключ, наплевав на правила игры. Даже в этом проклятом мире, полном насилия и страданий, Амон и его солдаты решили оставаться людьми.

У них было то, что выделяло их среди прочих кланов: они были братьями по оружию. Амону не нужно пугать своих парней тем, что он бросит их в клетку к монстру, если они не станут подчиняться. Ему нужно всего лишь отдать приказ. Каждый из его людей сделает для Амона все что угодно! Ведь все они знают, что Амон для своих товарищей поступит аналогично.

В итоге Кара рассказала о Грэме Сайленте все. Все, что знала. Хоть и с долей сомнения, но Амон все же принял информацию к сведению. Также детектив раскрыла карты относительно Дженнифер Пэйн.

Военный сказал, что встречался с девочкой. На одном из тестов перед погружением, которые он проходил со своими боевыми товарищами, присутствовала и Дженни. В инвалидном кресле среди таких же колясочников, правда, в армей-

ской форме, она чувствовала себя в своей тарелке. Шутила, смеялась. Поднимала парням настроение. Обещала, что ее мама сделает все возможное, чтобы ребята снова смогли жить полной жизнью, пускай и в виртуальном мире. Но что-то в ней Амону показалось подозрительным. Не смотря на новые возможности «НЕБА» счастья в глазах девочки он не увидел.

Амон пообещал помочь Каре и Аркадии найти девочку. Если Дженнифер ключ к тому, чтобы выбраться из этого ада, то он всецело за ее спасение.

Медики хотели залатать Аркадию, но когда Кара с доктором пришли навестить ее в лазарет, то увидели, что помощь ей уже не требуется. Как сказала Аркадия, чем дальше ее увозили от места, в котором Йорогумо проткнула ее плечо, тем быстрее заживала рана.

Кара спросила про обратную связь, обещанную Сарой Пэйн, но Аркадия лишь отрицательно покачала головой. Видимо, ядро блокировало любой сигнал, как отсюда, так и извне. Сама того не осознавая, Аркадия превратилась в обычного пользователя «НЕБА». Да, она была сверх подготовлена, как физически, так и ментально – ведь, по сути, она не человек, – но, что касалось всего остального, то блондинка стояла на той же ступени, что и другие обитатели клоаки.

Когда на военной базе Ра разразились сирены, Амон, Кара и Аркадия как раз обсуждали план действий по спасению Дженнифер. Амон показывал на карте все ключевые точки

соседствующих кланов. Если у Никтеанцев Дженнифер не было, значит, она должна быть у Полуночников. Это немного осложняло задачу, поскольку Шахар и Шалем были самые отмороженные ублюдки, которых только можно найти.

– Аркадия, кто эти парни? – спросила Кара. – Тебе о них что-то известно?

– Если касаться мифологии, – ответила блондинка, – то Sahar – это тюркско-арабское имя. Шахар – угаритский бог рассвета. Его имя упоминается даже в Книге пророка Исаии. Шалем также идентифицируется как божество, представляющее «Вечернюю звезду». А Шахар, соответственно, представляет «Утреннюю». В Книге пророка Исаии выражение Хилель бен Шахар означает «несущий свет», а в Вульгате это переведено как «Люцифер».

– Как все запутано, – сказала Кара. – Придумывали же люди раньше.

Амон лишь немного прищурился, переваривая новую информацию. Наверняка в таком ключе об этих двух отморозках он никогда не думал.

– А если без всей этой мифологической херни? – спросила Хилл. – Кто они на самом деле?

Аркадия несколько раз быстро моргнула и тут же ответила:

– Близнецы Гарри и Чак Престоны, – сказала она. – Тридцать пять лет. С раннего детства у детей проявлялись признаки психопатии, агрессии и жестокости к животным, как

выяснилось уже позже.

– Сразу у обоих? – спросил Амон.

– Довольно редкий случай, – согласилась Аркадия, – но, да. В возрасте семи лет парни сожгли своего домашнего лабратора. Мать, алкоголичка, долгое время на все закрывала глаза, но столь страшная смерть ее любимого питомца стала крайней точкой. Ребят нужно было давно показать специалистам. Чтобы с ними с раннего детства работал психолог, вместо этого навязчивые фантазии близнецов лишь усугублялись. В итоге мать отказалась от детей, что окончательно сломало их психику. Приюты, приемные семьи. Насилие с их стороны. Насилие в их сторону. Гарри и Чак выросли настоящими монстрами. Там, где у одного психически больного садиста что-то пошло бы не так и его давным-давно посадили бы за решетку, в этом случае на помощь всегда приходил брат. Престоны совершили несколько убийств в Теннесси. Одну из своих жертв они подожгли и бросили в реку, другую – разрезали на куски и спрятали на территории своего же дома. В конце концов их поймали. Изначально братья должны были отправиться в тюрьму на двадцать пять лет, но потом были найдены доказательства их причастности к еще нескольким убийствам. Причем совершенным с невероятной жестокостью. Врач-психиатр, составляющий экспертизу их психического состояния, признал близнецов Престон невменяемыми и отправил в психиатрическую клинику.

Кару села на стул, не веря собственным ушам. Амон при-

свистнул.

– Аркадия, – сказала детектив, – ты говоришь о том, что Сара Пэйн подкупила врачей клиники, чтобы эти больные психопаты попали к ней в «НЕБО»? Просто, я очень сомневаюсь, что проверить подобную делюгу можно было бы легально.

– Хм, – Амон посмотрел на Кару, – теперь понятно, почему они настолько отбитые. Это врожденное.

– В защиту доктора Пэйн, – ответила Аркадия, – могу сказать, что для братьев Престон были созданы специальные виртуальные облака и они никоим образом не могли контактировать ни друг с другом, ни с кем-либо еще из основной обоймы испытуемых. Все изменилось, когда ядро вышло из-под контроля.

– Плевать! – возмутилась Кара. – Твоя больная докторша самолично посадила сюда целое скопище сумасшедших дегенератов, а потом позволила собственному ребенку заехать к ним на огонек. Мамаша года просто.

Аркадия промолчала.

– Какой план? – спросила она Амона.

Звук сирены застал Кару врасплох. От неожиданности детектив прикрыла уши.

– В чем дело?! – прокричала она.

– Это Полуночники, – мрачно ответила Аркадия.

– Полуночники? Откуда ты знаешь? – подбегая к монитору с изображениями с видеокамер по всему периметру, спро-

сил Амон.

– Я подключилась к вашим базам данных, – Аркадия несколько раз моргнула, словно вернулась в реальность. – Есть еще парочка фокусов, которые ядро не способно заблокировать.

– Вот убудки, – Амон развернул монитор к Каре лицом. – Никого не узнаешь?

Хилл сразу же поняла, о ком говорил военный. Не узнать его было невозможно. Грэм Сайлент шел в компании целой армии людей, похожих на героев компьютерных игр про зомби. Но даже в этом плохом качестве видео Кара разглядела его надменную улыбку.

– И что теперь? – спросила Кара у Амона, смотря на худощавую фигуру Сайлента, стоящую возле главных ворот в компании двух мужчин.

Наверняка это Шахар и Шалем. Только эти психи могли нацепить на лица маски Джеффри Дамера и Джона Уэйна Гейси. О преступлениях этих жутких серийных убийц слышали все.

Но зачем братья Престон пришли сюда? Вот так нагло! Сунули головы в пасти львам. Неужели эти отчаянные придурки не знали, что здесь вооруженные до зубов военные, которым дай волю нажать на спусковой крючок?

Новые друзья Сайлента держали в руках окровавленные целлофановые пакеты. Кара присмотрелась внимательнее:

точно такие же черные пакеты были в руках у еще, как минимум, двадцати пяти человек за их спинами и из каждого пакета капала густая кровь.

Амон спокойно отдавал приказы в рацию о том, какие позиции нужно защищать в первую очередь. Все солдаты беспрекословно выполняли команды. Слаженная работа, заметила Кара, у этих отморожков в масках не будет и шанса, если они решат напасть. На что они вообще рассчитывают?

Красное солнце садилось за горизонт. Полуночники пришли вовремя. Интересно, как этот ублюдок Сайлент так быстро сумел обзавестись друзьями? Сколько Кара находилась на базе Ра? Часов двенадцать? Меньше? Шустрый же он сукин сын...

– Не рискуй людьми, – Кара увидела напряженные глаза Амона. – Давай я с ними поговорю. Сайлента я знаю. Не думаю, что он пойдет в лобовую атаку. Не его стиль.

– Нет, – коротко отрезал Амон. – Стойте здесь, – мужчина посмотрел на Кару и Аркадию, которая к тому времени вынула свой меч из ножен.

Перезарядив пистолет, Амон уверенной походкой лидера пошел к главным воротам. Солдаты перегруппировались, встав на нужные позиции, чтобы прикрывать командира. Несколько красных точек затанцевали на груди Грэма и его новых друзей.

– Плохая идея, – сказала Аркадия. – Я чувствую вибрации ядра. Что-то изменилось...

– Изменилось?! – спросила Кара. – Что, твою мать?

Амон подошел к воротам. Заряженный пистолет по-прежнему лежал в кобуре. Из-под толстой подошвы армейских ботинок летела пыль. Со стороны все это смахивало на какой-то вестерн: красное солнце, заходящее за горизонт, несколько мужчин напротив друг друга и совершенно не ясно, кто выстрелит первым.

– Привет, птичка, – пробубнил тот, кто был в маске Джеффри Дамера.

– И тебе не хворать, Шахар, – ответил Амон. – Сегодня узнал о вас с братом много нового. Интересная подноготная. Много объясняет.

– И что же ты узнал, умник? – надменным голосом спросил второй брат с лицом Гейси.

В движениях этого мужчины читалась явная нервозность. Он выглядел дерганным, похожим на наркомана, которому срочно требуется доза. Подобных типов по долгу службы Кара встречала великое множество и еще одну тележку.

Грэм Сайлент же стоял молча. В его руках красовался пакет, наполненный, по всей видимости, кровью. Интересно, где он ее взял?

– Да, птичка, – повторил Шахар, – что же тебе напела твоя новая подружка-робот?

Значит, они знают, подумала Кара. Козлина Сайлент все разболтал.

Амон ответил, не поведя и бровью:

– Что вашей сраной мамаше было плевать на своих детей! – прикрикнул он. – Что с самого раннего детства вы были настолько отбитыми дегенератами, что ей больше нравилось смотреть на дно бутылки, чем на ваши тупые рожи.

Кара видела, как напряглись люди Амона. Солдаты не сводили глаз с прицелов, а указательные пальцы со пусковых крючков.

Сначала Шахар, а потом и Шалем сняли маски и бросили их на гравий. Кара примерно так их и представляла. Неказистые лица. Редкие волосы на голове, сломанные носы, кривые зубы. Глаза находились так глубоко под надбровными дугами, что их было практически не разглядеть.

– Зачем вы здесь, Полуночники? – спросил Амон. – И что это за хрен?

Военный посмотрел на Сайлента. Кара заметила, что комбинезон Грэма успел поистрепаться. На щеках появились царапины. Шапка куда-то пропала. Но прядка спутанных темных волос по-прежнему закрывала правую часть лица.

– Кто он? – повторил Амон. – И почему вы не скормили его конечности своей псине?

– У нас для тебя подарок...

Шалем подошел к воротам и перекинул через них кровавый целлофановый пакет. Тот упал возле ног Амона, образовав под собой бордовую кляксу.

– Что за дерьмо? – с отвращением спросил Амон.

– Подними, птичка, – сказал Шахар.

Амон пнул ногой пакет и из него вывалилась голова: бритый череп, полные губы, идеально ровные шрамы на щеках и мрачная черная полоса, пересекающая линию глаз. Лицо Никты безжизненным взглядом уставилось на Амона. Богиня ночи была мертва. Мертва по-настоящему.

Секунду спустя еще с десятков пакетов перелетели через забор. Некоторые из них порвались: отрезанные головы Никтеанцев подкатились к ногам Амона, составив компанию своей богини.

– Вот черт, – прошептал Амон.

И он был полностью прав. Ведь каким-то образом Полуночникам удалось перерезать целый клан Никтеанцев за одну ночь. Обезглавить их. А это значит, что Шахар и Шалем со своими людьми теперь могут убивать!

Амон потянулся за пистолетом, но было уже поздно...

Часть 3

Память удивительно умеет вызывать видения. Она подобна населенному нечистой силой дому, в стенах которого постоянно раздается эхо от невидимых шагов. В разбитых окнах мелькают тени умерших, а рядом с ними печальные призраки нашего былого «я».

(С) Д. Джером.

Глава 14

Первая добыча всегда самая-самая. Не жертва, нет... Именно добыча. Так он учил меня относиться к ним. Я – охотник, а все остальные – дичь. Только так, и никак иначе.

Признать, я не сразу смог принять подобную парадигму. Правила социума, воспитанные во мне родителями с раннего детства, боролись с новыми устоями. Но, если долгое время делиться злобой, агрессией, яростью, то с каждым разом она лишь приумножается. В конце концов из одной темной капли вполне может получиться черное море.

В моем случае вылился целый океан...

До сих пор помню, как тряслись руки, когда я душил ее...

Такая беззащитная, слабая, светлая! – но, по его мнению, именно с нее мне стоило начать. Я держал добычу за горло, со всей силы сжимал пальцы, чувствуя, как по моему лицу текут слезы. А в это время мой наставник стоял рядом и твердил: «Не сдавайся. Не сдавайся. Ты справишься, мой мальчик! Ты справишься!».

И я действительно справился.

В тот момент изменилось все.

Самый верхний этаж отеля Скай Плаза занимал люксовый номер, в котором расположились Шахар и Шалем. Все остальные этажи, находящиеся ниже, были распределены

среди Полуночников в порядке их главенствования. Чем выше этаж, тем больше женщин, выпивки, наркотиков и всего прочего. Каждый Полуночник мечтал подняться наверх, но для этого он должен был принести своим хозяевам дар.

Дар всегда один – жертва.

Шахар и Шалем приняли правила игры. Несмотря ни на что, их Цербер обязан быть сыт. Плевать как, главное, отыскать для него добычу. Поймать дикаря в катакомбах города. Похитить Никтеанца из-под крыла богини ночи. Если на то пошло, притащить сюда связанного вояку из отряда Ра: пускай эта задача и была практически невыполнима.

За добычу Шахар и Шалем щедро благодарили подданных. Но если в течение недели ни один из Полуночников не смог порадовать господ, то в пасть Цербера отправлялась часть его тела. Какая именно? – решение принимал ее обладатель. Шахар резал, Шалем зашивал. Разумеется, никаких обезболивающих и наркоза не было и в помине. Близнецы обожали смотреть на страдания своих жертв, лежащих на металлическом столе. Один брат искусно работал ножом, второй – иглой и нитью.

– Сука! – закричал Шалем.

Мужчина оторвался от обнаженной избитой женщины. Бедняжка плакала на огромной кровати, прикрывая руками лицо с потекшей тушью. Ее некогда густые темные волосы теперь торчали клочьями. Нос был сломан. На правой кисти отсутствовало несколько пальцев: обрубок хватался за мя-

тую простыню.

Совершенно голый Шалем ходил из стороны в сторону по комнате люкса, смотря на свой вялый член. Его близнец Шахар, недавно удовлетворенный насильственной близостью с рабыней, сидел на кресле и смеялся, глядя на брата.

– Это все ты виновата! – заорал Шалем и врезал женщине пощечину. – Ты не можешь меня возбудить! Сука паршивая!

Запрыгнув на кровать, он начал избивать ее двумя руками. Звон от пощечин отражался от шикарно отделанных стен люкса. После десятого удара рабыня потеряла сознание.

– О! – Шалем посмотрел себе между ног и улыбнулся.

Пока его брат работал рукой, склонившись над бездыханной брюнеткой, Шахар закурил сигару. Плотный дым ласкал ноздри. Мужчина расслаблялся. У него никогда не было проблем с эрекцией. Стоило ему представить, как он отрезает кусочек плоти от той суки, что под ним, как момент разрядки наступал сам собой. Если оставались силы и настроение Шахар воплощал свои фантазии после соития. У многих местных наложниц не хватало той или иной части тела. Но данное мероприятие он оставлял напоследок. Десерт всегда должен быть в самом конце.

Шалем взвыл. Спину и ноги пронзила судорога. Мужчина оперся руками о бесчувственное тело женщины и засмеялся.

– Наконец-то, – сладостно сказал он.

– Вот видишь, братец, – Шахар внимательно посмотрел на свою сигару, – стоило всего-то побаловать себя ручкой.

Шалем упал на кровать рядом с рабыней. Перевернулся на бок: там стояла подставка с белым порошком, разделенным на аккуратные полоски, и трубочка, свернутая из сто-долларовой купюры. Мужчина сделал затяжку. Секунду по-морщился и запищал от восторга.

– Да, твою мать! – сказал он. – Так-то лучше!

Шахар поднялся с кресла, натянул трусы и затушил сига-ру о высунутый язык. Потухший окурок он бросил на лицо избитой женщины.

Несмотря на все великолепие люкса близнецы смогли пре-вратить его в настоящий бордель. Повсюду валялись паке-тики с наркотиками, недопитые бутылки и различные секс-игрушки. В последнее время братья перестали ими пользо-ваться: извращенные аппетиты все больше уходили в сторо-ну рукоприкладства. Им нравилось причинять боль во вре-мя процесса.

Дверь люкса открылась и в помещение вошли двое пар-ней, одетые так, словно они сбежали со съемок ново-го Безумного Макса: обнаженный торс, измазанный белой краской, и грязные рваные штаны с точно такими же убоги-ми ботинками.

– Шахар, Шалем! – приветствуя своих господ, Полуноч-ник сел на колено. – Позвольте представить вам наш дар!

Шахар посмотрел за спину своего последователя: второй мужчина, одетый еще более безумно чем первый, держал на цепи человека. Шахар знал почти всех в этой клоаке, но

этого типа он раньше никогда не видел. Серый комбинезон, шапка, нелепая прядь волос, скрывающая правую часть лица: неужели Янг Блида?

– Нихера себе! – заорал Шалем, вытирая белый порошок с кончика носа.

Спрыгнув с кровати в чем мать родила, он подбежал к пленнику, радостно размахивая хозяйством. Парень в комбинезоне, закованный в кандалы, стоял на коленях. Шалем сел рядом с ним и обнял, словно они были давними друзьями.

– Отличный прием, – сказал новенький, – но мог бы ты убрать свой хрен от меня подальше? Если не сложно, конечно...

Шахар рассмеялся, глядя на то, как удивился его брат. Давненько ему не давали отпор. Мало кто смел вообще открывать рот в присутствии Шалема, тем более, что-то ему указывать.

Вскоре к смеху брата присоединился и сам Шалем. Встав на ноги, он поднял пленника с колен:

– Ты про это? – Полуночник схватился за член. – Да, думаю, ты прав. Встречать гостя с болтающимся хером – верх бескультурия. Прошу прощения.

Спустя пару минут поисков Шалем нашел свои плавки под задницей изнасилованной женщины и надел их, натянув края до неприличия высоко. Теперь его мужское достоинство выглядело еще комичнее. Да и сам он начал смахивать

на поехавшего гомика-наркомана.

– Так лучше? – вежливо спросил он гостя.

– Вполне, – ответил тот, – но мне кажется, что тебе будет немного жать, – парень указал на задранные плавки.

– Слушай! – воодушевился, Шахар. – А он мне с каждой секундой нравится все больше.

– А мне нет, – Шалем подошел к столу и взял нож с зазубринами на лезвии. – Может, отхерачить ему его язык? Что-то больно много он базарит!

– Босс, – сказал один из парней, что привели пленника, – мы нашли его рядом с логовом Йорогумо. Он был с компанией. Остальных забрали Ра. Этот спрятался. Думал, пронесет, но не тут-то было, – засмеялся Полуночник. – Надеюсь, нам причитается награда? Мы с моим другом торчим на третьем этаже уже долгое время.

Шахар накинул потертый плащ с металлическими конусами на плечах. Худошавое сухое тело мужчины, на котором виднелась каждая вена, спряталось под слоем кожи.

– Оставьте нас, – приказал он подданным. – Мы с братом обсудим вашу награду. Вон...

Парень в комбинезоне отряхнулся, звякнув кандалами. Прошелся по комнате, внимательно рассматривая интересные дизайнерские находки интерьера.

Шахар лишь умилялся столь невообразимой наглости их нового гостя. За время их правления в «НЕБЕ» ни один человек не смел так бесцеремонно вести себя в их присутствии.

– Дружок, – Шалем почесал нос кончиком лезвия, – ты хоть знаешь, в какую жопу ты попал и что с тобой будет?

– Мне рассказывали о вас, – ответил тот.

– И? – поинтересовался Шахар.

– И думаю, у нас есть очень много общего...

Пленник подошел к кровати, посмотрел на голую женщину. Сглотнул. Шахар видел, как загорелись его глаза, когда он изучал ее обнаженное тело.

– Прошу прощения, я, наверное, не представился, – сказал он. – Меня зовут Грэм Сайлент. Возможно, вы обо мне слышали.

– Гонишь?! – спросил Шалем, едва не порезав себе лицо ножом.

Грэм посмотрел на его натянутые до пупа плавки и утвердительно кивнул. Шахар прищурился. Кажется, он это имя слышал впервые. Но что-то в нем было знакомо.

– Братан! – крикнул Шалем. – Ну ты что! Не догоняешь? Серийный убийца, который мурыжил фараонов хер знает сколько месяцев. Ну?

И тут Шахар начал что-то вспоминать. Действительно, в какой-то, то ли газете, то ли передаче он слышал о неуловимом маньяке, за которым бегала полиция.

– Ну-ка, дай на тебя посмотреть...

Шалем засунул нож за пояс натянутых плавок у себя за спиной. Подошел к Грэму и стянул шапку с его головы. Убрал в сторону прядь волос. Наклонился вперед, внима-

тельно рассматривая побелевший глаз Сайлента и его продолговатый шрам, пересекающий правую часть лица.

– Чувствую себя голым, – сказал Грэм, обдав мерзкую рожу Шалема теплым дыханием.

– Кто это тебя так? – спросил он.

– Иногда я бывал непослушным мальчиком, – ответил Сайлент. – Приходилось воспитывать. Методы, скажу я тебе, были очень радикальными.

– Ты смотри, братан, – Шахар поправил плащ на плечах, – вообще не тушуетя.

– Ага, – лицо Шалема было максимально близко к лицу Сайлента. – Или он просто тупой.

– Можно вопрос? – Грэм уставился на Полуночника, смотря ему прямо в глаза, пока тот первым не прервал их зрительную битву.

– Валяй, – Шалем подошел к столику возле кровати и вдохнул еще одну дорожку белого порошка. – Спрашивай, пока я думаю, что с тобой делать.

– Я ищу девушку.

– Старик! – внезапно закричал Шалем, стоя к нему спиной. – Все ищут девушек!

– Нет, я ищу конкретную, – Грэм подошел и сел на кресло, на котором раньше сидел Шахар.

– И какую же ты ищешь девушку? – спросил Шахар. – Блондинку, брюнетку? Белую, черную? Может, с яйцами между ног?

– Я ищу Дженнифер Пэйн, – Сайлент расставил ноги так широко, насколько позволяла цепь от кандалов.

Шалем замер. Повернулся и уставился на Грэма своим тупым лицом, испачканным порошком. Шахар же напрягся. Поиграв желваками, он просил:

– Ты хочешь сказать, что дочь доктора Пэйн тоже здесь?

– Именно, – ответил Сайлент.

– И ее мамаша, разумеется, прислала сюда группу людей, чтобы спасти дочурку?

– Как самый ответственный родитель, – улыбнулся Грэм и по-хозяйски откинулся на спинку кресла.

– Но отсюда же нельзя выбраться, – чуть менее уверенным голосом чем раньше сказал Шалем.

Шахар даже не понял: утверждает его брат или спрашивает... Перспектива покинуть «НЕБО» их не привлекала. Здесь они боги. Здесь у них есть все. Власть, сила, уважение. Здесь их боится каждый. Пока сыт их Цербер, они на вершине пищевой цепочки. Вернуться назад, в реальный мир, нет уж, увольте. Там они были жалкими психами, о которых всю жизнь вытирали ноги. Сначала мать, потом работники приютов, а после и приемные семьи. Шахар сбился со счета, сколько раз он терпел издевательства со стороны взрослых, пока не вырос и не стал возвращать миру всю ту злобу, которой он был сыт по горло.

В том мире их с братом ждала в лучшем случае психушка, в худшем – тюрьма или газовая камера.

– Нам нужно найти ее, Чак, – сказал Шахар.

Впервые за все то время, что они здесь, Шахар обратился к брату по имени. Всевышний «НЕБА» нарек их Шахаром и Шалемом. Именами богов сумерек. Заката и рассвета. Он сделал им великий дар! – вручил Цербера. Приказал кормить своего питомца, и за это они будут всегда под его крылом.

До этой секунды Шахара все устраивало. И он точно не собирался что-то менять.

Избитая женщина на кровати пришла в себя. Шахар буквально видел, как в ее голове пронеслись кадры последнего часа. Избиение, изнасилование, снова избиение с изнасилованием, но уже немного неудачным, ведь Шалем не смог довести дело до конца.

Брюнетка сползла с кровати и тихо забилась в углу, обхватив ноги руками. Со стороны она смахивала на беспомощного котенка, брошенного матерью в страшном новом мире, о котором он ничего не знает.

– О чем ты? – спросил обдолбанный Шалем. – Хер на нее. Сама найдется. Что у нас, шлюх мало что ли? – он поправил член в натянутых плавках и с улыбкой глянул на забитую в углу женщину.

– Ты идиот?! – заорал Шахар. – Дочь Сары Пэйн здесь! Думаешь, ее мамаша не попытается сделать все возможное, чтобы вытащить своего ребенка из этого ада?! Черт! Ты в натуре тупой...

– Но он же сказал, что это невозможно, – Шалем явно намекал на местного бога. – Он сказал, отсюда нет выхода. Этот мир запечатан. Только он может открыть двери.

– Башкой подумай, придурок! – не унимался Шахар. – Если она все это создала, то и найти сраную лазейку для выхода сможет!

Все это время Грэм Сайлент вальяжно расслаживался на шикарном кресле, брякая цепями от кандалов. Со стороны казалось, что вся эта ситуация его совершенно не занимает. Единственное, на что он обращал внимание, вернее сказать, на кого, то это на зашуганную дамочку с выдранными волосами. У него аж слюна текла, когда он рассматривал изгибы ее обнаженного тела.

– И что ты предлагаешь? – спросил Шалем у своего брата.

– Нам нужно найти ее первыми, порезать на кусочки и скормить Церберу! – сказал Шахар, расхаживая взад-вперед.

Шалем снюхал еще одну дорожку. Шмыгнул носом, лоя приход. Глядя на все это безобразие, Шахар пришел в бешенство. Оттолкнув брата в сторону, он опрокинул столик с порошком.

– Хватит, твою мать! Ты нужен мне трезвым! – заорал он. – Разве ты не понимаешь, что сейчас все очень серьезно! Ты хочешь обратно в психушку! – Шахар подошел к близнецу, схватил его за голову двумя руками и заглянул прямо в глаза: – Хочешь опять жрать таблетки, срать под себя и большую часть дня ходить как чертов овощ? – хлесткий удар ла-

дони по щеке заставил Шалема немного прийти в себя. – Ты этого хочешь?!

– Ладно, ладно, – ответил Шалем, убирая руки брата от головы. – Что будем делать? С чего начнем?

– Начнем с того, чтоотрежем этому херу язык, – сказал Шахар.

Близнецы синхронно повернулись в сторону безмятежного Сайлента. Грэм нехотя поднялся с кресла. Облизнул губы и выставил вперед руки, словно беспомощная жертва, которая поняла, что она обречена.

– Принести мои инструменты! – заорал Шахар.

– И мою пилу! – добавил Шалем.

Через тридцать секунд в люкс забежал худощавый паренек, держа в руках два металлических чемоданчика, а подмышкой – огромный целлофановый рулон.

– Прямо здесь? – спросил Шалем.

– Нельзя, чтобы он где-нибудь сболтнул лишнего, – ответил Шахар. – Первым делом начнем с языка.

Шахар открыл чемодан с блестящей медицинской пилой и прочими острыми прелестями.

– Так, ты! – Шахар посмотрел на дохлого слугу. – Расправь целлофан под его ногами.

Пока шепутной Полуночник готовил место расчленения, Сайлент обратился к близнецам:

– А вы не думали, что я могу вам пригодиться?

Но Шахар о нем уже не думал. Для него Грэм Сайлент

уже был куском мяса, которое скормят монстру. Та часть, что останется, никому ничего разболтать не сможет. Уж он-то об этом позаботится. Ой как позаботится.

– Начнем с Никтеанцев, – Шахар присел на колени и начал помогать брату раскладывать инструмент. – Если дочери доктора нет там, придется идти к Ра. Ее по любому поймал кто-то из них.

– Серьезно? – рассматривая скальпель, спросил Шалем.

– Рано или поздно, это все равно бы случилось. Мы не сможем вечно отлавливать дикарей. Если мы хотим и дальше кормить Цербера, то нам придется пойти на них войной. Нужно будет собрать всех. Этот зазнайка Амон думает, что он самый крутой в нашей песочнице. Ну ничего, это мы еще посмотрим. Я лично отхерачу ему его яйца и заставлю сожрать.

Со стороны близнецы смахивали на двух мальчишек-плохишей, строящих козни в тайне от всех.

– Эй! – крикнул Грэм. – Вы не забыли, что я все еще здесь?

Братья его не слушали. Выложив инструменты в нужной последовательности, они встали на ноги и кровожадно посмотрели на Грэма.

– Только не дергайся, ладно? – сказал Шахар, держа в руках нож.

– Ты, – Шалем обратился к щуплому посыльному. – Свободен.

Парень собирался уйти, но внезапно Грэм обошел его со

спины и накинул на шею цепь от наручников. Со всей силы потянул на себя: Полуночник покраснел, а после и посинел. Шахар видел, как глаза его подданного вылезают из орбит. Но вот чего он никак не ожидал увидеть, так это того, что щуплый парень отдаст концы.

Грэм ослабил хватку. Мертвое тело упало на целлофановый пакет.

– Кто-нибудь из вас так может? – спросил Сайлент.

– Нихера себе! – в унисон сказали близнецы.

– Видишь этого черта? – жуя кусок жареной курицы, Шалем показывал Грэму на измученного мужчину, который сидел в клетке...

После того, что сделал Сайлент с щуплым Полуночником, отношение к нему резко изменилось. Ножи и пилы, предназначенные для его расчленения, были оперативно убраны обратно в металлические чемоданчики. Шалем быстро натянул штаны, наконец, спрятав свой торчащий в плавках член, и налил Грэму выпить.

В одну секунду он начал обращаться с ним как с другом. Снял с Сайлента кандалы, усадил на кресло, пододвинул стол с деликатесами. Накормил и даже предложил попробовать своего забористого порошка. Конченный психопат превратился в учтивого хозяина дома, который сделает для нового гостя все, лишь бы тому было комфортно.

Шахар же выбежал из люкса, сказав, что скоро вернется.

Избитую женщину заставили упаковать труп в целлофановый пакет – благо, он уже был расстелен на полу, – и утащить в разделочную: так Полуночники называли комнату, в которой людей резали на куски, а после скармливали Церберу.

Шалем сразу прикинул: если засранец в комбинеzone может убивать, то это открывает великое множество дверей. С его помощью они могут подмять под себя оставшиеся кланы. Никтеанцы еще ладно, но вот отряд Ра! – этих праведных сволочей стоило бы приструнить уже очень давно. Ублюдок Амон не признает никаких авторитетов. Поговаривают, что он заморил своего Цербера голодом, наплевав на все правила местного бога. Странно, что его до сих пор не стерли в кровавый порошок.

Шалем был там, когда все случилось. Когда Он вышел на сцену...

Сперва все подумали, что это очередной отморозок, решивший добавить к своему образу больше мрачных оттенков, замотав лицо в колючую проволоку, а руки выкрасив сажей или, хрен знает, чем еще. Он объявил себя Богом. Сказал, что в этом мире он – мать и отец, святой дух, Иисус, Будда и все остальные! Что отныне игра будет проходить лишь по его правилам.

Шалем до сих пор помнил того беднягу, который первым посмеялся, решив оспорить величие Господина. Сперва его скрючило, сломав каждую косточку – Шалем стоял метрах в десяти, но все равно слышал мерзкий хруст, – а затем хва-

тило одного щелчка пальцев, чтобы от выскочки остались лишь ошметки. Мужик разлетелся в пыль, словно в нем все это время пряталась бомба, а тот человек с черными руками привел механизм в действие.

После такого зрелища желание рыпаться пропало моментально. Шахар смекнул раньше всех. Схватив брата за шкуру, он подтащил его к ногам нового покровителя этого мира, и они первыми преклонили перед ним колени. За столь смелый и в то же время уважительный жест Бог наградил их властью. У братьев и так была банда, но после принятия верности их господство стало неоспоримым.

В клан Полуночников мигом подтянулись люди. Они кормили Цербера, выполняя наказ Властелина и, не считая стычек с отрядом Ра, дела шли хорошо. Но сейчас, с появлением этого парня в комбинеzone, появилась возможность избавиться и от них.

Пока Шалем курил сигареты одну за одной, смотря на здоровый аппетит Грэма, который уплетал все яства, что были на столе, он думал: куда же убежал его брат? Наверняка Шахару пришла гениальная идея. Шахар умный. Всегда таким был. Если бы не он, то Шалем вряд ли бы дожил до сегодняшнего дня. Да, он точно все решит. Воспользуется шансом. Скоро у Полуночников не останется конкурентов. Будут только рабы.

– Как у тебя это получается? – спросил Шалем, оторвав Сайлента от трапезы.

– Что? – прожевав кусок курицы, Грэм поднял голову.

– Убийство... Чувак, я сто раз пробовал. Я их резал, стрелял, сжигал, топил! Нихера... Каждый раз эти ссанные обрубки продолжали влачить свое существование. Не знаю, в чем тут дело, но, как бы мы ни старались, голову нельзя уничтожить. Возможно, все дело в той штуке, что нам цепляли на череп, перед погружением. А возможно, это правила нашего местного бога. Кто его знает? Сколько здесь человек? Сто пятьдесят? Двести? Не больше... Вряд ли он хотел, чтобы мы поубивали друг друга при первой возможности. Признаться, сначала было немного не по себе, – засмеялся Шалем. – Ты ему голову пилой отхреначиваешь, а он смотрит на тебя и орет! Умоляет пощадить! Но, сука, никак не подыхает. Что бы ты ни делал, голова каждый раз регенерирует. И смешно, и жутко...

– А если скормить Церберу? – спросил Грэм.

– Не жрет, сволочь...

Сайлент проглотил остатки еды, что были во рту, и отложил вилку с ножом.

– У нас с братом даже есть специальная комната, – продолжил Шалем. – Там валяются все эти бошки отрезанные. Отвратительное зрелище, конечно. Кровища, крики. Не люблю туда заходить. Но порой приходится. Хотя, знаешь, есть один несомненный плюс в том, что здесь никто не может сдохнуть.

– Да? – спросил Сайлент. – И какой же?

– Всегда можно что-то переспросить если забыл!

Люкс заполнил мерзкий хохот Шалема. Полуночник так громко смеялся, что аж закашлялся. Сайленту пришлось подойти и постучать ему по спине.

– Так что насчет моего вопроса? – отдышавшись, Шалем снова закурил. – Почему у тебя получается убивать?

– Не знаю, – ответил Грэм. – Я же серийный убийца. Мозг работает немного иначе чем у большинства. Возможно, дело в этом.

– Точно-точно, – словно совсем забыв, кто перед ним стоит, сказал Шалем.

В люкс зашел взлохотенный Шахар. Свой дурацкий плащ он, видимо, потерял по дороге. В одних трусах и тапках Полуночник подбежал к Грэму и воткнул ему в руку странное устройство.

– Что это? – спокойно спросил Сайлент.

Штуковина с одной стороны напоминала шприц, а с другой – пистолет.

– Это – забор крови, – уточнил воодушевленный Шахар.

– И зачем эта херовина? – Шалем выдохнул клуб дыма изо рта.

– Мы же здесь все лишь цифры, верно? – Шахар усадил Сайлента на кресло. – То есть, не плоть и кровь, а набор кода, так?

– Наверное, – ответил его близнец. – И что?

– А то, балда! – Шахар ударил брата по лбу. – Если мы возьмем частичку этого парня, то, возможно, перейдем его

силу.

– Типа, как вампиры? – попытался уточнить Шалем.

Шахар закатил глаза, глядя на обдолбанного близнеца:

– Если тебе так проще соображать, то да. Как сраные, мать их, вампиры! Мы возьмем немного его крови и воьем в себя. Код смешается. Итог, – улыбнулся Шахар, – мы тоже сможем убивать.

Не спрашивая Грэма, Шахар воткнул устройство поглубже и нажал на кнопку. Небольшая колбочка сверху начала наполняться кровью. Когда ее уровень дошел до нужной отметки, Полуночник убрал пистолет и приставил себе к шее.

– Ты уверен? – спросил Шалем. – Вдруг у него СПИД. Хоть поинтересовался бы. Эй! – он посмотрел на обалдевшего от всего происходящего Сайлента. – У тебя же нет СПИДа?

Грэм молча покрутил головой.

– Вот и отлично, – сказал Шахар и нажал на кнопку.

Из отверстия вылетела короткая игла и пронзила шею. Колба стремительно опустела. Кровь Грэма попала в тело Шахара. Код смешался.

Близнецы не стали ждать. Схватив пленника, они потащили его на этаж, предназначенный для камер заключения. Отель Полуночников и так не отличался чистотой. Он больше смахивал на здоровенный притон для целой кучи наркоманов, но сектор обрубков – так близнецы называли это место – выглядел особенно мерзко. Маленькие комнаты, в ко-

торых в прямом смысле этого слова чахли безногие и безрукие люди, буквально кричали самыми разными запахами и красками человеческих останков. Одним словом, мерзость.

Добравшись до нужной клетки, близнецы посмотрели на измученного военного. Ублюдок из отряда Ра попался совсем недавно и пока еще не пал духом, но Шалем знал, что скоро сломается и он. Все ломаются. Без исключения. В этом аду с ума сойдет каждый.

– Открывай, – сказал Шахар своему брату.

Шалем послушался и открыл клетку. Вояка тут же кинулся в бой, но от общего истощения организма его хватило лишь на несколько вялых ударов. Шалем срубил парня ловким хуком и наступил босой ногой на горло.

– Ну, – воодушевленный Шахар посмотрел на Сайлента, высунул язык и достал изо рта кусок бритвы. – Надеюсь, работает.

Душераздирающие крики военного пронзили окровавленные стены отеля...

Глава 15

Никта сражалась как настоящий воин: самоотверженно и бескомпромиссно. Она знала, что скоро все изменится – после того, как тот мужчина убил ее Цербера, это обязательно должно было случиться, – но она не думала, что это произойдет так быстро.

Полуночники напали внезапно. Они и раньше пытались подмять Никтеанцев. Сделать людей Никты рабами. Порезать их на куски и скормить своему монстру. Но каждый раз их попытки заканчивались неудачами. Господин знал, кого он ставил во главу детей ночи. Никта была одной из самых лучших мечниц в мире до того, как попала в «НЕБО». Здесь ее мастерство сильно пригодилось.

Лезвие любит тишину. Оно – шепот, пронзающий воздух. Так ее учили с детства. Этому же правилу придерживались и ее подданные. Лезвие режет, оставляя шрамы. И ты должен быть к этому готов. Именно поэтому Никтеанцы наносили на свои тела узоры.

Они были хорошими воинами. Не все, конечно, но большая их часть овладела навыками своей предводительницы превосходно. Этого хватало, чтобы каждый раз давать отпор обезумевшим псам Шахара и Шалема. Но сегодня все изменилось, ведь Полуночники пришли с оружием совершенно другого калибра.

Отныне они могли убивать.

Размалеванные психопаты стреляли, резали и жгли. Безумцы буквально упивались своей жадной кровью. Наконец-то, их руки были полностью развязаны, и они как следует выплеснули всю свою ярость. С таким напором Никтеанцы поделаться ничего не смогли: когда ворота тюрьмы снесли, богиня ночи уже знала, что конец.

Но напоследок Никта решила отрубить, как можно больше ног и рук. В какой-то степени ей это удалось. С десятков Полуночников навсегда запомнят искры ее клинка. Запомнят ее несломленный дух. Никта сражалась как настоящий воин: самоотверженно и бескомпромиссно. Но этого оказалось недостаточно... В итоге и ее голова слетела с плеч.

Последнее, что она видела перед смертью, было невозмутимое лицо мужчины, который нарушил покой в ее доме, убив Цербера.

Кару объял ужас. Он поднимался от кончиков пальцев на ногах и заканчивался на макушке. Когда Кара увидела то, что должно случиться с секунды на секунду, ее затрясло. Какими бы подготовленными ни были бойцы из отряда Ра, но с этим они вряд ли смогли бы справиться. Вряд ли вообще кто-то смог бы справиться.

Амон потянулся за пистолетом, но было уже поздно. Из темноты за спинами Полуночников вышел настоящий гигант. Прозвучал оглушающий рев монстра. Кара представ-

ляла себе Цербера психопатов-близнецов, но то, что снесло ворота и схватило Амона за голову, выглядело в десятки раз страшнее ее самых худших фантазий. Настоящее чудовище! Свирепое и безжалостное...

Зверь Полуночников остановился перед прожекторами, показав свой истинный облик. Мускулистое тело, покрытое черными волосами, здоровенные клыки, бешеный взгляд, вытянутая морда. Цербер был поистине гигантским. В его огромной лапе крепкое тело Амона смотрелось просто игрушечным. Кара видела ужас в глазах солдат отряда Ра. Наверняка они ожидали сразиться с чем угодно, но только не с этой машиной.

– Стреляйте! – что есть сил заорал Амон, пытаясь выбраться из когтистой лапы. – Завалите эту тварь! Это приказ!

Раздалась какофония выстрелов. Солдаты стреляли из всех орудий. Снайперы метились в глаза, пулеметчики на Хаммерах проходились плотными очередями по ногам зверя. Сотни и сотни гильз устлали поле военной базы металлическим ковром. Вспышки осветили все вокруг. Цербер взвыл сильнее прежнего, закрыв морду свободной лапой. Атака военных продолжалась несколько минут. Когда у одних солдат заканчивались патроны, их прикрывали товарищи, после чего первые, поменяв магазины, вновь пытались наполнить тело Цербера свинцом.

Отряд Ра работал как один часовой механизм. Никто бы не смог с ними справиться. Никто. Кара была уверена, что

люди Амона одолели бы любой клан... Но сейчас перед бойцами стоял противник, который плевал на тактику, боезапас и всю военную мощь подготовленных солдат. Ведь когда выстрелы утихли, Цербер выдохнул облако пара изо рта, потрянул телом, сбросив с себя сотни пуль и пронзил небо безудержным воем, по-прежнему стоя на ногах.

Все было бестолку. Полуночники откормили монстра как следует. Зверь оказался неуязвим.

Последние лучи красного солнца скрылись за горизонтом. Наступила полная ночь. Цербер поднял Амона и без каких-либо усилий разорвал на части. Плотный слой темной крови окропил гравий. Главнокомандующий отряда Ра разлетелся в разные стороны, словно лакмусовая бумажка.

А дальше начался самый настоящий ад.

Обезумевшие Полуночники, пользуясь замешательством солдат, ворвались на базу и устроили кровавую бойню. Цербер рвал людей на куски. Последователи Шахара и Шалема срубали головы своими ржавыми мачете. Отряд Ра отстреливался, но, как и сказала Аркадия, пулями убить никого не получалось. В ближнем бою холодное оружие оказалось гораздо эффективнее.

Кровь лилась рекой. Крики солдат пронзали черные небеса. Оторванные конечности врезались в стены казармы, оставляя кровавые узоры. Некоторых особенно упорных воjak Цербер заглатывал целиком. Хватало всего нескольких движений челюстью, чтобы перемолоть кости в кашу и про-

ГЛОТИТЬ.

Кара не знала, что делать и куда бежать. В этой суматохе ужаса мозг отказывался работать. Если бы не отвага Аркадии, Кару сразу же сожрали бы, либо же зарубили в первые секунды нападения. Пробираясь с боем, нейросеть нашла укрытие за стенами электростанции. По дороге к убежищу Аркадия и Хилл захватили с собой побелевшего от страха Боба и все так же безэмоционального Билла. Все четверо забежали за угол, слушая, как мужчин и женщин рвут и режут на части.

– Вот дерьмо, – выругалась Кара.

– Лучше и не скажешь, – подтвердила Аркадия, уверенно сжимая рукоять клинка.

– Вот это кашу вы заварили, – дрожа, сказал Боб.

Парня колотило. Наручники тряслись на запястьях. Он обеими руками вцепился в своего здоровенного друга-бугая и закрыл глаза. Кара могла поклясться, что слышала, как он начал молиться.

– Что будем делать? – спросила детектив.

Аркадия выглянула за угол. Когда она вернулась к ребятам, то на ее лице появились яркие брызги крови. Густые капли стекали по щекам и падали на землю.

– Господи боже, – запричитал Боб и вновь зажмурился.

– Там ад, – сказала Аркадия. – Но нам нужно выбираться. Теперь мы знаем, что Дженнифер нет ни у одного из кланов.

– С чего ты взяла? – спросила Кара.

– Я просканировала всех Полуночников. Среди них нет дочери Сары. А судя по тому, что они пришли сюда уничтожать отряд Ра, то явно захватили с собой каждого из клана. Да и Грэм Сайлент, если бы он нашел Дженни, вряд ли бы оставил девочку без присмотра. Она его ключ.

– Ключ? – удивилась Кара.

– Да, – Аркадия вытерла кровь с лица. – Только Дженнифер может сказать настоящее имя человека, которого ищет Сайлент.

– Имя? Грэм кого-то ищет? О чем ты вообще?

– Кара, вы же не думали, что такой психопат, как Грэм Сайлент, решит согласиться на подобное мероприятие, не имея для этого веской причины.

– Ближе к делу, – рявкнула детектив.

Из-за угла показалась лапа, а следом и свирепая морда Цербера, дышащая горячим паром. Лицо Кары обдало гнилостным дыханием с нотками металла. Окровавленная пасть клацала и скалилась. Рычание зверя разрывало ушные перепонки.

Аркадия махнула мечом, но его лезвие обломилось, попав по зубам монстра. В следующую секунду Цербер сделал выпад вперед: голова блондинки оказалось у него во рту. Одно движение челюсти, – и бесчувственное тело Аркадии упало на Кару. Фонтан крови брызнул в лицо.

Нейросеть мертва. Единственного члена команды, который мог хоть что-то сделать или предпринять, убили.

Кара не могла пошевелиться. Ее руки и ноги отказывались двигаться. По лицу стекали останки Аркадии. Чувствуя ее теплое тело у себя на руках, детектив смотрела в глаза самого настоящего ужаса, готовясь отправиться на тот свет.

– Давай, сука! – заорала Кара, пытаясь перекрычать рычание Цербера. – Я здесь, твою мать! Жри меня!

В бешеных глазах монстра Кара видела свое отражение. Отражение человека, смирившегося с неизбежностью. Да, она проиграла, но игра точно стоила свеч. Остается лишь надеяться, что отец поправится и сможет и дальше жить счастливо.

Хилл смиренно опустила голову, готовясь умереть. Клыки Цербера были в сантиметре от ее лица: Кара могла чувствовать зловонный запах из пасти. Но зверь не стал атаковать. По какой-то причине монстр не разорвал ее на части, как сделал это с другими.

Когда детектив открыла глаза, то поняла, что ее куда-то тащат Полуночники. Кару, Боба и Билла выволокли из укрытия и посадили в самый центр базы Ра. Вся территория была залита кровью и завалена частями тел военных. Отрубленные ноги, руки и головы устилали все вокруг. Никто не выжил. Полуночники и их здоровенная псина уничтожили всех. Если раньше в этом мире смерть являлась чем-то исключительным, то сейчас она стала самым его естеством.

– Ну наконец-то! – крикнул Шахар, с ног до головы вымазанный кровью бойцов отряда Ра.

– Да, брат! – сказал Шалем. – Эти херовы уроды сдохли. Все до одного!

Смотря на то, как двое психов ходят по трупам и упиваются своей властью, Кару охватывал гнев. Почему эта чертова тварь не откусила ей голову?! Не пришлось бы сейчас слушать ублюдков, устроивших настоящий геноцид.

– Ты просто золото! – Шалем подошел к Сайленту и поцеловал того в лоб. – Твоя кровь действительно творит чудеса!

Вот, значит, как у них появилась возможность убивать: чертов Сайлент поделился кровью! Кара хотела кинуться на Грэма, хотела выдавить ему глаза, хотела придушить ублюдка на месте, но один из Полуночников, заметив движение, ударил ее ногой в спину. Хилл упала в грязь лицом. Боб помог ей подняться, но сделал это максимально тактично, без какой-либо резкости в своих действиях, чтобы не дай бог и ему не прилетело.

– Ненавижу, – прошептала Кара.

– Перестань, – тихо сказал малыш Боб. – Сейчас не время показывать характер.

Полуночники кричали и радовались своему успешному набегу. За одну ночь им удалось избавиться сразу от двух кланов.

– Так, – Шахар положил грязное лезвие мачете себе на плечо, – трупы упаковать по мешкам и увести в отель.

Подойдя к Церберу, мужчина погладил зверюгу по влажной от крови шерсти. Уткнулся в нее лицом. Вдохнул этот

запах смрада.

– Хороший мальчик, – сказал он. – Ты отлично поработал. Теперь у тебя будет много еды.

– А что с их Цербером? – спросил Сайлент, выйдя в центр.

– Точно! – крикнул Шалем. – Говорят, эти дураки заморили его голодом. Нужно бы проверить. Вдруг он еще жив...

– Так и сделаем, – сказал Шахар.

Пока Полуночники укладывали части тел в мешки и уволакивали к машинам, Шахар, Шалем, Сайлент и Кара вместе с Бобом и Биллом пошли искать пристанище голодающего монстра. Всю дорогу детектив со своими товарищами получала пинки от безумного близнеца, без конца, нюхающего белый порошок. Шалему было весело: он только что поубивал кучу людей и обдолбался наркотиков, что может быть прекраснее?

– И где же наш песик? – Шахар ходил по базе, заглядывая в каждый угол.

Шалем же свистел, словно звал потерянного щенка. В итоге тайник с монстром нашел Сайлент. Солдаты Ра вырыли в земле бункер: Грэм случайно наткнулся на крышку, запнувшись ногой о замок.

– А что тебе так уперся их Цербер? – спросил Шалем, раскапывая бункер.

– А разве вы не хотите, чтобы Цербер остался только у вас? – ответил Грэм, помогая близнецу откапывать.

– Держите, – Шахар кинул парням болторез.

Сайлент срезал замок и открыл дверь. Поднялась такая вонь, что всем пришлось прикрыть нос рукой. Все это время монстр Полуночников смиренно сидел рядом. Кара чувствовала, как он на нее смотрит. Она была уверена, что если бы не команда близнецов, то он бы в ту же секунду отгрыз ей голову.

– И что? – Шахар заглянул внутрь бункера: ничего кроме темноты там не было видно. – Кто пойдет и проверит? – спросил он.

– Позволишь? – Грэм попросил у него мачете и фонарик. Полуночник учтиво выставил руки вперед, предлагая Сайленту взять его меч, словно они были чертовыми рыцарями. Грэм схватил мачете, фонарь и без какого-либо опасения спустился в бункер.

– Смелый сукин сын, – вдохнув очередную порцию порошка, сказал Шалем.

– Да брось, – ответил Шахар. – Даже если псина жива, она не сможет его убить.

– Точно, – засмеялся Шалем, – в ней же нет его крови.

Кара, Боб и Билл с замиранием сердца прислушивались к тому, что же там происходит внизу. На небе не светило ни единой звездочки. Все прожекторы Ра разбили в пылу схватки. Единственным источником освещения были фонарики и то, которые были далеко не у всех. Но даже в этой темноте Кара могла отчетливо разглядеть огонь в глазах Цербера, стоящего всего в полуметре от нее. Монстр смотрел на нее

с диким аппетитом.

– Эй! – крикнул Шахар. – Ты там живой?

Полуночник подошел поближе к краю и немного наклонился. Посветив вниз лучом фонаря, он пытался увидеть хоть что-то, но, видимо, попытка не увенчалась успехом.

– Ни черта не видать, – сказал он.

В этот момент из бункера вылетела костлявая голова с редкими остатками плоти. Невооруженным глазом было видно, что это череп Цербера, правда, гораздо меньшего размера чем тот, что стоял рядом.

– Дохлый, – сказал Сайлент, выбираясь из бункера.

– Вот и отлично, – присвистнул Шахар. Посмотрев на Шалема, он добавил: – Поздравляю, братец, теперь мы единственные короли этого мира.

– Что будем делать с ними? – Шалем оценивающе глянул на Кару, Боба и Билла.

– Ну, еды у нас теперь хватает, – Шахар вновь погладил Цербера, – так что пока пускай живут. Этих двоих в клетку, – Шахар кивнул на Боба и Билла, – а ее попросим присоединиться к нам на вечеринке.

Кара видела с какими глазами Полуночник ей подмигнул. Она знала, что будет дальше. В очередной раз ей стало жаль, что монстр не прикончил ее как Аркадию.

– По машинам, парни! – крикнул Шахар своим людям. – Сегодня празднуем! Тебя же, милочка, – сказал он Каре, – я оставлю на десерт.

Кара стояла на балконе на самом верхнем этаже Скай Плаза. Наложницы близнецов отмыли, накрасили и нарядили ее в черное вечернее платье. По некоторым их лицам было видно, что они ей даже завидуют. Неужели эти женщины настолько обезумели? – подумала Кара.

Детектив облокотилась на перила и посмотрела вниз. Полуночники устроили целый пир. Возле здания горели костры. Толпы сумасшедших пили, кричали и танцевали. Кого-то прилюдно насиловали. Несколько пленников повесили на столбах и любой желающий мог подойти и нанести им увечья. Крики жертв доносились до самого верха. Творилось настоящее безумие. Кара увидела общество, которое сожрет само себя, если контроль над ним окончательно будет утерян. Наверху останутся самые отчаянные сумасшедшие. Те, в ком напрочь отсутствует душа.

– Только дурак нуждается в порядке... Гений господствует над хаосом.

Кара повернулась: Грэм Сайлент вошел к ней на балкон. В этот раз он не прятал лицо прядями волос, не улыбался, как обычно, и вообще что-то в его взгляде изменилось. Хилл впервые смогла как следует рассмотреть его изувеченный глаз, который он вечно скрывал от окружающих и шрам, растянувшийся на правой стороне лица.

Грэм переоделся. Темные брюки, ботинки, плащ: его низкий подол развивали потоки ветра. Волосы, зачесанные на-

зад, открывали высокий бледный лоб. Пронзающий до глубины души взгляд и невозмутимая уверенность. Вот он какой. Без всех этих своих дурацких выкрутасов и шуточек. Настоящий хищник.

Альфа...

– Ты все испортил, – спокойно сказала Кара. Ее голос звучал практически обреченно. – Ты убил нас.

Грэм подошел на шаг ближе. Заглянул Каре в глаза:

– Птица с шипом терновника в груди повинуется закону природы. Она сама не ведает, что за сила заставляет ее кинуться на острие и умереть с песней, – Сайлент сделал еще один шаг в сторону детектива. – В тот миг, когда шип пронзает ее сердце, она не думает о смерти... Она просто поет. Поет до тех пор, пока не иссякнет голос и не оборвется дыхание, – вновь шаг и Грэм уже оказался на расстоянии вытянутой руки. – Но, когда грудью на тернии бросаемся мы... мы знаем. Мы понимаем. Мы все понимаем... И все равно грудью на тернии. И так будет всегда, Кара.

Хилл отошла немного назад и уперлась спиной в перила. Сайлент впервые произнес ее имя. Кара понимала, о чем он говорит. Детектив знала, на что она шла. Ее предупреждали о том, что все может выйти из-под контроля. Но если бы вернуть все назад, сделала бы она другой выбор? Плюнула бы в лицо Доусона и Пэйн, обрекая отца на верную смерть?

Конечно же, нет... Если вернуть все назад, Кара поступила бы точно так же.

– Я не всегда был таким человеком, Кара, – спокойно сказал Сайлент. – У меня тоже были свои мечты и планы. Я так же, как и все остальные, радовался новому дню. Ожидал от своей жизни чего-то невероятного. Чего-то прекрасного. Я любил бегать под дождем, врезаясь резиновыми сапогами в лужи. Любил будить родителей по утрам, с улыбкой забегая к ним в комнату и запрыгивая на кровать. Любил играть с друзьями. Любил ходить в школу, делать уроки. Кататься на велосипеде. Любил быть как все.

Сайлент потянул руку и провел кончиками пальцев Каре по лицу. Это прикосновение было сродни электрическому разряду. Хилл прочувствовала его всеми частичками себя.

– У каждого свой ад в душе, детектив, – сказал Грэм, – и называется он «память». Хорошие воспоминания не оставляют шрамов. Поэтому их проще забыть. Я старался держать все это в голове, Кара, – Сайлент постучал себя указательным пальцем по лбу, – Клянусь, я пытался... Но он все забрал. Он вынул из меня душу, перекроил ее по своему образу и подобию и вернул обратно.

– Он? – с фальшью в голосе спросила Кара.

О чем Грэм говорит? – подумала детектив. Неужели это очередная психологическая игра в его блестящем исполнении? Но Кара могла поклясться, что таким искренним и глубоким она его еще не видела. Он был до боли убедителен.

– Я согласился на все это, чтобы найти отца. Найти человека, который меня создал, – сказал Сайлент.

– Отца?

– Грэм Мур, – признался Сайлент. – Вот мое настоящее имя.

Грэм Мур, подумала Кара. Что-то знакомое... Точно! Вспомнила. Тем делом занимался Гидеон. Черные руки. Серийный убийца похитил маленького мальчика, убив при этом всю его семью. Именно тот случай окончательно добил отца Кары, после чего он решил уйти из полиции.

– Твой старик бросил расследование, – сказал Грэм. – Твой отец бросил меня. Все эти годы, пока вы с Гидеоном ели пиццу по вечерам перед телевизором и смеялись, я сидел на цепи. Как собака. Неделями не видел света, еды и воды. Он ломал меня. Ломал по-настоящему. Как физически, так и ментально, – Сайлент шмыгнул носом. – Можно ли из хорошего человека сделать монстра? – спросил он.

Грэм наклонился ближе: Кара видела агонию его глаз. Видела всю ту злобу, что кипела в нем долгие годы.

– Можно, детектив. Ты видишь этого монстра перед собой, – ответил Сайлент. – Мы могли бы быть друзьями. Да, Кара, могли бы... Но волею судеб оказались на противоположных сторонах обрыва. Обрыва, на дне которого плещется кровь моих жертв.

Кара молча слушала Сайлента, не зная, что тут можно ответить. Если все это правда, то теперь многое встало на свои места. Все его письма, вся эта война, объявленная именно ей! Раньше Кара не понимала, что она ему сделала, что он так

решил на ней отыгаться? Сейчас пазл начал складываться.

– Гидеон мог спасти меня, – Сайлент играл желваками на лице – Но твой отец сдался. Он бросил расследование... А вместе с ним и меня в самое жерло вулкана, – Грэм поправил волосы, растрепавшиеся от ветра. – Я не родился убийцей, Кара. Убийцей я стал, потому что выбора у меня другого не было.

Сайлент выдохнул. Сделал шаг назад, проведя рукой по лицу. Хилл видела его внутреннюю борьбу. Видела всю ту рефлексию, заполнившую нутро. Но как ему можно было помочь, да и заслуживал ли он помощи вообще? Перед Карой стояло чудовище. Без клыков и шерсти, но тоже чудовище.

– Моя жизнь была неутолимой жадной насыщением, – сказал Сайлент. – А мир – ареной, где сталкивались те, кто, стремясь к этому насыщению, преследовал друг друга, охотился друг за другом, поедая друг друга. Ареной, на которой проливалась кровь, Кара. Ареной, на которой царила жестокость, слепая ярость и хаос без начала и конца.

Сайлент сглотнул. Помолчал секунду, а потом добавил:

– Мне пришлось стать таким, – сказал он. – Мне пришлось превратиться в монстра. Ведь только так я мог выжить среди монстров. Психопат, эгоцентрист, для которого нет авторитетов. Тот, кому плевать совершенно на всех!

Грэм вновь подошел к Каре и взял ее за руку. Хилл дрогнула, но не стала ничего предпринимать.

– Да, детектив, – Сайлент сжал ладонь Кары. – Это все

я. Но в свое оправдание могу сказать, что в мире человека, который меня воспитывал, по-другому было просто не выжить... Если я – дьявол, то представляешь, кто он? И именно у него находится власть над всем этим миром, – Грэм еще несколько секунд сверлил Кару глазами, а потом ушел прочь.

Детектив посмотрела на свою ладонь: в ней лежало два крошечных свитка, покрытых кровью. Хилл поднесла их к лицу и сразу же почувствовала знакомый запах псины. Точно так же пахнет Цербер Полуночников. Развернув свитки, она увидела координаты. Высота и долгота.

Вот что искал Сайлент. Вот зачем ему нужно было распотрошить Цербера в псарне. Вот почему он старался первым добраться до тела мертвого Цербера на базе Ра.

Он искал координаты...

Но отчего они? И если в тех двух церберах были спрятаны свитки с цифрами, то что спрятано в монстре Полуночников?

Глава 16

Кара не знала, что произойдет дальше: изнасилуют и убьют ее сразу, или же будут мучить долгие недели и месяцы. Она не знала, куда увели Боба и Билла... Наверняка эту парочку тоже не ждало ничего хорошего. Вопрос времени, когда и их головы полетят с плеч. В этом детектив не сомневалась ни секунды.

Шахар приказал наложницам сопроводить Кару вниз. Туда, где проходило главное торжество по поводу полной победы Полуночников. У клана не осталось конкурентов. Самое время отпраздновать.

Идя по коридорам отеля, чувствуя, как они становятся все уже и уже, детектив попросилась в туалет. Одна из рабынь с клочками выдранных волос на голове позволила ей уединиться. Каре нужно было остаться наедине, хотя бы на секунду.

Хилл закрыла за собой дверь, оказавшись в самом засранном гадюшнике, который она когда-либо видела. Три кабинки, кафель, позолоченные унитазы, но Полуночникам удалось загадить это место так основательно, что находиться в нем было почти невозможно.

Задержав дыхание, Кара встала перед заляпанным зеркалом с мерзкими надписями и заплакала. В своем шикарном вечернем платье со стильной прической Кара Хилл выгляде-

ла лишним артефактом в общей картине, ведь окружало ее одно дерьмо: как снаружи, так и внутри всего этого места.

Если Сара Пэйн надеялась создать рай для людей, то у нее получилось все ровно наоборот. «НЕБО» стало настоящим адом, в котором обитали одни лишь черти. И каждый из них был хуже другого...

– Фак, – Кара вцепилась руками в раковину.

Ей хотелось кричать. Хотелось разбить зеркало вдребезги, взять самый острый осколок и воткнуть себе в горло. Но она знала, что у нее ничего не выйдет. Здесь она лишена даже такой, казалось бы, тривиальной возможности, как покончить с собой. Отсюда нет выхода. Ей придется спуститься вниз и встретиться лицом к лицу с самыми мерзкими тварями, которые когда-либо рождались на свет. А это так и есть. Другие здесь попросту не выживали: судя по тому, как быстро ассимилировался Грэм Сайлент, Кара была полностью права.

Что задумал Грэм? В чем его план, да и есть ли он вообще?

Допустим, все что он сказал ей на балконе правда. Допустим, действительно Бог здешнего мира – его отец, вернее, человек, который воспитал из него чудовище. Но что дальше? Что сделает Сайлент, если найдет его? Ведь как все говорят, он всемогущий. Если он настоящее воплощение зла, то что ему помешает щелкнуть пальцами и превратить неугодного сына в пыль?

– Кара, – прозвучал прерывистый женский голос. – Кара,

вы меня слышите?

Хилл подняла голову и увидела в отражении зеркала мелькающее изображение доктора Пэйн. Стоя в своей лаборатории, Сара махала руками, пытаясь привлечь внимание детектива.

Сперва Хилл подумала, что она сходит с ума. Откуда этой женщине появляться в зеркале? Но чем больше Кара всматривалась, тем сильнее убеждалась в том, что это действительно доктор Пэйн.

– Кара, вы меня слышите?

На этот раз голос прозвучал четче и громче. Детектив Хилл протерла зеркало ладонью и внимательно посмотрела на сволочь, которая запихнула ее в самое сердце безумия.

– Вы! – в бешенстве сказала Кара. – Это, мать вашу, действительно вы!

– Кара, послушайте, – пыталась перебить ее доктор. – У нас мало времени. Мне удалось взломать фаервол ядра и связаться с вами, но я не думаю, что это надолго. Скоро связь прервется. Кара, что там у вас происходит? Погруженные умирают один за другим! Нейросеть отключилась. А ведь прошло всего несколько минут...

– Несколько минут?! – закричала Кара. – Твою мать, здесь прошло уже несколько дней!

– Время внутри «НЕБА» всегда шло несколько иначе.

– Слушай сюда, сука ты ненормальная! Ты хоть представляешь, что ты наделала?

– Кара, я не...

– Если у меня получится отсюда выбраться, – сказала Хилл. – Обещаю, я лично прострелю твою до хрена умную башку, тварь! Поверь мне...

– Кара, что с Дженнифер? Вы нашли ее?

– Дженнифер! – в голос засмеялась детектив. – Тебе не кажется, что когда ты отправляла меня на поиски своей дочурки, то тебе стоило более детально рассказать о близнецах Престон и им подобных!

– Братья Престон? – выдохнула Пэйн. – Дженнифер у них?

– Уж не знаю, хорошо это или плохо, но нет, – ответила Кара.

– Что с Сайлентом?

– Ха-ха, – у Кары начиналась истерика. – У Сайлента все отлично!

Детектив крепче вцепилась в раковину. Казалось, еще чуть-чуть и она ее вырвет.

– Наш всеми любимый серийный убийца Грэм Сайлент рассказал мне свою трагическую историю детства. О том, что злой дядя сделал из него маньяка. Что ему пришлось стать таким. Что все это не его вина.

Кара слышала свои слова, но они даже звучали абсурдно в контексте такого человека, как Грэм. Сейчас она начинала думать, что, все-таки, Сайлент ее обманул. Что все им сказанное было очередной игрой с его стороны.

– А еще, он успел обзавестись друзьями, – добавила Кара. – И несложно догадаться какими. Кстати, именно из-за Грэма вам придется объясняться, почему все ваши погруженные отдали концы. Если Сайлент хотел поставить рекорд по убийствам, к которым он был непосредственно причастен, то можете смело ставить ублюдка во главу списка.

– Господи, – прошептала доктор Пэйн. – Хотите сказать, что за все это время в поисках Дженнифер вы не продвинулись ни на сантиметр?

– Вы слышали, что я вам только что сказала?! – взорвалась Кара. – Какая к черту Дженнифер! Видите, как я выгляжу? Думаете, я сама решила так прихорошиться? С секунды на секунду в этот вонючий гадюшник забежит толпа психопатов и они утащат меня на свое пиршество!

Кара с размаха ударила в зеркало. В то самое место, где располагалось лицо Сары Пэйн. Изображение треснуло. Остался кровавый след: капелька крови медленно потекла вниз.

– Что там насчет выхода? – собравшись с духом, спросила Кара. – Вы знаете, как вытащить людей?

Сара молчала. По ее лицу детектив поняла, что доктор до сих пор не знает, как ей помочь. Видимо, придется самой во всем разобраться. Конечно, если ее не разорвут на части близнецы и их последователи.

– Ясно, – сказала Кара.

– Кара, обещаю, – Сара приложила руку к зеркалу с той

стороны реальности. – Я сделаю все возможное, чтобы вытащить вас оттуда. Но вы должны найти мою дочь...

– Кстати, насчет этого, – вспомнила Кара. – Перед смертью Аркадия сказала, что Дженнифер знает имя человека, которого ищет Сайлент. Это так?

– Да, – ответила Пэйн. – Нам был нужен рычаг давления. Два с половиной года назад мы находились на той стадии разработки проекта, когда нам требовался Альфа. Личность, на которую нельзя повлиять. Нам нужно было знать, как этот человек будет взаимодействовать с ядром...

Два с половиной года назад, подумала Кара. Примерно в то же время начались первые убийства Сайлента.

– Не может быть, – сказала Хилл.

Сара в отражении зеркала стыдливо опустила голову. На ее мешках под глазами появилась тень, добавив к и без того уставшему лицу еще с десяток лет.

– Вы его нашли, – Кара посмотрела вниз на свои руки: от того, как сильно она вцепилась в раковину, ее пальцы побелели. – Вы узнали, кто он такой. И засунули его в свою установку?!

– Да, Кара, – ответила Пэйн. – До людей Доусона дошла утечка из ФБР. Спецслужбы много лет вели расследование по делу Черных рук. Тот человек постоянно менял личности. Переезжал с места на место. Модус операнди его убийств становился другим. Именно поэтому он столько лет оставался на свободе.

Кара не могла поверить ушам. Неужели ради своих проклятых экспериментов Сара Пэйн пошла на подобное?

– К тому времени, – сказала доктор, – ФБР уже знали его имя. Оставалось только собрать доказательства его причастности ко всем преступлениям. Люди Доусона не сомневались, что этот человек именно тот, кто нам нужен. Судя по его действиям и поведению, он точно был подходящим кандидатом для эксперимента... Мы сработали на опережение. Схватили его, опередив ФБР. С тех самых пор серийный убийца, которого вы знаете под именем Черные руки, был все время здесь...

– Охренть просто, – выдохнула Кара. – Все это время в вашей машине спокойно отлеживался монстр... А почему вы его не отключили, после того как провели нужные опыты, исследования, или как там эта херь у вас называется?

– Вся суть эксперимента в том, чтобы синхронизировать разные психотипы людей в программе, когда они все находятся в активном состоянии.

Раковина в туалете, за которую держалась Кара, сначала треснула, а потом и вовсе упала. Из обломка ржавой трубы на полу потекла мутная вода.

– Когда люди Доусона на него вышли, в подвале этого мужчины жил молодой человек, – сказала доктор. – На цепи. Как собака. Наемники некоторое время наблюдали за жильем. Видимо, тот парень был для него своего рода питомцем. Характер их отношений мне до сих пор не ясен.

– Сайлент, – тихо сказала Кара.

– Да. В тот момент, когда мы производили захват, Грэм воспользовался шансом. Он освободился от оков и напал на хозяина. Ему под руку попался моток колючей проволоки, и он чуть было не перерезал горло своему надзирателю. Объект получил серьезные травмы лица и впал в кому. Со стороны все выглядело так, словно он умер. Впрочем, все эти годы Грэм так и считал...

– Грэм Мур, ребенок, похищенный много лет назад, – сказала Кара. – Вы хотите сказать, что мальчик прожил с этим монстром всю свою жизнь?

– Да, мисс Хилл, – прозвучал мужской голос.

В отражении треснувшего зеркала появился Уильям Доусон. В своем строгом костюме, весь напوماженный, он напомнил Каре о мире, в котором не все люди выглядят как размалеванные психи.

– В обмен на молчание, – сказал Доусон, – мы предложили Грэму новую личность и довольно солидную денежную компенсацию, так сказать, за все те годы, что он провел под гнетом безумца.

– Так он стал Грэмом Сайлентом, что в переводе означает «Тихий», – закончила мысль Кара.

– Именно, – в голосе Доусона не было ни единого цвета: абсолютное спокойствие и холод. – Мы не знали, что парень слетит с катушек и по примеру своего патрона начнет творить безумства.

– Вы закрыли в клетке одного зверя, – сказала Кара, – но при этом выпустили другого. Молодцы! Так держать, мать вашу...

Вот почему Грэм каждый раз оставлял небольшой черный след на месте своих преступлений, подумала Кара. Своего рода некий оммаж в сторону убитого им воспитателя.

В итоге версия Грэма сходилась. Совершенно безумный парень, обиженный на весь мир, волею случая выбрался из клетки и получил второй шанс на жизнь. Но узнав, что человек, который должен был его спасти, взял и бросил расследование, слетел с катушек. А поскольку в парадигме мира Сайлента во главе всего всегда стояло насилие, то к нему он и вернулся. Гидеон Хилл давно отошел от дел и Грэм решил испортить жизнь его дочери.

Благо она тоже пошла работать в полицию.

– Ясно, – сказала Кара. – И вы рассказали Сайленту, что его папочка жив. Пообещали Грэму, что если он спасет вашу дочь, то узнает настоящее имя человека, который мучил его всю жизнь?

– Все так, – ответила Сара.

– Вопрос: на кой хрен Сайленту знать имя?

– Поймите правильно, – сказала доктор Пэйн. – Ввиду сложившихся обстоятельств Грэм Сайлент вырос человеком с определенной психикой. Там, где любой другой ребенок сломался бы, – Кара подумала о тех годах, что Сайлент провел в темноте, без кого-либо намека на счастливое завтра, –

мистер Сайлент сумел приспособиться, – продолжила Сара. – Он создал вокруг себя мир, в котором он являлся центром вселенной. Но есть всего два человека, за пределами круга, которые до сих пор его волнуют. Это ваш отец, Кара, и мужчина по прозвищу Черные руки.

– Чтобы победить демона, – вмешался Доусон, – нужно знать его имя...

– Как его зовут? – спросила Кара.

Сара замешкалась. Наверняка сперва она хотела ответить на вопрос, но, взвесив все за и против, решила этого не делать. Если имя известно лишь Дженнифер, то Сайлент сделает все возможное и невозможное, чтобы добраться до девочки и узнать его.

– Не скажете, да? – сказала Кара.

– Мне жаль, – доктор Пэйн закрыла глаза.

Кара выдохнула. Ее распирает гнев. Если бы сейчас она оказалась в одном помещении с этой женщиной, то живой бы она оттуда не ушла. Да, Сара хочет спасти ребенка и готова сделать все что угодно, пойти на любые преступления, обманы и шантажи, но легче Каре от этого не становилось.

– Если вы знаете, кто управляет ядром, то почему просто не отключите его тело от установки? Убейте ублюдка в реальном мире и дело с концом! – сказала Кара.

– Слишком опасно, – ответила Сара. – Я не знаю, как поведет себя ядро. Есть шанс, что из-за его смерти, вся связующая сеть между пользователями рухнет, нанеся непоправим-

мые последствия мозгу каждого погруженного.

– И пока там ваша дочь, вы рисковать не собираетесь, – констатировала Кара.

Дверь туалета выбили: даже стучать не стали. Деревянное полотно с треском вылетело. В проеме появился Шалем, по уши обдолбанный наркотиками. Совершенно пустой взгляд. Безумная улыбка на лице. Полуночник стоял в одних плавках, задранных чуть ли не до груди, и сапогах с грубой металлической подошвой. Рука сжимала рукоять мачете.

За его спиной лежали две женщины в крови. Те, кто разрешил Каре уединиться в уборной. Шалем основательно порезал им лица: Кара видела глубокие кровоточащие борозды.

Когда детектив вновь посмотрела на зеркало, то доктора Пэйн и Уильяма Доусона она там уже не застала. Ублюдки снова бросили ее в клетку к зверю, не дав даже палки для самообороны.

– Скучала, малышка? – спросил Шалем, слизывая кровь с клинка мачете. – Я вот сильно соскучился...

Шалем со своими прихвостнями сопровождал Кару вниз. Все это время она слышала насмешки у себя за спиной. Чувствовала пальцы Полуночников на своей коже. Узкие коридоры Скай Плаза казались бесконечной дорогой на Голгофу. То место, где ее распнут.

Шалем аж слюной исходил, глядя на открытое платье де-

тектива. Кара знала, что ему уже не терпится сорвать эту черную тряпку и наброситься на ее тело, как на кусок мяса в голодный год. Единственное, что его сдерживало, скорее всего, было наказом брата. Кара заметила, что в их паре Шахар имел больше влияния. Да и по мозгам он был в разы умнее.

В итоге Кару усадили за стол в самом центре сборища возле входа в отель. Все это собрание больше смахивало на какой-то сюрреалистичный пир викингов. Составленные рядом столы со всякими мясными блюдами, кубки с вином. Костры, на которых вертелись то ли туши животных, то ли людей: Кара уже ничему не удивилась бы.

Пленники, подвешенные на столбах, нескончаемо стонали. Пока Полуночники пили и жрали, истерзанные мужчины и женщины истекали кровью всего в метре от них. Единственное, что радовало, что доктор Пэйн не додумалась запихнуть в свою адскую установку маленьких детей. Смотреть на страдания ребятишек Кара бы точно не смогла.

Шахар встал из-за стола и поднял огромный бокал, наполненный бордовой жидкостью. Металлические шипы на плечах его потертого кожаного плаща сверкали бликами восходящего красного солнца. Редкие светлые волосы, зачесанные назад, были собраны в вялый клубок на макушке. На бледном лице просматривались вены, словно Шахар был настоящим вампиром.

– Дети мои! – поднял он бокал вверх. – Сегодня ночью мы одержали великую победу! Сегодня ночью наш клан убил и

поработил противников. К величию есть только один путь! – заорал Шахар. – И этот путь проходит через страдания! Мы заставили наших врагов страдать! Теперь у нас много рабов, еды для Цербера и припасов! Теперь мы короли!

Полуночники радостно закричали. Парочка безумцев схватились за плети и начали хлестать подвешенных пленников, превращая их тела в кровавый фарш. Несколько капель крови упали в пустую тарелку Кары, стоящую на столе.

– Сегодня нам есть что отпраздновать! – вновь заорал Шахар. – Так празднуйте же. Вы это заслужили!

Наполненные кружки застучали о столы. Поднялся оглушающий вой пьяной толпы. Полуночники смахивали на дикарей: белая краска на лицах, словно они воины древних племен, рваная одежда и совершенно безумные глаза, в которых напрочь отсутствовала человечность.

Кара осмотрелась...

Грэм Сайлент сидел в самом углу, спрятавшись за широкими спинами воинов. Абсолютно безучастное лицо выдавало его скуку. Казалось, Сайлент думал о чем-то своем, и вся эта пафосная речь и реакция толпы его совершенно никак не волновала. Все что его заботило – это еда в тарелке. Грэм ел так страстно, словно голодал до этого год.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказал он. – В реальной жизни у меня очень слабые вкусовые рецепторы. Я не чувствую вкуса. Черт, – Сайлент впился зубами в сочный кусок мяса, – это божественно.

Грэм распотрошил двух Церберов, нашел координаты – что-то подсказывало, что это местоположение здешнего Бога, – наверняка он обдумывал план, как проделать этот же фокус еще раз. Проблема заключалась в том, что Цербер Полуночников был самым настоящим титаном, который при всем при этом мог убивать, ведь он выпил крови Сайлента. Как Грэм планировал справиться с чудовищем, если вообще планировал, Кара не представляла...

В метрах десяти от столов Кара увидела собранные бревна с сеном, расположенные рядом с деревянными столбами. Со стороны это смахивало на подготовку перед кострами Салема. И что-то подсказывало, что Кара не далека от истины.

Двери Скай Плаза открылись. Трое Полуночников выволокли избитого Билла. Без своего плаща Кара даже сперва его и не узнала. Мужчина приподнял лицо с огромной вмятиной: на нем живого места не было. Ублюдки хорошенько отделали здоровяка. Но глядя на его сбитые костяшки на руках, детектив поняла, что Билл без боя не сдался.

Странно... Кара не обмолвилась с этим человеком и двумя словами за все то время, что они были знакомы, но почему-то именно он больше всего вызвал у нее симпатию. Тем печальнее было видеть, как двое невменяемых шакалов притащили его к столбу и связали.

Кара не могла разобрать эмоции на лице Билла. Из-за здоровенной вмятины они и раньше-то не читались, а сейчас,

глядя на всю ту кровь, понять состояние Билла было и вовсе не возможно. Кара лишь надеялась на то, что он достаточно невменяем, чтобы в полной мере не осознавать происходящее.

Шалем допил остатки из своей кружки, встал из-за стола и натянул повыше плавки. Пьяной походкой Полуночник доковылял до столба с привязанным Биллом, остановился, вытащил из трусов член и помочился бугаю на ноги. Толпа за столом разразилась смехом. Его брат Шахар чуть было не грохнулся назад – спасло то, что он схватился за плечо Кары, – так сильно он смеялся. Солнце окончательно вышло из-за горизонта, озарив безумные лица Полуночников.

– Это твой друг, милая? – рыгнув, спросил Шахар.

Кара промолчала. Плевать, что она ответит. Чтобы она ни сказала Билла все равно поджарят на костре. Детектив посмотрела на связанного здоровяка, и на короткий миг их глаза встретились. Всего секунда, но Кара увидела осознанность в его взгляде. Несмотря на свои увечья Билл все прекрасно понимал.

Шалем повернулся к толпе, не потрудившись спрятать член в трусы, поднял с земли горящий факел и кинул его в сторону Билла. Мгновение, – и вспыхнуло пламя. Если Полуночники собирались насладиться криками, то здоровяк Билл всех огорчил. Ведь пока его крепкое тело полыхало, словно спичка, мужчина не произнес ни звука...

По лицу малыша Боба катились слезы. Он стоял в дверях главного входа Скай Плаза и смотрел на то, как его лучший друг сгорает дотла. Сердце обливалось кровью. Неужели все вот так вот закончится? Неужели и его сожгут на костре, как какую-то чертову ведьму?

Проклятье! Не на это подписывался Боб, соглашаясь на эксперимент доктора Пэйн. Будь проклят тот день, когда ему попался буклет проекта «НЕБА».

Боб сидел на унитазе в кафе неподалеку от дома и раздумывал о том, какое самоубийство подойдет ему больше. Повеситься? Бросить включенный чайник в наполненную ванну? Спрыгнуть с десятого этажа?

Способов так много... Какой выбрать?

На днях Бобу диагностировали неоперабельную опухоль мозга. Врач просто развел руками, сказав, что уже поздно. Что опухоль будет только увеличиваться. Что Боба будут мучить головные боли, возможно, появятся даже галлюцинации.

Если с первым Боб был готов смириться, то видеть всякое дерьмо, которого нет на самом деле, этого он боялся больше всего на свете. Его отец страдал шизофренией. Боб видел весь этот ужас. Повторять путь безумного папаши не хотелось совершенно.

Сейчас же, стоя здесь, смотря на догорающий труп товарища, Боб всем сердцем жалел о том, что поднял тот засанный буклет. Лучше головные боли и галюны, чем самый на-

стоящий костер.

Да, по факту Боба сейчас здесь нет. Все это лишь компьютерная симуляция, но как сказала доктор Пэйн: мозгу не важно, происходит это на самом деле или нет. Если он верит в происходящее, то все взаправду.

Крепкий Полуночник с обезображенным выкрашенным в белый цвет лицом сжимал плечо. Даже если бы Боб захотел сбежать, то этот громила догнал бы его в два счета: особенно, учитывая то, что у Боба на одну ногу меньше, чем у его надзирателя.

Красное солнце слепило глаза. Люди Шахара и Шалема пили, кричали и смеялись. Смерть крепыша Билла на костре была сродни театральному представлению для своеобразной публики, которую мало чем можно удивить.

Но на лицах Полуночников Боб видел некое недовольство. Билл умер слишком тихо. Не на это они рассчитывали. Кожа здоровяка вздымалась пузырями, лопалась и плавилась, но каким-то чудом он смог уйти из этого проклятого мира достойно. Что касалось Боба, то парень был уверен: как только он окажется на столбе и Шалем поднесет искру, Полуночники получат то, чего так жаждут.

Боб заверещит так громко, что его будет слышно за три квартала отсюда. От этого становилось в десять раз страшнее. Неужели это конец? Неужели конец будет таким?

– Твою мать, – прошептал парень, чувствуя, как по его телу течет пот.

– Шагай!

Здоровенный Полуночник толкнул в спину. Боб запнулся и едва не упал. Будь вместо нового протеза та старая палка, он бы разбил себе лицо о плиты на выходе из отеля.

Солнечный свет в очередной раз ударил по глазам. Некоторое время Боб щурился, пытаясь настроить фокус. Вскоре он увидел Кару: Янг Блида сидела во главе стола, рядом с Шахаром, одетая в вечернее платье. Да, наложницы Полуночников потрудились на славу. Кара действительно выглядела шикарно. Прическа, макияж, приподнятая грудь, соблазнительно выглядывающая из декольте: среди разукрашенных маньяков она выделялась, как белое пятно на огромном черном холсте.

Боба провели сквозь толпу к месту казни и привязали к столбу. Он отчетливо чувствовал запах жареной плоти товарища, обуглившегося всего в паре метров от него.

– Пожалуйста! – закричал Боб. – Пожалуйста!

– Вот, – улыбнулся Шалем. – Другое дело! Кричи, мой мальчик! Кричи!

– Пожалуйста! – вновь взмолился Боб.

Он искал лица сострадания, но все эти рожи излучали лишь одно – кровожадность. Никто не поможет. Боб обречен. Это последняя остановка на его пути. Боб начал плакать. Слезы застилали глаза. Липкие длинные волосы облепили влажное от пота лицо. Кисти натирала тугая веревка. Из-под ног шел отчетливый запах бензина.

Шалем зажег факел и подошел ближе.

– Узри же наше величие, раб! – заорал он.

Боб видел, как отвернулась Кара – Янг Блида решила не смотреть, – но еще он увидел Грэма Сайлента, поднимающегося на стол. В плаще, с зачесанными назад волосами, он смахивал на Нео из любимого фильма «Матрица». Разумеется, из первой части. Последующие ленты Боб терпеть не мог.

Пнув в сторону бутылку вина, Сайлент сказал:

– Не суди о своем величии по своей тени при заходе солнца, – Грэм щелкнул пальцами, и голова Шалема лопнула, словно мыльный пузырь.

В очередной раз лицо Боба окропила кровь.

Часть 4

Память – это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновляет резцом.

(С) Д. Локк.

Глава 17

Хорошо помню тот момент, когда понял, что никому нельзя доверять. Что в этом мире я могу полагаться только на себя...

Хозяин любил бойцовских собак. У него их было целых три. Но любимым его щеночком был именно я. Самый дрессированный! – ведь первые годы я делал все, что он говорил. Нужно резать – резал. Нужно душить – душил. Хозяин обучал меня искусству смерти, восхищаясь моими победами и искренне негодуя поражениями.

Вот она – настоящая школа жизни, говорил он.

Сперва я их считал.

Добычу...

Пять, десять, двадцать. Учитель привозил их несколько раз в месяц и заставлял меня вытворять с ними такие зверства, которые потом неделями снились в кошмарах. Их плачущие лица, сжимающее мои руки пальцы, звук их последнего вдоха: каждую ночь эти образы терзали мой сон. Шли дни, меня немного отпускало, но как только я вновь мог нормально засыпать, подъезжала новая жертва и все начиналось заново.

Когда он увидел, что я адаптировался – перестал каждый раз рефлексировать после очередного убийства: да, со временем это случилось, – правила изменились. Начался но-

вый этап становления идеального хищника. Отныне мне не нужно было убивать добычу: теперь я должен был с ней сблизиться.

И, скажу я вам, этот урок я усвоил на всю жизнь!

Азиатка, примерно моего возраста: до сих пор помню свой шок, когда он привел ее ко мне... Настоящий живой человек. Тот, которого не нужно резать, душить или жечь. Мы прожили с ней в подвале чуть больше месяца. За все те годы, что я был в одиночестве, время, проведенное с Ким – так ее звали, – стало самым ярким отрезком моего существования. Именно существования. Ведь назвать жизнью то, что происходило со мной, язык не поворачивался.

Впервые за очень долгое время я вновь чувствовал себя живым человеком. Заново учился общаться.

Сперва Ким только и делала, что плакала, но когда слезы закончились, то она начала без умолку рассказывать о себе и своей семье. Возможно, это было своего рода защитной реакцией. А возможно, она знала, что ее не ждет ничего хорошего и таким образом Ким хотела оставить свой маленький след, пускай и в памяти такого человека, как я.

Я привязался к ней. Честно, привязался. Мы даже начали строить планы побега. Конечно, я знал, что все это лишь фантазии. Что нам никогда и ни за что отсюда не выбраться. Но, глядя на ее воодушевленное лицо, мне тоже хотелось в это верить. Хоть на секунду. Хоть на мгновение... Представлять запах свободы. Представлять утренние лу-

чи солнца, не омраченные болью и кровью людей, которых мне нужно убить по указке безумного человека сверху.

Ким была классная. Веселая и милая: со своим азиатским очарованием. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, то я бы обязательно в нее влюбился. Уверен, она могла похвастаться целой кучей ухажеров. Но мы были там, в темноте. В том месте, откуда нет выхода. И я, как мог, старался держать эмоции под контролем. Ведь прекрасно понимал: если он привел ее сюда, значит, у него есть на нее планы.

И не уверен, что они мне понравятся.

Да, признаюсь, в этот раз Хозяин превзошел себя. Он специально выждал момент. Выждал, когда я сблизусь с Ким. Проникнусь ею. Именно тогда он спустился к нам в подвал и бросил нож. Клинок, чья рукоять была выполнена в виде змеи. Чешуйки, немного изогнутая форма, кончик раздвоенного языка: отличная работа умелого мастера.

– Выйдет лишь один, – коротко сказал он, и стал ждать.

Вот так просто. Всего три чертовых слова, которые в момент поменяли все...

Это было уроком, что я запомнил на всю жизнь. Как только на горизонте замаячила возможность выбраться, Ким изменилась. Милая девушка, что неделями планировала побег, в одну секунду превратилась в моего самого заклятого врага. Как по щелчку пальца.

И моргнуть не успел, а Ким уже схватилась за нож и

бросилась на меня. Дикие глаза, животные крики: Ким махала лезвием так яростно, словно сам господь бог приказал ей перерезать мне глотку. От неожиданности я опешил, и у нее получилось попасть. Ким свалила меня с ног и воткнула нож прямо в глаз. До сих пор помню ее озверевшее лицо, когда она вонзала клинок.

В тот миг хозяин окончательно завершил мою метаморфозу. Он показал, что в людях нет ничего святого. Что ради себя любимого человек пойдет абсолютно на все. Предаст, обманет, убьет... Ким могла договориться со мной. Могла предложить мне напасть на нашего надзирателя вместе! Он стоял всего в паре метров от нас совершенно безоружный. У нас действительно был шанс. Я уверен, работой мы слаженно, все бы получилось. Мы бы смогли его одолеть. Выбраться из этого подвала, вдвоем.

Живыми...

Но Хозяин знал все заранее. Пока Ким пыталась разрезать мое лицо надвое, он спокойно стоял в стороне, облокотившись на стену. Не вмешивался, ничего не говорил. Лишь молча наблюдал.

По моим щекам текла кровь. Глаза заливало красным. Я пытался отбиться от обезумевшей девушки с ножом в руках и в какой-то момент у меня получилось. Не знаю, как это произошло, но когда я вытер кровь с лица, то увидел Ким, лежащую на полу. Из ее шеи торчало блестящее лезвие. Девушка подрагивала в предсмертных конвульсиях, хри-

ня и булькая. Я думал, что мне будет жаль ее, что я буду испытывать целую бурю эмоций, но этого не было. Со-
всем...

С тех пор я напрочь забыл о том, что такое жалость.

Хозяин умело стер еще одну часть моего нутра. Ту последнюю часть, которая помнила, что такое быть человеком.

Первые секунды все молча смотрели на то, как безголовое тело Шалема падало на землю.

Кара не понимала: что происходит? Только что Сайлент был самым почетным гостем за столом Полуночников, и вот уже по щелчку пальца он сносит голову одного из близнецов Престон.

Но как? А самое главное – зачем?

Шок спал. Шахар первым забрался на стол и бросился на Грэма с яростным криком отчаяния. Каждая выделяющаяся вена на его лице вздулась еще сильнее. Губы посинели. Мужчина сшибал тарелки, бутылки вина и кружки, разбрызгивая содержимое на своих последователей, сидящих за столами. Плащ слетел с плеч, оголив бледное тело. Кожаные штаны, ботинки с металлической подошвой, сухой рельефный торс: Шахар мчался к Грэму, явно намереваясь порвать того надвое. На его глазах родной брат лишился головы, и он был в бешенстве!

До заветной цели не хватило каких-то пары сантиметров.

Сайлент выставил перед собой руки и сжал кисть в кулак: Шахар остановился, словно вкопанный. Со стороны это выглядело так, будто он внезапно уперся в невидимую стену. Мужчина пытался пошевелиться, но ничего не получалось...

Полуночники ахнули. Никто не мог понять, что случилось. Последователи Шахара все, как один, поднялись и уже собирались броситься на Сайлента, но коротким взмахом руки Грэм легко усадил их обратно по местам. Он не коснулся никого, но все они разом подчинились, словно Сайлент движениями рук управлял оркестром.

Опешивших громил буквально прибило к стульям. Никто не мог пошевелиться. В движении оставались лишь их бешеные глаза. Кара видела, что они хотят ринуться в бой, хотят этого каждой своей частичкой, но по какой-то причине Грэм Сайлент возымел над Полуночниками абсолютно безграничную власть. Все они были подчинены его невидимой силе.

– Чт... Что происходит? – сквозь зубы процедил Шахар.

Сайлент наклонился вперед и уперся лбом в лоб главы клана. Несколько секунд он просто молчал, смотря в глаза своего визави.

Кара попробовала пошевелиться: все получилось. Странно, но чары Сайлента на нее совсем не действовали. Хилл посмотрела по сторонам и увидела малыша Боба. Привязанный к столбу парень так же без особых усилий кривлялся, словно червяк на веревке, пытаясь выбраться.

Неужели все дело в крови? – подумала Хилл. Точно. По-

другому и быть не может. Полуночники приняли кровь Грэма, чтобы получить возможность убивать. Но вместе с тем они стали его рабами. Сайлент – Альфа. Его код не подчиняется никому кроме него. А следовательно, теперь каждый Полуночник, в ком есть частичка Грэма, находится в полной его власти.

– Ты так часто говоришь о величии, – сказал Сайлент, схватив Шалема за голову двумя руками и поцеловав того в лоб, словно родного сына. Секунду помолчав, он добавил: – Мания величия имеет кучу минусов и лишь один большой плюс. Знаешь какой? – Шахар не ответил, – Тех, кто ею страдает, невозможно удивить.

Грэм отошел на шаг назад и улыбнулся, смотря в изумленное, но в то же время напряженное лицо Шахара. Подмигнул борющемуся с веревками Бобу. Размял шею. Наконец, хрустнул пальцами и с размаха врезал Шахару кулаком по его трясущейся от злобы морде.

Удар получился настолько сильным, что голова Полуночника вмялась в обратную сторону. Поток крови хлынул на залитый вином стол. Грэм убрал руку назад и замаякал, наверняка пародируя звуки Брюса Ли после его резких атак. Все произошло так молниеносно, что сперва никто толком не понял, что случилось.

– Но, как я вижу, ты удивлен, – добавил Сайлент, глядя на кровавую вмятину напротив себя.

Мертвый Шахар оставался стоять все в том же положении,

подобно статуе, пока Грэм не махнул кончиками пальцев, позволив бездыханному телу рухнуть на стол. Вазы, тарелки и кружки разлетелись в разные стороны, забрызгав Полуночников алкоголем и остатками еды.

Стоя наверху, озаряемый лучами красного солнца, Грэм Сайлент глубоко выдохнул:

– Думаете, вы воины? – спросил он, глядя на окаменевших Полуночников. – Сунь-Цзы однажды сказал: одержать сто побед в ста битвах – это не вершина воинского искусства. Повергнуть врага без сражения – вот вершина. Вы проиграли в тот момент, когда приняли мою кровь. Мой код в вас. Он глубоко внутри. А значит, вы принадлежите мне. И я могу делать с вами все, что пожелаю.

Сайлент стоял на самом краю в конце столов. Перед ним сидели десятки окаменевших убийц с напряженными лицами. Кара была уверена, что какими бы безбашенными они ни были, но в данную секунду страх испытывал каждый. Сайлент буквально держал их за глотку. Их жизни находились полностью в его власти.

– Вам кажется, что ваш местный Бог – сущее зло? – сказал Грэм. – Поздравляю. Перед вами стоит его отпрыск. И поверьте, я ничуть не лучше...

Перешагнув через труп Шахара, Сайлент поднял руки в стороны. Первую пару Полуночников, сидящую напротив друг друга, скрючило пополам. Послышался хруст костей. В каждой фаланге пальцев треснули хрящи. Мужчин начало

ломать. Пока Грэм проходил мимо, их головы медленно выворачивало в обратные стороны. Кара видела ужас в их глазах. Видела невообразимую боль, которую они испытывали. Полуночники хотели кричать, но, прежде чем чары Сайлента сошли на нет, и они смогли выплеснуть свой последний крик в это красное небо, их шеи окончательно сломало.

Грэм продолжал идти по столу. Еще одно движение руками, – и кожа с лиц очередных размалеванных психов сползла, словно шкура змеи, оголив сухожилия, дёсны и торчащие зубы. Вслед за этим лопнули их глаза, а потом и головы, как это было с беднягой Шалемом.

Кара смотрела на приближающегося Сайлента, идущего к ней, по дороге выстилая тропу из трупов. Полуночников разрывало на части. Подкидывало в воздух и било о стол. Их тела превращались в мешки с костями. Конечности ломало и резало. Каждая следующая пара убийц умирала все новым и все более чудовищным способом.

Литры крови лились Грэму на ботинки: штаны, подол плаща, все было в темно-красных брызгах. Чашки, тарелки! – по мере его приближения все разлеталось вдребезги. Сайлент вышагивал, как настоящее кровавое божество, оставляя за своей спиной изувеченные тела. Последователей близнецов превращало в самые безобразные формы.

Такой адской резни Кара себе даже представить не могла. У Грэма появилась возможность использовать свое больное воображение, и он воспользовался им в полной мере. Боль-

шей жестокости себе и представить было трудно. Если раньше Кара думала, что Сайлент безумный садист, то сейчас поняла, что это еще было слабо сказано.

Каждая новая пара Полуночников мочилась под стол, когда к ним подходил Грэм, заставляя их тела лопаться или разрываться на куски. Этот мир должны были наполнить десятки отчаянных криков боли, но Грэм наглухо залепил рты своим жертвам. Кара слышала лишь звуки бьющейся посуды и треск людских костей. Ни единого выкрика или даже писка.

Под яркими лучами красного солнца Грэм Сайлент устраивал адскую резню, в которой оружием служила его фантазия. И судя по тому, что наблюдала Кара, за все те годы, проведенные в заточении, фантазировать Грэм научился.

Еще как научился!

За спиной детектива прозвучал рев. Кара обернулась и увидела разъяренного Цербера. Монстр с брюзжащей слюнями пастью мчался вперед, намереваясь откусить Сайленту голову. Сердце Кары замерло. Что будет дальше? Цербер подпрыгнул вверх, заслонив своим огромным телом солнце. Оказавшись в густой тени, закрыв глаза, Кара могла лишь молиться, чтобы монстр не снес ее лапами.

Но когда детектив вновь открыла веки, то увидела беспомощно скулящего щенка, подвешенного в воздухе. Сайлент выставил перед собой руку, и Цербер завис в невесомости. Ни рычания, ни какой-либо агрессии со стороны зверя.

Лишь тихий глухой писк хищника, который из охотника в одно мгновение превратился в жертву.

Грэм направил на грудь Цербера указательный палец и опустил. На волосатой черной шкуре чудовища появился глубокий порез. Лапы зверя затряслись от невообразимой боли. Прозвучал очередной жалостливый вой. В этот раз Сайлент решил поработать руками: подойдя к монстру, он схватился за его ребра и без каких-либо усилий развел их в стороны. Громкий хруст, – и голова чудища опала, а тело в момент потеряло стержень. В воздухе осталась висеть мертвая туша.

Грэм вынул из груди убитого зверя небольшой продолговатый предмет. Кара присмотрелась внимательнее: как только Сайлент очистил его от кусков плоти и крови, то сразу стало понятно, что это нож. Грэм махнул ладонью в сторону, и тушу Цербера откинуло прочь. Мясистое волосатое тело упало в десяти метрах от Кары, пробороздив пыльный гравий.

Сайлент держал в руках клинок и улыбался. Рукоять ножа была выполнена в стилистике змеи: зеленый цвет, аккуратные чешуйки, слегка изогнутая форма.

– Я так и думал, – сказал Грэм...

В этот раз повозкой управлял малыш Боб. Получалось так себе, но Кара вообще не представляла, как нужно обращаться с лошадыю, да и Грэм, наверное, тоже.

С тех пор как Сайлент снял Боба и других пленников со столбов, калека не переставал кланяться и говорить спасибо своему спасителю. Он был готов в лепешку перед ним разбиться. И действительно, в этот раз было за что. Грэм спас его. Если бы ни зверство Сайлента, устроенное возле отеля Скай Плаза, гореть малышу Бобу, словно факел.

Кара не могла понять, зачем Грэм спас парня и взял с собой? Хотя, возможно, все было гораздо проще, и он был нужен лишь в качестве извозчика. Ведь судя по координатам из туш Церберов путь им предстоял не близкий. Огромная удача, что кобылу Билла Полуночники забрали с базы Ра целой и невредимой, особенно, учитывая, какая там была бойня. Второй удачей было то, что она не сошла с ума от виденного и могла и дальше толкать тележку.

– Долго еще, малыш Боб? – спросил Грэм, вальяжно развалившись в телеге, отскребывая засохшую кровь с ногтей.

Они ехали уже целый день. Солнце начинало заходить за крыши домов. Крики голодных воронов все чаще звучали то там, то тут. Все это время Сайлент внимательно рассматривал клинок, вынутый из груди Цербера, и вообще вел себя довольно спокойно. Неужели массовое убийство на него так повлияло? – подумала Кара.

Детектив сидела на противоположной стороне тележки, прикрывшись плащом Шахара. Кара предполагала, что к вечеру будет холодно и учтиво прихватила наряд Полуночника с собой. Учитывая, что в платье особо не согреешься, плащ

оказался как нельзя кстати.

– Типа, к полуночи доберемся, господин! – крикнул Боб и хлестнул кобылу поводьями.

– Я тебе не господин, – пробубнил Грэм. – Господина ты скоро увидишь...

– Что это? – спросила Кара.

Укутанная в черный плащ с металлическими шипами на плечах, слушая мерзкое карканье птиц, детектив сама смахивала на ворону. Грэм опустил нож на пол и пнул его к Каре.

– Видишь, – сказал он.

– Хороший клинок, – Хилл подняла лезвие, покрутила в руках.

– Этим он убил во мне остатки человека, – Грэм по-хозяйски откинулся на борт телеги.

– Я надеюсь, отрезал тебе им яйца? – попыталась пошутить Кара.

– Смешно...

– Ладно, – детектив кинула клинок обратно, – рассказывай, что за штуковина.

– Я знал девушку, – сказал Сайлент. – Мы вдвоем были в плену. Даже планировали бежать. Вместе. Но как только ей выпал шанс спасти свою шкуру, она, не раздумывая, напала на меня.

– Твой глаз, – Хилл посмотрела на шрам, пересекающий лицо Сайлента.

– Он кинул нож. Сказал, тот кто выживет, тот выберет-

ся...

– Выжил ты, – Кара потуже укуталась в плаще.

– Да, выжил. Но, разумеется, не выбрался. По крайней мере, не тогда, – ответил Грэм.

– Как ты справился со всем этим? – спросила Хилл.

– А глядя на меня кажется, что я справился? – задал встречный вопрос Сайлент.

– Но ты здесь. Ты дышишь.

– Да, здесь. Да, дышу. Но в этой тележке точно сидит не тот человек, которым я был изначально.

– Мне жаль, что мой отец бросил расследование, – Кара смотрела в сторону: куда угодно только не на Грэма.

Сайлент ничего не ответил. Да и что он мог сказать? Вместо сказанных слов он предпочитал действовать. А его действия Кара запомнила на всю оставшуюся жизнь. Сейчас в ней боролись противоречия. С одной стороны она ненавидела Грэма всем сердцем, но с другой – начинала его понимать. Когда-то в Сайленте было хорошее. Наверняка в нем было много хорошего. Но Черные руки умело поковырялся в душе мальчика своими грязными пальцами.

– Откуда ты узнал, что внутри Церберов координаты и клинок? – спросила Кара.

– Когда он привел меня в дом, то первым делом познакомил со своими псами, – начал Грэм. – Три питбуля. Здоровенные были твари. А учитывая, что я с раннего детства боялся собак, эти кобели внушали в меня настоящий ужас.

Черные руки умел менять людей, – засмеялся Сайлент. – Он знал, что я цепенею от одного их только вида. Шло время. Я был в шоке. Спустя месяц я кое-как адаптировался и понял, что отныне жизнь моя будет выглядеть иначе. Ни тебе большой кровати с плазменным телевизором, ни вкусного завтрака по утрам, приготовленного любящей мамой. Только темнота, холод и книги, сваленные в кучу в пыльном углу.

Глядя на окровавленного Сайлента, ей сложно было представить его маленьким испуганным мальчиком. Ребенком, похищенным много лет назад.

– Видимо, он уловил момент, – продолжил Грэм, – потому что именно тогда началась перекройка. Так я называю его эксперименты надо мной. Запихнув меня в свой черный фургон, он увез нас к черту на рога, по-другому не скажешь. На десятки миль вокруг были лишь лес и горы. Настоящая глушь... Как думаешь, что случилось потом? – спросил Сайлент.

– И что же?

– Он отпустил меня. Просто взял и отпустил, – Сайлент наклонил голову: свой рассказ он продолжил, рассматривая изогнутую рукоять клиника: – Но, как я узнал позже, когда бежал по лесу, словно сумасшедший – плевать куда, главное, подальше от этого психа, убившего моих родителей, – что отпустил он не только меня. Спустя какое-то время одна из его любимых собачек побежала следом.

Одинокий испуганный мальчик в густой чаще леса, за ко-

торым мчится разъяренный пес. Кара даже не представляла, как страшно ему было. Чтобы сделала она, оказавшись на его месте? Наверняка просто замерла бы, ожидая, когда ее разорвут на части.

– Псина знатно меня покусала, – улыбнулся Грэм. – До сих помню ту черную пасть. Когда пес вцепился в мое плечо, я думал, что это конец. Сейчас он порвет меня на мелкие кусочки, и на этом моя жизнь закончится. Но, как оказалось, человек такая живучая тварь, что убить его очень сложно.

– Как ты выжил? – спросила Хилл.

– Пес нагнал меня возле реки. Я планировал идти по ней, в надежде выбраться к какому-нибудь поселению. В кино часто срабатывало. Вот я и решил попробовать.

– Ты затащил собаку в воду, – додумала Кара: если бы ей хватило сил и смелости, она поступила бы точно также.

– Ага, – Грэм уже по-обыденному постучал пальцами о борт деревянной телеги. – Все случилось быстро. Если бы у меня было время понять, что произошло, то уверен, мной бы овладел панический шок. А так, меня нагнала злющая псина, и бесцеремонно вцепилась в плечо. Поскольку я стоял всего в паре метров от реки, то в нее мы и упали. Как оказалось, плавал я гораздо лучше, чем питбуль. Да и течение сыграло свою роль. Тварь не разжимала пасть даже под водой. Нас понесло вниз по реке. Мы начали тонуть. Лишь после того, как собаку ударило о камень, она, наконец-то, отпустила мое плечо. Я зацепился за ветку. Карабкаться одной рукой, скажу

я тебе, было не просто. Но у меня получилось.

Сколько ему было в то время, подумала Кара, тринадцать, пятнадцать? Наверняка парень был в ужасе от происходящего. Еще вчера он мирно спал в своей мягкой кровати, укрывшись теплым одеялом, а уже сегодня его заставляют убивать людей и бегать по лесу, отбиваясь от разъяренных псин.

– Только на суше я понял, что в моей раненной руке что-то зажато, – сказал Грэм. – Видимо, я сорвал это с собаки пока мы барахтались с ней в воде.

– Хочешь сказать, это были координаты? – спросила Хилл.

– Да. Точно такой же маленький свиток, – Сайлент кивнул в сторону Кары: детектив перебирала в пальцах декоративную побрякушку с цифрами на пергаменте. – Я понял, что это координаты. Как ни как в школе я учился хорошо. Но что мне было толку от этих координат, сидя в лесу и истекая кровью, верно?

Видимо, в этот момент появился второй пес, ужаснулась Кара. Да, нет ничего страшнее, чем когда ты выбираешься из ада и думаешь, что все кончено, но внезапно тебя кидает на следующий его круг.

– В лесу слышался лай, – Сайлент тихо засмеялся. – Все громче и громче. Я сидел совершенно обессиленный, слушая, как в мою сторону несется очередная псина. И если в первый раз все случилось довольно быстро – у меня попросту не было времени испугаться: я боролся за свою жизнь, –

то сейчас все обстояло иначе. Прятаться за деревом в лесу, истекая при этом кровью, тот еще кайф, скажу я тебе. Собака лаяла все громче. Я уже начинал слышать ее шаги. Вскоре я ее увидел, – Сайлент провел рукой по лицу и продолжил: – Здоровенная слюнявая пасть мчалась на встречу, явно намереваясь откусить мою голову. Я попятился назад. Пес был уже совсем близко. Еще секунду и его клыки порвали бы мне горло. Но, видимо, бог есть. Ведь в самый неподходящий, как я тогда думал, момент я запнулся и упал. По инерции собака перелетела через меня и воткнулась в обломанную ветку, торчащую из ствола дерева. Так мою жизнь спасла чертова случайность, – Грэм отклонился от борта телеги и немного потянулся, разминая затекшее тело. – На ошейнике пса я заметил устройство GPS. Введя в него координаты, я с трудом выбрался из чащи леса. Как ты думаешь, кто меня там ждал, радостно хлопая в ладоши?

Глава 18

Грэм... 15 лет назад.

Разорванная футболка кое-как стягивала рану на плече. Ботинки по самые шнурки были вымазаны в глине. Растрепанные грязные волосы торчали в разные стороны. На лице – одна лишь боль, но Грэм, наконец-то, выбрался из чащи леса. Он смог! Справился. Вопреки всему он не замерз, не умер от потери крови, не заблудился и не сгинул. Мальчик нашел в себе силы разобраться с устройством GPS, ввести в него координаты и найти дорогу к выходу.

– Поздравляю, – Черные руки хлопал в ладоши, стоя рядом со своим фургоном.

Грэм хотел радоваться лучам солнца, которые долгие часы скрывались от него под высокими сводами деревьев, хотел начать дышать полной грудью, хотел кричать от радости, ведь он выбрался! – но вместо этого он в отчаянии упал на колени, понимая, что все было зря...

Этот лес – лишь очередное испытание, которых, скорее всего, будет еще очень много.

Тот человек возле фургона выкрал Грэма не для того, чтобы убить. Нет... В его планах таится нечто другое. Нечто темное. Грэм догадывался, что начнется дальше, но не хотел об этом даже думать. Перед мальчиком стоял настоящий дьявол. И, видимо, этому дьяволу требовался приемник.

– Зачем? – со слезами на лице, сидя на коленях в грязи, спросил Грэм. – Почему именно я?

Черные руки почесал отросшую бороду – она появилась недавно: когда он убивал родителей Грэма, то был выбрит наголо, – и подошел к парню. Сев рядом, испачкав колени в вязкой глине, он сказал:

– Песня, которую поет мать у колыбели, сопровождает человека всю его жизнь, до гроба. Я стану твоей песней, мальчик мой. И уверяю, когда ты вырастешь, весь мир услышит ее ноты.

– Ох, ни хрена ж себе! – прокричал Боб.

Кара открыла глаза: плащ Шахара согревал и на какое-то время детективу удалось задремать. Видимо, Грэм тоже немного прикорнул, поскольку, когда Кара очнулась, то увидела Сайлента, протирающего заспанное лицо.

Впереди телеги виднелась церковь, построенная в неоготическом стиле. Высокое здание, чьи своды царапали темно-серые облака, стояло посреди пустого поля. Узкие вытянутые арки смахивали на костлявые пальцы, что вырастали из земли, дабы не дать конструкции упасть. Мрачные Горгульи скребли бетонными когтями покатые карнизы крыш. Треснувшие стекла в окнах дышали холодом. Если изначально это место должно было стать пристанищем господина, то сейчас оно, скорее, напоминало логово самого сатаны.

Несмотря на всю фактурность церкви больше всего удив-

ляло яркое свечение. Луч бил прямо из центра самой высокой колокольни далеко наверху, уходя в бескрайнее черное небо.

Что это за свет? Неужели это и есть ядро? – подумала Кара.

Телега остановилась. Кобыла встала на месте, отказываясь идти вперед. До церкви оставалось еще метров двести, но Боб повернулся к Каре и Сайленту и просто развел руками:

– Не идет, – сказал он. – Боится старушка. Вон, аж вся дрожит.

Кара спрыгнула с телеги: на ногах детектива красовались сапоги одного из убитых Полуночников. Пускай они и были больше, чем нужно на несколько размеров, но это все же лучше, чем бегать в туфлях с высокими каблуками.

Подойдя к лошади, Кара погладила ее по загривку:

– Тише, девочка моя, – кобыла действительно дрожала, – все хорошо. Дальше идти не нужно. Ты и так отлично поработала. Отпусти ее, – приказала она Бобу.

– Что? – возмутился парень. – Зачем? Вдруг нам, типа, понадобится сваливать. Бегом побежим что-ли?

– Никто не побежит, – Грэм слез с телеги, оставив пыльный след под подошвой ботинок. – Это билет в один конец, Боб.

Калека аж духом воспрял: Сайлент впервые обратился к нему, не используя уменьшительно-ласкательные имена или прозвища. Покорно кивнув, он принялся проверять ремни

на своем протезе. С тех пор как у него появилась новая нога, делал он это с завидной регулярностью.

Грэм снял плащ и, аккуратно его свернув, положил на телегу. Худощавое, но в то же время подтянутое тело скрывали черная водолазка с высоким воротом, штаны и ботинки. Клинок с рукоятью в виде змеи он засунул за пояс. Отросшие волосы собрал в пучок на затылке, оголив острые, как бритва, скулы и подбородок. Со стороны он смахивал на хипстера, который решил примерить на себя роль командос.

Кара же прощаться с теплым плащом Шахара не торопилась. Она прекрасно знала, что в той жуткой церкви, скорее всего, ждет ее конец. Да, Сайлент – Альфа и, возможно, ничто в этом мире не сможет его убить, но она-то обычный человек. И вряд ли местный Бог будет к ней милосердным, когда начнется заварушка. Не хватало только продрогнуть перед смертью.

Нет уж, плащ пока побудет при ней.

– Какой план, Господин? – смотря на крышу церкви, Боб разминал ноги.

– Никакой, – ответил Грэм. – Вы останетесь здесь.

– Ну уж нет! – взбунтовалась Кара. – Ты туда один не пойдешь!

– Мне очень приятно, что ты так печешься обо мне, Пуговка, но лучше вам с малышом Бобом остаться здесь...

– Да плевать мне, что с тобой случится, – рявкнула Хилл. – Там Дженнифер! Там ядро! Если и есть выход из

этой чертовой дыры, то он явно находится именно там!

Боб выслушал обе стороны, помялся немного и тоже высказался:

– Господин, вы спасли мне жизнь. Я вас похитил, связал, продал в рабство... Ну, типа, повел себя как последний кусок дерьма. Но несмотря на все это, вы перебили целый клан Полуночников и сняли меня с того злосчастного столба. Я благодарен вам. Всегда буду благодарен. И если моя жизнь должна закончиться там, – калека кивнул в сторону церкви, – то, типа, так тому и быть. В конце концов, весь этот ад устроил он. И если вы хотите поквитаться с ним за какие-то ваши прошлые личные терки, то я только за, чтобы навалить ему по заднице. Поверьте, мне уже терять нечего. Из-за дьявольских правил половина людей в этом мире сошла с ума. Моего друга сожгли на костре. Чуть было не сожгли меня. Кем я буду, если не попытаюсь все это остановить?

Кара была поражена столь откровенной самоотверженностью парня. Тот мерзкий тип с грязными волосами, что лапал ее за грудь, улыбаясь своими желтыми поломанными зубами, начинал нравиться ей все больше и больше. Несмотря ни на что, он готов дать бой. Пускай и сражаться придется с противником, для которого ты не страшнее чем таракан на плитке общественного туалета.

– Дайте мне своей крови, – сказал Боб. – Я понимаю, что шансы, типа, крайне малы, но, возможно, у меня появится момент для нанесения удара. Хочу бить наверняка. Обещаю,

если будет такая возможность, я его убью. Ради Билла. Обещаю, что убью...

Сказав это, Боб освободил лошадь и прогнал ее прочь. Кобыла пару раз фыркнула, посмотрела на Кару и умчалась в темноту, оставив за собой след из пыли.

В пустом поле, где с одной стороны виднелись крыши недостроенных домов, чьи карнизы давно облюбовали хищные птицы, а с другой – церковь, на которую без трепета в сердце и взглянуть нельзя, стояли трое людей, и как Кара думала: каждый из них понимал, что, скорее всего, живыми им отсюда не выбраться. Приятно было услышать храбрую речь юнца с протезом вместо ноги. Да, в реальном бою от него вряд ли будет польза, но боевой дух Боб приподнять смог. Этого не отнять. По крайней мере, на Кару это сработало.

Грэм достал нож и сделал небольшой надрез у себя на ладони:

– Пей, мой маленький вампиреныш, – шутя, сказал Сайлент.

Малыш Бобби присосался к руке, словно младенец к соске. Вылизал все до капли. Остатки крови Грэма на своем лице он стер пальцами, после чего и их облизнул.

– Хороший мальчик, – Сайлент давно этого не делал, но тут вдруг вспомнил и похлопал парня по плечу. – А теперь, спи, – Грэм внезапно коснулся Боба рукой в лоб, и калека тут же свалился на землю, мгновенно погрузившись в глубокий сон.

В этот момент Кара подумала, что, возможно, Грэм Сайлент не безнадежен. Возможно, с его душой еще не все потеряно. Возможно, Сара Пэйн была не права, сказав о том, что для него не существует ничего и никого кроме него самого...

В черном плаще Полуночника Кара напоминала Джона Сноу из сериала «Игра престолов». И что-то подсказывало: вскоре ей, как и ее любимому герою шоу, придется узнать, что же там на той стороне, когда ты умираешь. Но вот если красавчик Джон смог вернуться, то в своем возвращении Кара сильно сомневалась.

Когда Хилл шла к воротам церкви, смотря на уверенного в себе Сайлента, становилось немного спокойнее. Грэм зарекомендовал себя расчетливым и хладнокровным убийцей. В сложившихся обстоятельствах именно такой человек и был нужен. Вряд ли сейчас им помог бы доблестный рыцарь. Кара и Грэм шли на войну с настоящим злом. Злом всесильным и безжалостным. А чтобы победить такое зло, нужно быть чем-то, что еще хуже.

Кара открыла ворота: протяжный скрип ржавых петель возник и тут же утонул в неестественной тишине. Действительно, Кара прислушалась, но до нее не доносилось ни единого звука. После долгих часов мерзкого карканья воронов не слышать совершенно ничего было чем-то очень странным.

Детектив и убийца ступили на священную землю. В сты-

ках каменной брусчатки виднелись тонкие струйки темной крови. Казалось, кровь была жива: плескалась под ногами. Кару пробрал ледяной пот. Несмотря на теплый плащ Шахара ей все равно стало холодно. Идти по ожившей крови Каре совсем не нравилось.

Сухие деревья раскинули кривые ветки, на которых повисли сгнившие яблоки. Сырая земля под ними была сплошь усеяна испорченными плодами. Каменная дорожка, ведущая к входу в церковь, выглядела настолько узкой, что путь Кары и Грэма до дверей больше смахивал на прогулку по канату, натянутому между двух небоскребов. И что-то подсказывало: если они сделают шаг вправо или влево, то их будет ждать падение ничуть не лучше.

Пока Грэм уверенно шел вперед, Кара подняла голову, напоследок посмотреть на черное небо. На удивление в этот раз на нем виднелись звезды. Миллионы мелких огоньков мерцали в пучине темного полотна.

Плотные тучи рассеялись и собранные на макушке волосы Сайлента озарил свет полной луны. Ночное светило выглядело таким огромным, что было сложно оторвать взгляд. Никогда в жизни Кара не видела ничего подобного. На светящемся шаре, казалось, можно было разглядеть каждый его кратер.

– Ты это видишь? – спросила Кара.

Грэм даже голову не поднял: дойдя до высоких дверей церкви, он схватился за ручки двумя руками и сказал:

– Плевать. Все равно все это ненастоящее, – с этими словами Сайлент открыл двери и зашел внутрь.

Глава 19

Внутри церковь выглядела так же мрачно, как и снаружи: эксцентрично и гипертрофированно. Стрельчатые арочные окна поднимались далеко вверх. Цветные витражи поражали своими задумками. Купольный потолок с деревянными балками находился так высоко, что его было сложно разглядеть. Просторное помещение буквально дышало свободой. Кованые лестницы, монументальные каминь, мраморный пол: Грэм видел восторг Кары в ее глазах. Детектив смотрела на все с удивлением, пытаясь не упустить ни единой мелочи.

Самого же Грэма все это совершенно не заботило. В той куче книг, сваленной в углу его подвала, валялась много буклетов с изображениями разных церквей подобного типа. Как знать, возможно, Черные руки раньше любил путешествовать по миру и захаживать в такие заведения. Ведь сколько Грэм себя помнил, его хозяин никогда надолго не отлучался.

С самых первых дней он ясно дал понять: отныне Грэм его сын. Он воспитает из него достойного преемника. Да, Черные руки убил его родителей прямо у мальчика на глазах, но это было лишь первым аккордом. Вступительная нота мелодии длиною в жизнь.

Грэм ненавидел его. Ненавидел всем сердцем. Но когда ты одинок, когда рядом с тобой годами нет никого, кроме твоего надзирателя, учителя, карателя и благодетеля в одном

лице! – начинаешь если не привязываться к нему, то хотя бы привыкать. Да, Грэм ненавидел его, но каждому человеку нужен кто-то, кто может тебя выслушать. В одной книге ирландского драматурга Джорджа Бернарда Шоу Грэм прочитал: «Уметь выносить одиночество и получать от него удовольствие – великий дар».

В тот момент мальчик не понял этих слов. Он привык быть на виду. Звать маму если он не мог сделать домашнее задание. Кидать бейсбольный мяч с отцом на заднем дворе. Созваниваться с друзьями и обсуждать школьные казусы. Жизнь Грэма была окружена людьми с самого раннего детства, но Черные руки взял и лишил его всего этого. А после – стал умело пользоваться ситуацией. Ведь даже несмотря на всю ненависть к этому человеку, каждый раз, когда он спускался к Грэму в подвал... это было сродни глотка свежего воздуха.

Хозяин брал стул, разворачивал его спинкой вперед и садился на него, сложив руки. Как любящий отец он спрашивал Грэма о прочитанных книгах. Они вместе обсуждали «Коллекционера» Джона Фаулза: так ли ужасен Фредерик КлеGG, который похитил и запер бедную Миранду Грэй. Спорили о произведениях Александра Дюма и его многострадальном Эдмонде Дантесе. Вместе изучали Мусульманство, Христианство и даже Вуду, находя много схожего: жрецы создали общественную религию Гаити – Вуду, объединив африканскую религию и католицизм.

Грэм много читал. Много читал того, что, не попади он в плен к этому психу, не прочитал бы ни за что в жизни. Но шли недели, месяцы, года... В какой-то момент сознание начало меняться. На определенном этапе взросления Грэм заметил, что перестал скучать. По родителям, друзьям, школе: да что там говорить, он перестал скучать по солнечному свету.

Несколько раз в месяц его целенаправленно заставляли лишать других людей жизни, тем самым постепенно заливая свою душу черной краской. Неудивительно, что в конце концов он и сам ушел во тьму. Мальчик, который всегда тянулся к чему-то светлому, начал привыкать к холоду и мраку. Они стали его самыми близкими друзьями. Верными спутниками, которые никогда не бросят и не предадут.

После убийства Ким метаморфоза действительно завершилась. Если до этого, где-то глубоко внутри, все еще теплился маленький огонек надежды, что все еще можно изменить – стать прежним, вернуться на путь к свету, – то, после того как азиатка воткнула лезвие Грэму в глаз, решив спасти свою задницу, стало ясно: назад пути уже нет...

Сайлент шел по церкви, рассматривая величественные фрески ангелов на стенах. Но думал он о том, что ни один из этих крылатых созданий не спустился на землю, чтобы спасти его. Бога нет. В этом Грэм был полностью уверен. Но существует Дьявол. И вот он-то как раз очень даже реален. Нет, это не черт с рогами, который хочет затащить тебя в

ад и жарить на раскаленных углях. Дьявол – змей, постепенно вырастающий внутри. Тот червь, что будет годами отравлять твое сердце, пока оно окончательно не превратится в испорченный плод. Тот самый, что они с Карой видели перед церковью. Как знать, возможно, на той сырой земле лежали сердца всех людей, что не смогли дать бой своим внутренним демонам и в итоге сами же ими и стали.

– Что с тобой? – спросила Кара: ее голос в стенах церкви прозвучал по-особенному магически. – Выглядишь на редкость задумчивым.

Кара Хилл...

Сперва Грэм собирался повесить ее на глазах у родного отца. Пускай Гидеон знает, что это его вина. Ведь если бы он довел свое расследование до конца – плевать, как и плевать, сколько бы на это потребовалось времени, – то его любимая дочка не висела бы перед ним на петле, болтаясь в паре сантиметров над лужей собственной мочи.

Грэм спасся. Да... В итоге он смог выбраться из клетки, и первым делом начал изучать подноготную Черных рук. Об этом маньяке было столько написано и снято, столько самой разной информации, от теории заговоров, до каких-то мистических предсказаний о том, что о его приходе говорили еще столетия назад. Каждый третьесортный писатель или журналист хотел разжиться на имени серийного убийцы. Но самое печальное было то, что во всей этой пучине букв и кадров все совсем забыли о мальчишке, которого похитил ма-

ньяк. Мир забыл о ребенке по имени Грэм Мур. Он так и остался висеть в коротких сводках, пропавших без вести. Родители мертвы. Родственников нет. Некому поднимать шумиху в прессе и на телевидении.

Грэм Мур канул в небытие...

Черные руки забрал маленького Грэма из этого мира и запер его в своем, а Гидеон Хилл своими слабостью и бездействием позволил ему там остаться. Навсегда... Если бы не те люди, что совершенно внезапно напали на логово маньяка – вследствие чего Грэм воспользовался ситуацией и убил своего хозяина: так ему сказали, – то, кто его знает, сколько бы он и дальше волочил свое существование в темных стенах подвала, пока окончательно не превратился в чудовище.

Черные руки умер. Грэм лично разорвал его лицо мотком колючей проволоки. Как символично, подумал он тогда, смотря на истерзанный труп. Да, мерзавец, посадивший его на цепь, сдох, но рана внутри никак не зарастала: кровь по-прежнему сочилась, оставляя черные следы на сердце. Был наказан лишь один виновник, но где-то был и второй. Тот, который бросил его!

Теперь у Грэма появились деньги. Появилась новая личность. Теперь у него появилась возможность закончить свой круг боли и навсегда выйти за его пределы. Оставалось лишь убить детектива Гидеона Хилла. Ублюдка, однажды давшего слабину.

Когда Грэм узнал о болезни старика, у него земля ушла

из-под ног. Неужели кто-то свыше решил покарать Хилла раньше Грэма? Нет, так дело не пойдет. Нельзя, чтобы Гидеон умер от какого-то рака. Он должен был страдать. И если физические страдания ему и так причиняла болезнь, то вот страдания душевные ему собирался обеспечить Грэм Сайлент. Лично! Человек, который решил превзойти всех по своей жестокости, изобретательности и напору. Он не остановится. Никогда и ни за что. Он заставит любимую дочь Гидеона рвать на голове волосы, ведь по счастливой случайности она тоже пошла работать в полицию.

Жертвы, фото, записки: Грэм разошелся не на шутку. Каждый день он наблюдал за тем, как медленно угасает Гидеон Хилл, смотря на беспомощность своей дочери. Смотря на то, как Кара все больше и больше спивается, не в силах выдержать стресс. Сайлент устроил с Карой игру в кошки-мышки, но целью всегда был ее отец.

Грэм хорошо помнил тот момент, когда Гидеон открыл конверт и на него посыпались фотографии жертв. В тот миг стало действительно страшно: вдруг старик отдаст концы раньше времени. Благо дочь вернулась вовремя и вызвала скорую помощь.

Отставному детективу оставалось немного. Еще пару месяцев и Сайлент точно бы доконал его и его дочурку. Но, как и в случае с Тедом Банди, Грэма подвела машина: чертова железяка просто не завелась. Так он попал на скамью подсудимых, а после – и в камеру смертников.

Плевать. Он свое дело сделал. Старик Хилл должен был помереть со дня на день, а его отпрыск до конца дней будет искать утешения в бутылке алкоголя, пока, наконец, не вышибет себе мозги, как это принято у ее коллег на закате карьеры.

Теперь Сайлент был полностью свободен. Можно было расслабиться и весело донимать надзирателя Дага Перси: посмотреть на его испуганное лицо, когда он решил, что Грэм заразил его СПИДом... такое шоу никогда не надоест. А что касалось смертной казни – Грэм умер много лет назад. В камере сидела лишь его оболочка.

Приход доктора Пэйн, конечно, привнес свои краски в жизнь Грэма. Задыхаясь газом, Сайлент никак не ожидал открыть глаза на металлическом столе в морге. А известие о том, что человек, лишивший его всего, по-прежнему живой стало некой перезагрузкой. Появилась новая цель. И пока эта цель не будет достигнута, Грэм Сайлент сделает все возможное, убьет любого, кто встанет у него на пути: если для этого потребуются перебить все население «НЕБА», то он сделает и это. Сделает, не моргнув и глазом. В этот раз он доберется до него. В этот раз Черные руки сдохнет по-настоящему.

– Спасибо, – сказала Кара.

Грэм остановился. Голос детектива вывел его из воспоминаний. Смотря на Кару, укутанную в плащ, Сайлент пытался понять, что же он чувствует. Ведь он точно что-то ощущал, но пока не осознавал, что именно. Проведя с этой женщиной

не один день, он начинал видеть в ней... человека?

– Спасибо за что? – спросил Грэм.

– За то, что спас Боба и остальных.

– Ты же знаешь, что он был нужен только как извозчик.

Ни ты, ни я не умеем ладить с лошадьми. Не хватало, чтобы эта кобыла откусила твои милые пальчики.

Сказав это, Грэм заметил, как Кара спрятала руки поглубже в рукава плаща.

– Да, – ответила Хилл, – но ты не взял его с собой сюда.

Действительно. В тот момент что-то щелкнуло. Грэм не понимал, почему он так поступил. Малыш Бобби был мерзким зазранцем с кривыми поломанными зубами, неказистой рожей и тупым сленгом. Вряд ли такой тип вообще кому-то мог нравиться, но что-то в нем привлекло Грэма. Возможно, именно поэтому он не стал рисковать его жизнью и оставил парня подремать в телеге возле ворот церкви.

– Роберт Патрик Оуэн слишком разговорчив, – сказал Сайлент. – Не хотел, чтобы он утомлял меня своей болтовней.

– Но ты взял меня?

– Да, взял. И если ты будешь постоянно отвлекать меня от поисков Дженнифер, то я начну жалеть об этом решении.

– Думаешь, она здесь? – спросила Кара, осматриваясь по сторонам.

– Больше ей быть негде...

Позади Грэма и Кары прозвучал протяжный скрип метал-

ла. Оба обернулись и увидели девочку, которую так долго искали...

Бегающие туда-сюда глаза Дженнифер источали страх. Сидя в инвалидном кресле, девочка тряслась. Холодный лунный свет проникал в окно церкви, падая на одну половину ее лица, в то время как вторая пряталась в голубой тени. Наверняка Дженнифер хотела кричать от ужаса, но ее рот был крепко закрыт черной рукой мужчины, что стоял за ее спиной. Аккуратно расчесанные светлые волосы ложились Дженнифер на плечи. Белая сорочка в пол придавала ее образу еще больше целомудрия. Мокрые от слез глаза обнажали по-настоящему чистую душу.

Ржавые колеса инвалидного кресла, на котором сидела девочка, заскрипели. Мерзкий звук разлетелся по холодным коридорам церкви. Сара Пэйн создавала этот мир, чтобы ее дочь могла ходить, но, попав сюда, для Дженнифер ничего не изменилось. Естественно! – садист, стоящий за ее спиной, не позволил бы этому случиться. Это было бы слишком просто...

Одной рукой он сжимал рот девочки, второй – плечо. С пальцев капала вязкая жидкость: по подбородку и сорочке Дженнифер текли черные струйки, похожие на оживших червей. Дочь Сары Пэйн выглядела настоящим ангелом в стенах давным-давно проклятой церкви. Тем сильнее был виден контраст с мужчиной за ее спиной: Черные руки при-

мерил на себя роль дьявола в этой живописной картине, и она ему очень шла. Настоящее зло во плоти.

Грэм смотрел на человека, который забрал его жизнь. Забрал его детство и юность. Забрал его светлую душу. Черные руки всегда был холоден и сдержан. Ни разу Грэм не видел проявления агрессии или чего-либо еще в исполнении этого мужчины. Настоящий айсберг. Ледяная глыба, что показывает на поверхности лишь малую свою часть: главное остается скрыто от посторонних глаз. Всегда.

Черные волосы, зализанные назад, открывали высокий статный лоб. Аккуратные тонкие губы, бледная кожа – лицо было обмотано колючей проволокой на несколько оборотов: острые шипы пронзали плоть, – борода с сединой. За годы, проведенные вместе, Грэм замечал, что Черные руки любил отпускать бороду, но ввиду своей деятельности ему приходилось часто бриться. За все то время, что он охотился и убивал, полиция ни разу не смогла получить хотя бы один его волосок. Хотя бы что-то... Убийца не оставлял следов. Никогда. Лишь свои черные отпечатки на телах жертв.

Кара Хилл стояла в оцепенении. Смотря на истерзанное лицо местного Бога, с которого текла темная почти черная кровь, наверняка ее охватывал страх. Грэм не мог ее в этом винить. Любой бы испугался. Сайлент всегда думал: оказавшись он лицом к лицу с этим человеком, он сможет сохранить хладнокровие и рациональное мышление. Но сейчас, стоя здесь, смотря в его холодные бесцветные глаза, он уже

не был в себе так уверен. Все чего он хотел – это броситься на него, по пути сшибая деревянные лавочки, стоящие в ряд, и задушить ублюдка, забравшего годы и годы его жизни...

– Ты здесь, сын мой, – спокойно сказал мужчина.

Он убрал руки и отошел от Дженнифер: девчонка не закричала. На том месте, где должен был быть рот, не было ничего. Пустота. Просто продолжение лица, испачканное чернотой от пальцев. Если на Грэма это не особо произвело впечатления, то Кара Хилл невольно прикрыла свой рот рукой. Детектив умело считывала эмоции Дженнифер, но от этого становилось только хуже. Перед Карой стояла сама тьма. Тьма, которая держала в своих объятиях последний кусочек света в виде испуганного ребенка. Тьма, которая могла поглотить этот свет в любую секунду.

Грэм достал нож из-за пояса и спокойно пошел вперед, навстречу к своему создателю. Друг от друга их отделяло метров пятнадцать: немного, но время на то, чтобы перекинуться парой ласковых перед финальной схваткой точно должно хватить.

– Знаешь, – сказал Сайлент. – У меня есть один вопрос...

– И какой же?

Этот знакомый голос. Тот единственный голос, который Грэм слышал на протяжении долгих лет.

Черные руки шагнули назад: коляска Дженнифер закричала. Девочка хотела пошевелиться, но как только она собралась схватиться за колеса, человек за ее спиной сделал

короткое движение пальцами и Дженнифер замерла, словно кукла. Из глаз подростка потекли слезы. В них читалась мольба. Отчаяние... Грэм знал этот взгляд. Взгляд людей, которые молят тебя о пощаде. Слишком часто Сайлент был на месте того, кто держал жизнь жертвы на кончике лезвия.

– Зачем ты устраивал этот цирк с черными руками? – спросил Грэм. – Ты же обычный садист. Урод, которому нравится смотреть на страдания других. Не проще ли было быть честным к себе и окружающим и не мудрить все эти представления?

Грэм шел медленно, не торопясь, внимательно всматриваясь в лицо мужчины напротив. Он хотел разглядеть каждый металлический шип, воткнутый в его кожу. Каждую морщину. Каждую пылинку на его темной мантии. Черные руки смахивал на монаха, который провел в пещере не один десяток лет, в поисках просветления, и в итоге нашел дорогу назад. Но Грэм догадывался, что это не так. Этот человек не медитировал дни напролет, в надежде обрести равновесие внутри себя. Он знал, кто он. Всегда знал. Он хищник, а все остальные – добыча.

Его слова...

– Это довольно тривиальная история, мой мальчик, – сказал он.

– А я никуда не тороплюсь, рассказывай, – Грэм перекидывал клинок с руки на руку, по-прежнему спокойно идя вперед.

– Мой отец работал механиком, – начал Черные руки, стоя за спиной трясущейся Дженнифер. – Любил машины и выпить. Даже не знаю, что он любил больше. Но одно могу сказать точно, что не меня с мамой. Он был из разряда: Папа, ты обещал нас отвезти на озеро. Я много чего обещал, поэтому я – хороший отец...

Грэм рассмеялся в голос. В стенах церкви его смех звучал мрачно и гулко. Повернув голову назад, он увидел, Кару: детектив осматривала каждый уголок, наверняка в надежде найти проход к тому источнику света, что они видели. Хилл думала, что это и есть ядро. И что-то подсказывало: она не далека от истины.

– Проблемы отцов и детей, – сказал Сайлент. – Неужели все так банально? Ты съехал с катушек, потому что твой папочка не уделял тебе должного внимания? Пф...

– Моя мать имела проблемы с сердцем. На этой почве набрала вес. Возможно, именно поэтому отец к ней остыл, – пропустив издевки Грэма мимо ушей, продолжил Черные руки. – Она нашла другого мужчину. Я не знаю, было или это серьезно, или так – на одну ночь, чтобы вспомнить, что такое быть в объятиях другого человека.

– Дай угадаю, – Сайлент остановился на секунду, – папаша все узнал и прикончил твою шлюху-мать? Наверняка застал ее с болтом во рту, слетел с катушек и забил обоих до смерти?

Грэм намерено пытался вывести противника на эмоции и

судя по тому, что кровь из ран на лице Черных рук начала течь сильнее, ему это удавалось. Сайлент знал, что перед ним матерый убийца, с которым не стоит вступать в лобовой бой. Нужно его раздергать. Заставить нервничать. Возможно, так он станет допускать ошибки и шансы на победу вырастут.

– Или же ты, будучи мелким пацаном, увидел измену матери и то, что твой отец ни хрена не смог сделать, разочаровался в институте брака и решил разрушать семьи, заставляя их проходить через настоящий ад перед смертью? Так было, да?! – крикнул Грэм.

Закрыв глаза, Черные руки так сильно сжал кулаки, что до Сайлента донесся звук хруста. Значит, работает. Грэм продолжил идти вперед с дурацкой улыбкой на лице. Пальцы играли с рукоятью ножа: лезвие выписывало разнообразные зигзаги, поблескивая бликами лунного света из окна. Как же Сайлент хотел вогнать этот клинок ему в горло по самую рукоять.

– Мой отец пришел домой из гаража, – менее сдержанно сказал мужчина, – и запер меня с мамой в комнате.

– Мамой, – протянул Грэм. – Не думал, что твоя пасть может произносить такие нежные слова. Мама... Надо же. Сколько эмоций в одном слове. Наверняка ты ее очень любил. Мамашу-шлюху...

Черные руки расшвырнул: пнул в коляску Дженнифер и девочка покатила вперед, набирая скорость. Когда она со скрипом проезжала мимо Сайлента, он подмигнул ей, учти-

во отойдя в сторону. Перед тем как старое инвалидное кресло врезалась в деревянную лавку, детектив Хилл перехватил Дженнифер. Сняв с себя здоровенный плащ, Кара укутала подростка, стирая с ее лица слезы.

План сработал. Заложник в относительной безопасности, подумал Грэм. Хотя по большому счету ему было плевать на девочку. У нее все равно нет рта. Она не расскажет то, что он хотел узнать.

– Мой отец задушил мать у меня на глазах, – проскрежеotal Черные руки. – А когда пришел в себя и понял, что натворил, то умер от сердечного приступа... Я три дня сидел в запертой комнате. Боялся вытащить ключ из кармана отца. Смотрел на черные следы от его пальцев у матери на шее: ведь придя с работы, он даже руки не удосужился помыть.

– Вот оно что, – сказал Сайлент.

Грэм сотни раз думал о том, почему именно так? Зачем он каждый раз марал руки в саже и душил своих жертв? Именно душил... Сайлент испробовал кучу методов убийств, и удушение никогда не занимало верхнюю их строчку. Кто бы что ни говорил, если собираешься задушить человека, то для этого нужно приложить очень много усилий и делается это ни одну и даже ни две минуты. А сидеть над бездыханным телом, держа отекающие пальцы у него на горле – то еще занятие, делал выводы Грэм.

– Теперь многое встало на свои места, – добавил Сайлент. – Это, конечно, не так захватывающе, как о тебе пи-

сали газетчики. Ни тебе демонов, вылезших из темных глубин преисподней, чтобы твоими руками карать людей. Ни прочей чепухи третьесортных писателей. Оказывается, все очень просто, папочка. Ты лишь еще один описавшийся мальчик, который стал свидетелем домашнего насилия.

– Перед тем как умереть, моя мама смотрела по телевизору фильм «Амаркорд» Федерико Феллини, – сказал Черные руки.

– Амаркорд, – повторил Сайлент. – Если дословно, то это любовная нить. Некий шнур, связывающий взрослого человека с детскими воспоминаниями... На одном из итальянских диалектов это означает: «Я помню».

– Именно, – ответил мужчина. – Мы часто смотрели с тобой этот фильм, помнишь? Когда я спускался к тебе в подвал с кассетой в руках, твои глаза загорались.

Сайлента обуял гнев. Ему захотелось прыгнуть на своего бывшего хозяина и придушить собственными руками, пускай он и предпочитал больше нож. Но для этого мерзавца Грэм с удовольствием бы сделал исключение. Он бы медленно отнимал его жизнь, смотря в глаза, пока его силы не иссякли бы совсем. Он убил бы его точно так же, как и свою первую добычу: эмоционально, запоминая каждую секунду. После этого можно было бы смело ставить жирную точку.

Но что-то подсказывало: местный Бог так просто не сдастся.

– Почему ты решил открыться мне только сейчас? – спро-

сил Грэм. – Я просидел в твоём проклятом подвале многие годы, но ты никогда не говорил про себя. Что бы я ни спрашивал, ответом всегда служило молчание. Что изменилось сейчас?

– Все очень просто, мальчик мой, – ответил мужчина. – Сейчас ты готов. Сейчас ты именно тот, кем я хотел видеть тебя всегда. Думаю, тебя позабавили мои ребусы с Церберами, раз ты сумел найти сюда дорогу и задать мне свои вопросы.

– Церберы, – усмехнулся Сайлент. – Карта к ядру всегда была у них под носом. Главам кланов нужно было лишь объединиться и убить монстров. Так бы они нашли выход из этого ада.

– Как ты заметил, большинство местной публики решило принять правила игры. В условиях апокалипсиса в человеке всегда побеждает худшее. Из дня в день они пожирали друг друга по кусочку. Общество, которое само себя и поглотит. Можно сказать, мой эксперимент удался...

– Эксперимент? – спросил Грэм.

– Человечество не заслуживает рая. Это утопия... Гораздо отчетливее виден лик индивида, когда он плещется в аду! Мы не монстры, сынок, – сказал Черные руки, – мы те, кто не стал носить маски, вот и все...

Сайлент наклонил голову, хрустнув шеей:

– Ты же знаешь, что будет дальше? – Грэм встал напротив, как следует зажав рукоять клинка.

– Знаю, – ответил Черные руки.

– Я хотел это спросить у нее, – Сайлент кивнул в сторону Дженнифер, – но, как я вижу, дочка доктора сегодня не очень-то и разговорчива.

Мужчина рассмеялся:

– Что ты хочешь узнать, сынок?

При слове «сынок» Сайлента покорежило, но он постарался не подавать вида. Скоро все закончится. Либо он, либо его. Создание против создателя. Грэм успокойся. Выдохнул. Ничто так не успокаивает дух, как обретение твердой цели – точки, на которую устремляется внутренний взор. И эта цель сейчас стояла напротив. Оставалось узнать лишь одно...

– Как твое имя, сволочь?

Кара увидела, как Черные руки прошептал что-то Грэму на ухо. Затем он сделал шаг назад, снял с лица колючую проволоку и обмотал ею кулак. Стоя на мраморном полу, в окружении картин ангелов и святых, озаренный лучами лунного света, он смотрел на Сайлента с ненавистью. Видимо, отцовская любовь окончательно пропала: конечно, если она была изначально...

В своей длинной мантии, черными руками, с которых капала то ли грязь, то ли краска, с лицом, испещренным кровавыми ранами от проволоки, он выглядел, как настоящий демон, пришедший в церковь, посмеяться над господом. С другой стороны Сайлент – бесстрашный и собранный убий-

ца, готовый пойти на все, лишь бы прикончить своего учителя.

Кара не знала, кто из них одержит верх. По большому счету это и не имело значения. Они оба – монстры! Монстры, которым место на сковородке в самой нижней части преисподней. Сейчас перед Карой стояла важная задача: спасти Дженнифер, найти ядро и выбраться отсюда. Эти двое сумасшедших могут разорвать друг друга в клочья. Миру от этого станет только легче: лить слезы по Грэму, Кара не собиралась уж точно.

– Ты в порядке? – спросила детектив, глядя на бледное лицо Дженнифер с остатками черной пятерни на подбородке.

Девочка коротко кивнула. Смотреть на то место, где должен был располагаться рот, Кара не хотела. Она обняла трясущуюся малышку и потуже укутала ее в плаще. Дженнифер была такой маленькой! – когда Кара попыталась ее обнять, чтобы немного взбодрить, то ей показалось, что она обнимает ребенка, а не девочку-подростка. Хрупкое тельце все тряслось от страха.

Позади раздался треск. Кара обернулась и увидела Грэма. Сайлент сносил деревянные скамейки спиной, ряд за рядом. Поломанные доски разлетались в разные стороны. Неужели удар был настолько сильный? – Черные руки стоял метрах в десяти от Грэма, держа перед собой сомкнутый кулак, перемотанный колючей проволокой. Сайлента же, похоже, такой

выпад ничуть не удивил и не расстроил: Грэм тут же встал на ноги, отряхнулся и вновь побежал на противника.

– Давай, – Кара обошла коляску Дженнифер и схватилась за ручки. – Уходим отсюда. Ты знаешь, где ядро?

Девочка подняла немного скрюченную руку и указала на дверь в углу.

Мерзкий скрип колес врезался в уши. Кара, что было сил, толкала коляску под звуки ожесточенной борьбы у себя за спиной. С высокого потолка и стен на нее смотрели лица святых. Со стороны казалось, что они зрители, пришедшие взглянуть на разыгравшуюся сцену. Величественные титаны, для которых происходящее здесь не больше, чем развлечение.

Детектив Хилл и Дженнифер добрались до двери. Кара напоследок глянула назад: местное Божество и Грэм вели ожесточенную битву. В ход шло все! – руки, ноги, первые попавшиеся предметы. Сайлент делал выпады вперед, стараясь порезать противника ножом, но тот ловко уворачивался, словно читал каждое его движение. Грэм кричал, бил, царапался и даже кусался если появлялась такая возможность. Он делал абсолютно все, лишь бы победить. Это не было похоже на изящное фехтование или боевую хореографию, что показывают в кино. Нет... Это было что-то животное. Два зверя, которые решили помериться силами и в живых должен остаться только один.

Открыв дверь, Кара выдохнула.

Лестница! Чертова винтовая лестница!

Детектив подняла голову и увидела, что она уходит далеко вверх. Инвалидное кресло придется оставить.

– Так, Дженнифер, – сказала Хилл. – Сейчас я возьму тебя на руки, и мы поднимемся по этой лестнице, хорошо?

Девочка замотала головой: коляска была для нее последним оплотом. Последняя вещь, связывающая ее с реальностью. Без нее Дженнифер станет совершенно беспомощной. Все это отчетливо читалось в ее заплаканных глазах.

– Я тебя не отпущу и не брошу, – максимально уверенно сказала Кара. – Поняла? Мы выберемся отсюда. Вместе!

Дженнифер плакала.

– Поняла?! – чуть громче переспросила Кара.

Девочка мотнула головой.

– Хорошо, держись за меня.

Наклонившись вперед, Кара обхватила хрупкое тельце Дженнифер и подняла на руки, словно взяла грудного ребенка. В ней совсем не было веса. Это и к лучшему: особенно, учитывая то, сколько ступеней им придется пройти.

Перед тем как дверь за спиной Кары закрылась, она увидела разъяренного Грэма Сайлента: он свалил противника на пол и что есть силы вбивал кулаки в его голову. Вот он – лик убийцы. Лицо настоящего монстра. Грэм наслаждался тем, что причинял боль другому человеку. Это было видно по его безумной улыбке. Капельки крови заляпали белоснежные зубы, добавив ярких красок к образу сумасшедше-

го психопата.

Грэм сделал выпад вперед и свалил противника с ног. Черные руки отмахивался кулаком, обмотанным колючей проволокой, но Сайлент блокировал все удары, в ответ нанося свои.

В прошлый раз все случилось слишком быстро. Люди Досуна – как позже узнал Грэм – ворвались в дом. Жилище серийного убийцы было далеко от города, на отшибе: если не знать дороги, сюда и не добраться. Идеальное место для логова хищника. Грэм еще в юности пытался бежать, но каждый раз ему попросту не хватало сил, чтобы выйти на дорогу или населенный пункт. Повсюду были реки, деревья и холмы. Черные руки ждал, пока парень окончательно вымотается, а потом настигал его, пихал в фургон и увозил обратно.

Видимо, Хозяин где-то прокололся и наследил, раз на него вышли. А вышли на него люди подготовленные и обученные. Несмотря на все свои таланты Черные руки и пикнуть не успел, как в его дом ворвались, повалили его на пол и обездвжили. Грэм все это время сидел в подвале и слушал возню наверху. До него доносились мужские крики, один раз даже прозвучал выстрел: как выяснилось позже – застрелили собаку. Последнего оставшегося питбуля.

Парня нашли люди в черных комбинезонах и с оружием. Грэм смекнул, что в его положении гораздо лучше прикинуться жертвой. В принципе он и не солгал. Его похитили и

наильно удерживали. Да, при этом он убивал людей – много людей! – но, когда в его лицо ударил луч фонаря, он решил опустить детали. Как знать, возможно, это полиция и его наконец-то, спустя столько лет, все-таки нашли.

Оказалось, это наемники. Оказалось, что серийный маньяк им нужен живым для каких-то своих целей: Грэм слышал голос Доусона по рации. Он говорил, что ни в коем случае нельзя его убивать. Субъекта обязаны доставить целым и невредимым.

Грэма выволокли из подвала, бросили в гостиной рядом со связанным убийцей и трупом пса. Впервые в жизни Грэм видел своего надзирателя таким беспомощным: руки и ноги сомкнуты пластиковыми стяжками, во рту кляп, под глазами наметились синяки. Пока нападавшие переговаривались по рации, решая, как дальше быть – наверняка они не ожидали найти в подвале пленника, – Грэм схватил со стола моток колючей проволоки и напал на своего похитителя.

Хватило нескольких секунд, чтобы разорвать ему лицо и горло. В руки впивались острые края проволоки, но Грэм не чувствовал боли. Он бил, бил и бил, пока двое мужчин не оттащили его от истерзанного тела, захлебывающегося кровью. Последнее, что видел Грэм, перед тем как ему в голову прилетел удар приклада, это вытянутую руку человека, который похитил его много лет назад. В этот раз она была измазана его же кровью.

В этот раз она дрожала...

Вот и сейчас, сидя на нем сверху, вбивая удар за ударом, упиваясь его кровью, Сайлент хотел лишь одного – уничтожить его. Уничтожить своего создателя. Но в какой-то момент ярость окончательно застыла глаза и Грэм потерял бдительность. Крайний удар попал мимо: Черные руки убрал голову и кулак Сайлента врезался в мраморную плиту. Послышался хруст кости. Тело сковало болью. Грэм схватился за кисть и повалился на бок.

Черные руки с одышкой поднялся на ноги. Все его лицо было вымазано в крови. Из-за лунного света, проникающего в стрельчатые окна церкви, создавалось впечатление, что его кровь черного цвета. Мужчина провел ладонями по лицу – сгустки крови стекли вниз, застряв на бороде, – выдохнул и со всего размаху пнул Сайлента в живот.

Грэму показалось, что этим ударом он сломал ему все ребра. Несколько секунд Сайлент не мог дышать. Он просто лежал скрюченный на полу, пока Черные руки, словно хищник ходил рядом.

Темная мантия, окровавленное лицо в дырках от колючей проволоки, вновь холодный взгляд: Черные руки опять был хозяином положения. Фрески ангелов и святых смотрели со стен. На фоне божественных светил мужчина выглядел черным пятном, которое стоило бы стереть, но никак не получалось. Грязь въелась.

Окончательно и бесповоротно...

– Почему? – хрипя спросил Сайлент. – Почему именно я?

Из всех людей на этой чертовой планете ты выбрал именно меня... Почему?

– Знаешь, – сказал Черные руки, – книги в чем-то похожи на нас. На людей. Их обложки и страницы – это тело. Строки и междустрочия – душа. Среди них тоже бывают глупые красавицы с ярким оформлением и невзрачные дурнушки с выразительным внутренним миром. С первого взгляда я понял, что ты из вторых, Грэм.

– Что ты несешь...

Сайлент попытался подняться на ноги, но получил еще один чудовищный удар в корпус. Тело откинуло на несколько метров и врезалось в угол лавки: на гладком полу осталась протяжная полоса крови.

– Хватит бороться, Грэм! – закричал Черные руки. – Ты уже всем все доказал. Ты доказал это в тот момент, когда я пришел в твой дом и убил твою семью. Знаешь, сколько других мелких сорванцов на твоём месте плакали, писались в штаны или просто замирали от страха, не в силах произнести ни звука?

Черные руки сделал стремительный шаг и вновь на выдохе ударил Сайлента. В этот раз голова Грэма отлетела в сторону, словно она была мячом, по которому только что приложился профессиональный футболист своей бутсой. Кровь из носа описала дугу и плюхнулась на мраморный пол.

– Когда я подошел к тебе, тогда, – продолжил безумец, – ты не забился в угол. Не стал молить о пощаде. Ты поднял

голову и с вызовом посмотрел мне в глаза. Смысл жизни не в том, чтобы ждать, когда закончится гроза, Грэм. Ты же сам знаешь. Он в том, чтобы учиться танцевать под дождем...

Подойдя к Сайленту, Черные руки сел рядом с ним на колени, наклонился и глянул на его избитое лицо. Нос был сломан, на скуле так сильно разошлась кожа, что виднелась часть кости, почти все заливало кровью! – но в глазах Грэма по-прежнему горел огонь.

– Я протянул тебе руку, мальчик мой, – ласково сказал мужчина, – понимая, что ты не из тех, кто ждет. Ты один из тех, кто учится. В тот миг я понял, что мы с тобой одинаковы. Чтобы с нами ни случилось, мы сможем это пережить. Нас ничем не сломать. И посмотри, что мы имеем сейчас!

Он поцеловал Сайлента в окровавленный лоб, встал на ноги и развел руки. Глубоко дыша, он с истинным наслаждением рассматривал все вокруг...

– Теперь у нас есть целый мир, мальчик мой. В нашей власти сделать его таким, каким мы только пожелаем. Разве это не чудо? Хватит бороться Грэм. Прими наконец мою сторону. Стань темным принцем. Я воспитал тебя по своему образу и подобию. Мы – одно целое. И как бы ты ни старался, это никогда не изменится. Ты – Альфа. Точно так же, как и я.

Схватив Грэма за ногу, Черные руки поволок его к двери, куда несколько минут назад вошла Кара и Дженнифер.

– У каждого человека свои звезды, – сказал мужчина. – Одним они указывают путь. Для других, хм, это просто

огоньки. Я долгие годы пытался стать для тебя звездой, которая осветит путь. Но ты отчаянно видел во мне лишь огонек. Пришло время исправить это. Но для начала нам следует избавиться от хвостов.

Грэм чувствовал, как его затылок скребется об пол. Чувствовал, как с лица течет кровь. Безвольные руки волочились за телом, словно он туша убитой добычи. Сил совсем не осталось. Но перед тем, как Черные руки открыл дверь, Грэм увидел небольшой клинок: кончиками пальцев он схватился за рукоять в форме змеи...

Глава 20

Кара уперлась в небольшую деревянную дверь. По ее лицу стекали крупные капли пота. Да, Дженнифер весила всего ничего, но даже с этим условием путь по винтовой лестнице показался бесконечно тяжелым. Проклятое вечернее платье, в которое Кару нарядили Полуночники, еще больше придавало дискомфорта. Подниматься по лестнице, таща на руках подростка, и выглядеть при этом, словно ты только что вернулась со званого ужина, оказалось задачей куда более сложной. Детектив жалела о том, что забросила утренние пробежки.

Прижавшись спиной к двери, Кара немного подкинула Дженнифер, чтобы лучше перехватиться. Было темно. Пахло гнилью. Летающая в воздухе пыль виднелась в узких полосках света из щелей стен. Волосы детектива окончательно растрепались. Покраснело лицо. Кара ударила в дверь плечом, но та не открылась.

– Дженнифер, – обратилась она к девочке, – ядро там? Оно за этой дверью?

Дженнифер кивнула. Ее по-прежнему била дрожь. Кара и представить себе не могла, чего она здесь натерпелась. Сколько времени она пробыла в компании этого монстра? Что он мог с ней вытворять? И наверняка вытворял... Сможет ли Дженнифер оправиться после всего? Даже Кара боя-

лась: если ей, все-таки, удастся отсюда выбраться, то до конца своих дней она будет пить, в надежде забыть увиденное. Чего уж тут говорить о неокрепшем подростке.

– Держись, – сказала Кара.

Развернувшись, детектив отошла на шаг назад и со всей силы ударила ногой в дверь. В сапогах, которые на несколько размеров больше, бить было неудобно. Дверь не выглядела крепкой – сквозь щели в деревянном полотне проникал яркий зеленый свет: наверняка тот самый, что она видела, перед тем как зайти в церковь, – но даже такую дверь выбить получилось не с первого раза. В сапогах захлюпало, по ступням промчалась боль. Наверное, старые раны вновь раскрылись. Плевать, осталось немного... Из последних сил, держа Дженнифер на руках, Кара вошла в небольшую комнату. В лицо ударил яркий свет, ослепив глаза. Несколько секунд Кара настраивала фокус.

Повсюду была паутина, как в том заброшенном торговом центре. На грязных стенах с облупившейся известкой виднелись черные надписи, словно их сажей чиркал сумасшедший. Ни окон, ни мебели: только прогнивший деревянный пол – почти как та телега, на которой Кара сюда приехала – и низкий потолок с дырой, в которую бил тот самый луч света. Он смахивал на вращающийся вихрь. Миллионы светящихся символов закручивались в спираль, взлетая вверх. На полу лежал небольшой экран: именно из него и высвобождалась энергия, или что бы это ни было.

Кара подошла ближе. Комната наполнилась тенями. Черные образы детектива с ребенком на руках перепрыгивали со стены на стену, в унисон с крутящимся светом. Ветер раздувал волосы. Начали слезиться глаза. Руки Кары окончательно затекли: держать Дженнифер больше не было сил. Хилл опустила девочку на пыльный пол, хоть и видела в ее глазах мольбу о том, чтобы она этого не делала.

– Не бойся, – сказала Кара. – Я рядом. Все хорошо.

Смотря, то на девочку, то на свет, Кара разрывалась. Ей нужно было разобраться с ядром, но для этого она должна была оставить Дженнифер одну.

– Черт! – выругалась Хилл. – Ладно, девочка моя. Сейчас я оставлю тебя здесь, а сама пойду туда, – детектив показала рукой на светящийся луч из символов. – Мне нужно понять, как нам выбраться. Хорошо?

Дженнифер в панике замотала головой из стороны в сторону. Только мысль о том, что она останется здесь одна, пускай и всего в нескольких метрах от Кары, уже приводила ее в ужас. Это наглядно читалось по ее лицу.

– Все в порядке, – сказала детектив. – Я на секунду. Не бойся. Я рядом.

Кара сжимала хрупкую ладонь ребенка в руке. Но ей нужно было ее отпустить. Времени мало. Никто не знает, сколько эти двое внизу будут колошматить друг друга... Возможно, один из них уже одержал верх и сейчас поднимается по лестнице сюда. Даже если это Грэм Сайлент, Кара не была

уверена, что он даст им уйти.

Что его ждет там, в настоящем мире? Тюрьма? Еще одна газовая камера, только та, после которой он уже точно не очнется? Сайлент не дурак. Он все понимает. Кара боялась того, что он решит остаться здесь, а ее и Дженнифер оставит за компанию.

Детектив аккуратно приблизилась к свету, держа открытую ладонь перед лицом. Плечи, грудь, выглядывающая из декольте, руки: все блестело от пота. Здесь было по-настоящему жарко. От света шел звук, похожий на то, как звучат оборванные электрические провода: раскатистый протяжный треск.

Что же делать? – подумала Хилл.

Сев на колени рядом с ядром, Кара посмотрела вниз, в то место откуда исходил свет. На экране виднелось нечто, напоминающее отпечаток человеческой ладони. Присмотревшись внимательнее, Кара увидела небольшую полоску крови в месте основания. Что это? Ключ для синхронизации с пользователем? Для чего Черные руки нанесли на это место свою кровь? Возможно ли, что именно из-за этого ядро стало подчиняться только ему? – код пользователя Альфы и главная система «НЕБА». Нечто подобное проделал и Грэм, когда заставил клан Полуночников подчиниться своей воле. Стоит ли Каре до него дотрагиваться? Или же это одна сплошная уловка местного Бога, и как только Кара просунет туда руку, ее сразу же разорвет в клочья?

Как быть? Что делать?

– Я бы не советовал, – раздался мужской голос за спиной детектива.

Совершенно обессиленного Грэма бросили на пол. Он в очередной раз ударился головой, но боли уже не было. Те удары, что он принял на себя там внизу, сражаясь со своим создателем, погрузили его в состояние полного опустошения. Он проиграл. Он, черт возьми, проиграл...

По разбитому лицу бегали тени вращающихся символов. Из поломанного носа капала кровь, заливая деревянные доски, в которые Сайлент упирался лицом. С распростертыми руками и ногами он лежал на животе, на полу, повернув голову на бок. Перед ним сидела испуганная Дженнифер: девочка без рта, с измазанным в черное лицом, дикими глазами смотрела на изувеченного Грэма.

– Я бы не советовал этого делать, – сказал Черные руки, глядя на то, как женщина тянется к ядру.

Грэм перевел взгляд на Кару. Проныра-детектив, все-таки, добралась до цели: ядро было всего в нескольких сантиметрах от нее. Яркий свет за ее спиной уводил в тень изгибы и формы ее тела. В это мгновение Кара в своем вечернем платье с распущенными светлыми волосами выглядела, как самая красивая женщина на свете. Уставшая, но не сломленная. Смелая, готовая пойти на все, ради спасения ребенка. Грэм видел, как она смотрит на Дженнифер. С каким теплом

и какой опаской! – понимая, что в любую секунду больной психопат, обладающий божественной силой, может сделать с ней все что угодно.

В этот миг Грэм Сайлент понял: Кара Хилл не такая, как ее отец. Совсем нет. У нее есть куча недостатков: да, она грубая, много пьет, может быть, не чиста на руку... Но она не из тех, кто бросит ребенка в пасть льву. Только не она. Только не Кара Хилл. Эта женщина сделает все возможное и невозможное, но не оставит Дженнифер здесь.

Грэм дотянулся до пояса и вынул нож...

Грэм Сайлент не у дел...

Кара посмотрела на его изувеченное лицо и все сразу стало понятно. Он проиграл: сломанный в нескольких местах нос и торчащая из скулы кость наглядно об этом говорили. Надеяться можно только на себя.

До ядра оставалось каких-то десять сантиметров – Кара могла протянуть руку и завладеть им, – но она не оставит Дженнифер здесь. Не составит ее с этим монстром вновь. Ни за что.

Черные руки подошел к беспомощной плачущей девочке, схватился за ее длинные волосы и поднял. Тонюсенькое тело в белой сорочке болталось в воздухе, словно подвешенная на нитках кукла в руках ребенка. Только за ее спиной был далеко не ребенок. Все лицо мужчины было вымазано кровью и дырками от ключей проволоки. С бороды капали

вязкие темные капли. Черная мантия после схватки с Сайлентом выглядела рваной тряпкой. Да, в драке с Грэмом ему тоже порядком досталось...

Черные руки выставил перед собой Дженнифер, показав Каре, что он может убить ее в любую секунду:

– Подумай дважды, – сказал он, глядя на Кару, которая собиралась потянуться к ядру.

Значит, это выход, смекнула детектив. Теперь все сомнения отпали: оставалось лишь дотронуться до отпечатка в центре. А еще – как-то вызволить Дженнифер.

– Отпусти ее, – сказала Кара.

– Серьезно? – рассмеялся Черные руки. – И это все? А что ты сделаешь, если я ее не отпущу?

Мужчина повернул кулак, намотав на него волосы девочки. Дженнифер пыталась сопротивляться, но из-за своей болезни выходили лишь слабые махи тонкими ручками. Ей было больно. Очень больно. Ноги едва касались пола, но даже это не спасало: малышка Дженни все равно не могла ходить.

Кара осмотрелась. Есть ли в этой проклятой комнате хоть что-то, что может сойти за оружие? Ничего... И что делать? Идти на всемогущего дьявола в рукопашную?

– Черт, – тихо выругалась Кара.

– Ты можешь уйти, – сказал Черные руки. – Я дам тебе эту возможность. Хочу, чтобы Сара Пэйн знала: все, что здесь произошло, это ее вина. Хочу, чтобы она знала, что ее любимая дочка у меня.

Черные руки повернул Дженнифер к себе лицом и поцеловал в то место, где должны были располагаться губы. Когда девочка повернулась к Каре, у нее вновь был рот. Дрожащая Дженни тут же произнесла:

– Умоляю, спасите меня...

– Давай! – крикнул мужчина. – Проваливай! Но она останется здесь. Навсегда. Дженнифер будет моим гарантом. Чтобы псы ее матери больше сюда никогда не совались. Отныне это мой мир. Мой и моего сына. Так ей и передай.

Кара глянула на бездыханного Грэма, валяющегося на полу. В нем больше не было стержня. Он выглядел полностью сдавшимся. Все что он мог – это пускать кровавые слюни.

Напоследок посмотрев себе за спину, на ядро, Кара обреченно вздохнула. Обнаженные плечи с капельками пота поникли. Голова склонилась, волосы спрятали потухшие глаза. Видимо, здесь и наступит ее конец...

Работая в полиции, Кара множество раз представляла, каким будет финал. Разумеется, ни в одном из вариантов она не умирала пожилой женщиной мирно во сне, но и представить, что ее убьет больной психопат в виртуальном мире, в котором он стал богом, тоже было сложно. Надо же... Кто бы мог подумать?

В конечном итоге Кара смирилась. Расстраивало, что она не обнимает отца напоследок. Оставалось надеяться, что когда-нибудь Гидеон Хилл узнает: он воспитал достойную дочь. Человека, который решил уйти из жизни с честью.

Встав в полный рост, Кара порвала подол своего вечернего платья, оголив ноги чуть выше колен: если ей придется биться, то она хотя бы не будет выглядеть как персонаж из дурацкой компьютерной игры. Детектив сняла огромные сапоги и кинула их в сторону, чтоб ненароком не запнуться о свои же ноги. Как она и предполагала ступни кровоточили. На деревянном полу остались следы. Ладно, в любом случае все закончится быстро.

– Серьезно? – спросил мужчина и бросил Дженнифер на пол.

Девочка упала, но вроде бы с ней все было в порядке.

Кара размяла шею, потянула руки, спину: как она это обычно делала перед началом тренировки в спортзале. Провела кончиками пальцев по изможденному лицу и встретила глазами с противником. Возможно, их схватка продлится лишь долю секунды, возможно, ублюдок хлопнет в ладоши и Кара разлетится в пыль! – но перед смертью она хотела пронзить этого человека своим злобным взглядом. Дать ему понять, что, несмотря ни на что, она не сломалась. Не превратилась в трусливую шавку, которая сделает все, лишь бы выжить.

– Знаешь, – сказал Черные руки, – признаю, ты гораздо смелее чем твой отец. Гидеон всегда был где-то поблизости, но ему не хватало упорства. Если бы он был чуточку упорнее, то, возможно, мы бы с ним и встретились. Не факт, что это хорошо бы закончилось для него, конечно, – засмеялся он.

– Хватит болтать! – рявкнула Кара.

Детектив уже собиралась броситься в бой, наплевав на все, но в этот момент раздался хриплый голос Сайлента:

– Умереть всегда можно успеть, это не так уж и сложно, – сказал Грэм, с трудом поднявшись на одно колено. – А вот жить! На это требуется мужество, Пуговка... Так что, поживи пока еще.

В правой руке Грэма блеснуло лезвие. То самое лезвие, которое он достал из туши мертвого Цербера. То самое лезвие, которое окончательно убило в Сайленте человека много лет назад.

– Эй, – Грэм посмотрел на Дженнифер: девочка лежала на полу, боясь даже пошевелиться. – Передай мамочке от меня горячий привет. Это было действительно незабываемое приключение. Все, как она и обещала, – сказав это, Сайлент выставил перед собой клинок и воткнул его себе в грудь по самую рукоять.

Изо рта хлынула кровь. На секунду Грэма затрясло судорогой, но потом отпустило. Он повалился на спину: нож по-прежнему торчал из груди. Самый известный серийный убийца хлопал глазами, смотря в потолок, совершая свои последние вдохи. Разорванная черная водолазка пропиталась кровью. Руки ослабли и упали на пол. Взгляд начал гаснуть.

Кара не могла поверить. Зачем он это сделал? Почему решил пожертвовать собой? Но когда Черные руки, позабыв обо всем, бросился к своему сыну, а у Кары появилась воз-

возможность забрать Дженни и дотянуться до ядра, все стало ясно: видимо, перед смертью Грэм все же захотел сделать что-то по-настоящему хорошее. Оставить хотя бы одно светлое пятно после своего ухода.

Схватив Дженнифер, что было сил, Кара кинулась в светящийся луч. Стерев кровь Черных рук с монумента, она прокусила себе ладонь и дотронулась до отпечатка. Теперь ее код внутри. Теперь ядром владеет она.

Посмотрев назад, Кара увидела плачущего монстра: окровавленный мужчина в разорванной мантии, держал в черных руках своего умирающего ребенка. Ребенка, который так его и не принял. Ведь он так и не стал для Грэма Сайлента той звездой, что освещает путь. Он навсегда остался лишь блеклым огоньком...

Кара думала, что сейчас ее выкинет из установки, но ничего не произошло. Ад вокруг нее никуда не делся. Она по-прежнему стояла в его центре.

Внезапно прозвучал тихий смех. Он был совсем близко. Можно сказать, у самого уха. Опустив голову, Кара поняла, что это смех Дженнифер. Девочка тихо хихикала, уткнувшись личиком во вспотевшее плечо детектива.

– Какого черта? – прошептала Хилл.

– Вы думали все будет так просто? – спросила Дженни, подняв глаза и посмотрев в изумленное лицо Кары.

Свет от ядра погас. Монумент с отпечатком руки и каплями крови Кары исчез. Просто растворился в воздухе, будто

его здесь никогда и не было. Комната погрузилась во мрак. Из доносящихся звуков был слышен лишь тихий всхлип Черных рук. Мужчина по-прежнему скорбел над окровавленным сыном. Сайлент умирал. Ему оставалось совсем немного.

Дженнифер без особых усилий встала на ноги, словно всегда умела ходить, и отошла на пару шагов назад. В густом сумраке комнаты ее лицо было почти не разглядеть, но что-то подсказывало: в эту секунду она улыбалась.

– Что все это значит, Дженнифер? – спросила Кара.

– Мне вот интересно, – сказала девочка, – ведь никто из вас не задался вопросом: почему мир «НЕБА» рухнул именно тогда, когда в него попала я? Неужели все вы решили, что это невероятное стечение обстоятельств?

Голос Дженнифер звучал мягко, почти наигранно. Кара не понимала, о чем она говорит? Не понимала, что все это значит? Она ведь спасла ее. Дотянулась до ядра! Сделала все, что от нее требовалось.

– Дженнифер, – сказала Хилл.

– Нет-нет...

Малышка махнула рукой, – и Кара почувствовала, как ее губы начали склеиваться. Она хотела раскрыть рот, хотела закричать! – но кожа слиплась, словно мягкий пластилин в руках маленького ребенка.

– Моя мама создавала для меня рай, – прозвучал голос Дженнифер из темноты. – Когда стало ясно, что никакие но-

вые методы лечения не поставят меня на ноги, она решила изменить подход. Если в детстве мы вместе посещали всевозможных врачей, и с этим я могла мириться – ведь мама рядом, она здесь, – то, когда она познакомилась с Гарольдом Милтоном и начала разработку нового виртуального проекта – все, лишь бы ее девочка была счастлива! – это меня просто убило.

Кара стояла как вкопанная: она не могла, ни пошевелиться, ни сказать что-либо. Стук сердца в груди порою звучал громче голоса Дженнифер. Сперва ошарашенная детектив не улавливала мысль девочки, но чем дольше она слушала Дженни, тем яснее все становилось.

Они все ошиблись.

Все...

– Я нуждалась в ней, – сказала Дженни. – Нуждалась, как никогда. Но мама решила посвятить все свое время работе. Она думала, что таким образом спасает меня. Но, на самом деле, так она спасала только себя... Ей было проще нацепить шоры на глаза и идти к своей цели, думая, что она поступает правильно, не замечая того, что творилось вокруг. Того, что творилось со мной...

Изначально голос Дженнифер звучал спереди, но, когда она заговорила вновь, он раздался где-то из-за спины Кары.

– Как думаете, детектив: почему моя мама столько лет изучала всевозможные психотипы самых ужасных людей, но не смогла разобраться в моем? Не смогла увидеть надлом в

личности человека, который, по идее, был к ней ближе всех? Ведь это случилось не сразу. Нет. Не было такого, чтобы я заснула хорошей девочкой, а проснулась психопаткой...

Сара Пэйн совершила много ошибок, – подумала Кара, – но ее главная ошибка сейчас стояла у детектива за спиной. Вместо того чтобы воспитывать ребенка с ограниченными возможностями и учить его жить в реальном мире, Сара решила поиграть в Бога и создать свой собственный мир. Мир, в котором правила будет диктовать только она.

Но нужен ли был этот мир Дженнифер?

Наверняка девочка гораздо больше нуждалась в материнской ласке и любви, чем в мечте об идеальном месте. Том месте, где она сможет быть нормальной. Но проблема Сары Пэйн в том, что нормальной Дженнифер была всегда.

– Знаете, какого это, смотреть в глаза матери и каждый раз видеть слезы? – продолжила Дженнифер. – Она думала, что я отчаянно нуждаюсь в том, чтобы быть как все. Бегать по утрам. Плавать в бассейне. Заниматься гимнастикой. Гулять с друзьями. Но, на самом деле, мне просто нужны были три вещи: материнская забота, тепло домашнего очага и внимание. Плевать, что я никогда не смогу сесть за руль машины: мне бы было достаточно съездить с мамой в наш загородный дом, сидя на заднем сиденье. Я уже была бы рада. Но вместо этого все свое время я проводила в компании сиделок, которых нанимала Сара, ведь у нее было слишком мало свободного времени. Она, видите ли, занималась своим утопи-

ческим миром, в котором я должна была бы быть счастлива.

Кара хотела сказать, что ей жаль, что она все понимает, действительно понимает, но Дженнифер забрала у нее такую возможность. Это ее сцена. Она здесь сценарист, главный актер и режиссер. И говорить будет только она.

Никто не должен ее отвлекать.

– Безумие, злость, – сказала Дженнифер. – Они пробрались внутрь меня постепенно. Капля за каплей, проникая под кожу. Когда я отравила Гарольда Милтона – помню, мама плакала навзрыд, думая, что без этого старика она не справится, – то все еще можно было исправить. Во мне все еще жила та девочка, которая хотела вернуть маму. Но даже смерть человека, который изначально придумал концепцию «НЕБА» не остановила Сару. Я думала, что, убив его, смогу все это прекратить. Думала, мама бросит все, и вернется ко мне. Но по итогу все стало только хуже. Саре было гораздо проще заниматься строчками кода, чем воспитанием ребенка-инвалида. Плюс, к тому времени она уже сошлась с Доусоном. Этот слизняк мог обеспечить ее всем необходимым. Так что смерть Гарольда особо ни на что не повлияла. Все что мне оставалось – это покорно кивать и подбадривать маму, когда она приходила уставшая домой и могла уделить мне несколько минут свободного времени перед сном...

Отец Кары любил ее больше всего на свете. Ради дочери он ушел с работы и бросил дело своей жизни. Сара Пэйн же сделала все с точностью до наоборот...

– Я долгие годы изучала проект «НЕБО», – сказала Дженнифер. – Да, не все мне до конца было понятно, но общие детали управления установкой я уловила. Когда твоя мама гений в области психологии и инновационных технологий трудно было бы спорить с тем, что ее дочь не унаследует черты родителя. Мне потребовались годы, чтобы разобраться, и еще несколько лет, чтобы придумать вирус. Но я смогла это сделать.

Вирус!

Сердце Кары застучало чаще. Вот что все это было!

– Тот вирус, – сказала девочка, – который даст мне полную власть над установкой. Мама думала, что все дело в ядре, психотипах и прочем... Увы. Все гораздо проще, – на секунду Дженни замолчала, а когда продолжила, то уже стояла прямо перед Карой. – Я бы могла развалить ее установку извне. Хватило бы одного нажатия клавиши. Но я хотела, чтобы мама хоть раз в жизни испытала трепет по отношению ко мне. Забыла о работе и начала думать только о совсем ребенке. О том, как его спасти. Начала переживать за меня. По-настоящему переживать. Бояться...

Кара смотрела в совершенно безэмоциональные глаза девочки. Ее милое девичье лицо, светлые волосы, белая сорочка: Дженнифер совсем не походила на того человека, который мог все это устроить.

– Оставалось как-то попасть внутрь, – сказала она. – Благо Доусон последнее время только и мечтал, чтобы поскорее

закончить тесты и начать на всем этом мероприятии зарабатывать. Он думал, что если я попаду в «НЕБО» раз, то не захочу возвращаться. Это заставило бы Сару ускориться с завершением испытаний. Легко управлять людьми, если тебе известны их желания.

Дженнифер махнула рукой, – и Кара ощутила, как ее импровизированный кляп пропал. Она снова могла дышать ртом. Могла говорить! Но дикий страх в груди никуда не делся. Ее по-прежнему трясло.

– Все это время именно ты тянула за ниточки? – тихо спросила Кара. – А как же ядро? Как же Черные руки во главе этого проклятого мира?

– Мой вирус убрал главную директиву проекта, – ответила Дженнифер. – «Не навреди». Остальное местные жители все сделали сами. Они сами придумали свои правила. Сами начали им следовать. «НЕБО» стало своего рода песочницей, в которой дети строят свои собственные замки. И чем круче у тебя пластиковая лопатка и фантазия, тем лучше получится постройка. Плюс, как все мы знаем, тем кто сильнее остальных достаются лучшие места...

– Но ты же могла погибнуть?

– Черные руки – человек, – ответила Дженнифер. – У него тоже есть свои мотивы и желания. Я читала его досье. Он всегда хотел преемника. И я пообещала ему, что если он оставит меня в живых, то у мамы просто не будет другого выбора, кроме как убедить Доусона вытащить Грэма из камеры

смертников и подключить к установке, – Дженнифер улыбнулась. – Можно сказать, что весь этот квест с Церберами, координатами и прочим был сделан исключительно для Сайлента. Черные руки хотел проверить: хорошо ли он воспитал своего сына.

– И что теперь? – спросила Кара. – Как отсюда выбраться? Или ты решила навечно запечатать в этом аду ни в чем неповинных людей, лишь бы насолить мамочке?

– Ни в чем неповинных людей? – рассмеялась Дженнифер. – Так вы называете местных обитателей?

– Среди них были достойные...

Кара вспомнила Амона. Вспомнила его команду – тех, кто не стал играть по правилам. Вспомнила, как монстр Полуночников разорвал весь его отряд на части.

– И что теперь? – спросила Кара. – Какой план? Ты победила. Твоя мать обливается слезами, сидя за мониторами, выискивая лазейки, чтобы тебя вызволить! Как удалить вирус?

– Вирус нельзя удалить, – сказала Дженнифер. – Его можно только убить.

– И где он?

– Стоит перед тобой, – улыбнулась девочка. – Он был вшит в «НКИ». В ту замысловатую штуковину, которая крепится на голове перед погружением. Пока нейроны мозга активны, вирус работает. Все внутри установки подчиняется только мне.

Кара почувствовала прохладу у себя в ладони. Что-то приятно щекотало правую руку. Опустив голову, детектив увидела свой табельный пистолет.

Откуда он взялся?

– Какого черта! – удивилась Хилл.

Дженнифер подошла ближе. Взяла руками дуло пистолета и направила себе в грудь.

– Только убив вирус, вы сможете вернуть контроль моей матери и выбраться отсюда.

– Нет! – отрезала Кара.

– Да, детектив. Все будет именно так. Моя мамочка отправила вас сюда, чтобы спасти меня, но именно вы станете тем человеком, кто меня и убьет. Я не хочу жить в виртуальном мире, построенном Сарой Пэйн. Но и не хочу остаток жизни провести в инвалидном кресле, съедаемая злобой на всех и каждого. Точка невозврата уже пройдена, Кара.

– Дженнифер, еще можно все исправить. Еще не все потеряно!

Девочка щелкнула пальцами, – и стена за ее спиной разлетелась на мелкие кусочки. Прозвучал такой грохот, что Каре пришлось закрыть уши руками.

Когда густой смог пыли рассеялся, яркая луна с многочисленными звездами осветила комнату. Ледяное лицо Дженнифер находилось прямо перед Карой: детектив могла видеть каждую пору на ее коже. Да, Дженни далеко не подросток, перед Карой стояла взрослая женщина, которая все

прекрасно понимала, пускай она и была в хрупком теле ребенка.

Видимо, для Дженнифер действительно все кончено. Она не сможет жить здесь и уж точно не сможет жить там – в реальном мире. Не сможет смириться с тем, как с ней обошлась Сара Пэйн: доктор долгие годы строила рай, не замечая, что под ее крылом вырастает демон.

– Вы убьете меня, – сказала Дженнифер. – Это убьет мою мать. А без Сары Пэйн проект «НЕБО» попросту невозможен. Идеальный мир будет разрушен человеком, для которого он и создавался.

За спиной девочки виднелось пустое серое поле. То самое поле, по которому они добрались до церкви. Кара могла даже разглядеть лежащего на телеге Боба.

– Стреляйте, Кара, – чуть громче обычного сказала Дженнифер.

– Нет.

Кара заметила движение. К телеге Боба что-то приближалось. И чем ближе оно становилось, тем отчетливее смахивало на паука. Огромного паука. Того самого, с которым они столкнулись в заброшенном торговом центре.

Йорогумо.

Черт возьми! – подумала Кара. – Что же делать? Еще чуть-чуть и монстр сожрет парня!

– Он будет первым, – опять в спокойной манере сказала девочка. – Мы будем стоять здесь и спорить, пока люди внут-

ри установки будут умирать один за другим. Это займет какое-то время, но, уверяю, после пары десятков разорванных тел, которые Йорогумо порвет на части у вас на глазах, вы нажмете на спусковой крючок. Вопрос лишь в том, сколько будет жертв до этого момента?

Действительно. Кара присмотрелась вдаль и увидела, как толпа зомбированных людей идет вслед за паучихой. Все они смахивали на отупевших ходячих мертвецов из сериала.

Дженнифер контролировала все...

– Стреляй, – прозвучал знакомый голос Сайлента позади.

Кара почувствовала, как на ее руку легла окровавленная ладонь Грэма. Детектив не слышала, как он подошел. Сайлент встал прямо у нее за спиной: так близко, что его редкое прерывистое дыхание обжигало шею. Пистолет упирался в грудь Дженнифер, то и дело подрагивая, но Грэм Сайлент придал ему уверенности.

– Я не могу, – сказала Хилл. – Она – ребенок.

Пустой взгляд девочки говорил об обратном, а приближающийся к телеге монстр лишь подтверждал это. Йорогумо убьет Боба. Убьет всех остальных. Это на самом деле вопрос времени. Глядя в глаза Дженнифер, сомневаться в этом не стоило.

– Стреляйте, Кара, – все так же спокойно сказала девочка.

Хилл смотрела на то, как Йорогумо медленно забирается на телегу, клацая острыми лапами рядом с безмятежно лежащим Бобом – парень мирно спал, приняв позу эмбрио-

на, – но она понимала, что не сможет этого сделать. Каким бы хреновым человеком она ни была, Кара не убьет ребенка.

Окровавленные руки полицейского и убийцы, сомкнутые в одно целое: густые капли падают на пол, образуя кривые узоры. Последние секунды перед тем, как все рухнет окончательно. Кара закрывает глаза, сосредоточившись лишь на дыхании Сайлента у себя за спиной. Она не сможет этого сделать. Не сможет.

Протяжный вдох Грэма.

– Живи, Пуговка...

Он сам нажимает на спусковой крючок.

Холодно. Очень холодно...

Вот что первое ощутила Кара, когда открыла глаза. Перед ней стоял Уильям Доусон. Мужчина помогал Каре выбраться из капсулы, попутно прикрывая ее обнаженное тело полотенцем.

Сара Пэйн, стоя возле установки Дженнифер, ревели навзрыд, хватаясь дрожащими пальцами за стеклянный отсек. На сенсорной панели шла прямая линия пульса.

Девочка добилась своего...

Не обращая внимания на доктора и немного ошарашенного Доусона, разъяренная Кара вылезла из капсулы, оттолкнула Уильяма и первым делом бросилась к столу, на котором лежал ее табельный пистолет. Проверив оружие, наплевав на свалившееся на пол полотенце, Кара подбежала к Са-

ре – доктор к тому времени обессиленно упала на колени, – и направила дуло ствола ей в затылок.

Руки тряслись: на мушке совершенно сломленная женщина. За ней в капсуле погружения умиротворенная Дженнифер с безмятежным лицом. Через призму стекла она выглядела живой, но протяжный писк сенсорного кардиографа на панели говорил об обратном. Огоньки «НКИ» Дженни начинали гаснуть один за другим. Вскоре свет окончательно потух, погрузив тело девочки во мрак.

В стекле напротив Кара видела свое озадаченное лицо. Что она хотела сейчас? Чтобы Дженнифер очнулась и вернулась к матери, либо же навсегда сгинула в этой вязкой синей жиже? Смотря на свое отражение, Кара не знала ответа. Она понимала Дженнифер. Понимала ее злость. Но, как она сама и сказала, Дженнифер давно перешла черту. Назад пути уже не было...

В соседней капсуле был человек, который сломал Каре жизнь. Человек, который целенаправленно разрушал ее семью. Человек, убивший десятки если не сотни людей... Но также в этой капсуле был тот, кто решил умереть для того, чтобы Кара могла жить. Как бы сильно детектив ни старалась ненавидеть Грэма Сайлента, но внутри ее сердца основательно поселилось смятение. Этот человек сумел оставить свой жирный след в ее жизни.

Звук сенсорного кардиографа Грэма становился все реже, а вскоре и вовсе затих. Последний огонек «НКИ» Сайлента

погас. Свет в капсуле потух. Вместо обнаженного мужского тела в стеклянном отсеке Кара видела лишь дуло пистолета, направленное в затылок той, кто был во всем этом виноват.

– Мисс Хилл...

Доусон подошел сзади и аккуратно накинул полотенце Каре на плечи. Детектив даже не пошевелилась. Она боялась, что может сорваться и выстрелить в ту женщину, из-за которой ей пришлось пройти через весь этот ад. Кара была уверена: если бы не трагедия Дженнифер она бы так и сделала. Наплевала бы на все и просто пристрелила доктора и ее скользкого поделщика в дорогом костюме. Эти люди заслужили свинец в голову. Но она не могла так поступить с девочкой. Дженнифер хотела, чтобы ее мать, наигравшись в Бога, страдала. И сейчас Кара была с этим полностью согласна.

– Они могут выбраться? – сглотнув, спросила Кара, глядя на остальные капсулы погружения.

– Нет, детектив, – начал было Доусон, но Кара его перебила.

– Заткнись, нахер! – крикнула Кара, выплескивая весь свой гнев и негодование. – Я не тебя спрашиваю!

На несколько секунд лаборатория погрузилась в тишину. Был слышен лишь звук работающих компьютеров. На главном мониторе виднелись сотни карточек подключенных юзеров: большинство из них горели серым цветом, явно намекая на то, что пользователи мертвы.

Сколько людей...

Сколько жертв...

И все из-за того, что кто-то решил построить свой личный рай.

– Повторяю вопрос, Сара, – сказала детектив, на имени доктора сделав акцент. – Они могут выбраться из капсул?

– Нет, – тихо ответила Пэйн. – Мы перехватили управление. Теперь все вновь в нашей полной власти. Никто не сможет попасть или выбраться без нашего, – Сара всплакнула, замешкалась, но потом добавила: – одобрения.

– Хорошо, – лишь после этих слов детектив Хилл опустила пистолет и повернулась к Доусону.

– Что дальше? – спросил мужчина. – Наверняка внутри установки вы всякого натерпелись. И думаю, будет правильно если мы компенсируем ваше время весьма солидной суммой...

Уильям стоял с открытым чемоданом денег, смотря куда угодно, но только не на обнаженную грудь Кары. Детектив поставила пистолет на предохранитель, нашла свои вещи и оделась. Она видела деньги: там действительно было целое состояние. Ей и ее отцу хватило бы до конца жизни. До конца обеспеченной жизни, в которой они бы ни в чем себе не отказывали. Но...

– Вам это с рук не сойдет, – сказала Кара. – Слишком много людей погибло.

– Кара, – чемодан в руках Доусона дрогнул: впервые Уильям выглядел растерянным. – Подумайте хорошенько!

На столе доктора Пэйн стояла все та же недопитая бутылка виски и стеклянный стакан. Кара подошла, налила себе порцию и поднесла ко рту. Ей очень хотелось выпить. Хотелось напиться до беспамьятства и забыть все как страшный сон. Забыть кровь, забыть грязь, забыть смерть! Но сейчас она начала понимать, что это не выход. Сделав это, она проигрывает.

Проиграет самой себе...

Нужно что-то менять. Менять себя. Менять мир вокруг.

Глядя на бледное лицо Сары Пэйн – наверняка с утратой дочери она никогда не сможет справиться, – Кара поставила стакан обратно на стол. Спрятав пистолет в кобуру, детектив прошла мимо Доусона, даже не взглянув на его деньги в чемодане.

Кара Хилл дотронулась до ручки входной двери и уже собиралась уйти, но вдруг развернулась и спросила:

– Как его имя? Ублюдка, который владел ядром...

Эпилог

– Будешь? – спросил Боб.

Кара и Роберт стояли на кладбище возле небольшой мраморной плиты. Парень предлагал выпить: в его руках сверкала солнечными бликами полупустая бутылка крепкого алкоголя, но по Бобу не было видно, что он пьян.

– Нет, спасибо, – ответила она. – Я бросила.

В глаза светило солнце. Обычное желтое солнце, которое грело своими лучами. Солнце, глядя на которое у тебя всегда улучшается настроение. В синем небе над головой летали голуби и воробьи. Под ногами рос зеленый, аккуратно подстриженный, газон. Благодаря множеству декоративных клумб с цветами на кладбище приятно пахло свежестью.

– Я вот заливаюсь каждый день, с тех пор как мы выбрались, – сказал Боб.

Первое время Каре было непривычно видеть Роберта в обычной чистой одежде, плюс, стоящего на двух здоровых ногах. В реальной жизни парень выглядел довольно мило: ровные белые зубы, приятные черты лица, интересная стрижка. Совсем не похож на того человека, который связал и закинул ее в свою телегу и начал лапать грязными пальцами.

После событий в «НЕБЕ» они часто виделись. Суд над Сарой Пэйн и Уильямом Доусоном по своей медиа был сродни

взрыву ядерной бомбы. Об этом деле говорили все газеты и телеканалы всех стран мира. Лицо Сары и Уильяма знал каждый человек на планете земля. Такой громкий скандал не удалось замять ни миллионами долларов, ни связями в самых высших чинах.

Все пострадавшие и семьи погибших получили солидные компенсации. Конечно, это не могло вернуть близких, но прокуроры позаботились о том, чтобы состояние Уильяма Доусона как следует растрепали на части.

– До сих пор не могу привыкнуть, – улыбнулась Кара.

Боб постучал ногой о землю, немного хлебнув из бутылки:

– Да, – сказал он. – А представь, как был рад я, когда вылез из этой хреновины и встал на ноги. На обе ноги.

– Да уж, – детектив глянула на виски в руках Боба. – Не думал, тоже подзавязать?

Парень сначала рассмеялся, а потом закашлялся. Так сильно, что Каре пришлось хлопнуть его по спине.

– Это у тебя вся жизнь впереди, – сказал он, отдышавшись. – Мне осталось-то, типа, всего ничего. Помнишь, я рассказывал, – Бобби постучал пальцем по голове. – Опухоль, все дела. Хорошо, хоть благодаря компенсации я могу пить самое дорогое бухло в мире, да и в общем ни в чем себе не отказывать. У меня даже рецепт на марихуану есть, типа, прикинь! – засмеялся он. – Если сильно не загоняться по поводу смерти, то можно нормально жить, – подняв бутылку на уровень глаз, Боб добавил: – Это, типа, помогает. Не сильно,

конечно, но все же помогает. У тебя как дела? Как отец?

– Идет на поправку, – ответила Кара. – Врачи дают хорошие прогнозы. Так или иначе, у меня еще есть с ним время. И я стараюсь не упустить ни единой минуты.

– Рассказывала ему о том, что там случилось?

– Нет. Для этого у меня есть ты, – Кара подошла и подружески обняла Боба за талию.

Они вместе смотрели на могилу с букетом свежих цветов.

– Каждый день меняешь? – спросила Кара.

– Да...

Боб сел на одно колено рядом с плитой и прислонил бутылку к надписи «Здесь покоится Билл. Мой самый лучший друг. Человек, спасший мне жизнь».

– Думаю, ему бы, типа, понравилось, – сказал Боб.

– Скучаешь по нему?

– Еще как, черт возьми! – Боб сделал жадный глоток.

– Да, Билл был хорошим другом...

– Самым лучшим, – парень шмыгнул носом. – Что насчет Черных рук? Узнала, кто он был?

– Как и большинство серийных убийц, – ответила Кара. – Ничего примечательного. Обычный мальчик, на глазах которого отец задушил мать. Его имя никому ничего не даст.

Кара помолчала секунду. Ей даже вспоминать об этом человеке не хотелось.

– Спасибо тебе большое, что ты не стал рассказывать журналистам, адвокатам и прокурорам о том, что там случилось

внутри, и остальных уговорил не трепаться, – поблагодарила Кара. – Не хватало, чтобы его имя мусолили в газетах до окончания времен. Этот человек в аду, в своей персональной дьявольской петле, – сказав это, Кара хотела сплюнуть, но вовремя опомнилась, увидев вокруг себя могилы. – Сара Пэйн позаботилась об этом первым делом. Его вытащили из установки, но смерть Грэма он продолжит переживать до тех пор, пока не сдохнет. Не знаю как, но в порыве гнева, после смерти дочери, Сара сделала это. Она увидела, что в момент, когда Сайлент всадил нож себе в грудь, эмоциональное состояние ублюдка было максимально возбужденным. Учтывая, что примерно в это же время мы вышли и Пэйн вновь завладела ядром, то ей каким-то образом удалось записать это, после чего засунуть ему в голову...

– Новые технологии, типа, – улыбнулся Боб.

– Типа...

– Ты узнала, где его похоронили? – спросил Боб.

– Сайлента?

– Ага...

– Нет, – ответила детектив. – Доусон избавился от тела перед тем, как лабораторию накрыли.

– Но зачем?

– Кто его знает? Возможно, думал, что так ему влепят меньший срок... Если бы Грэма Сайлента, человека, который должен был умереть в газовой камере, нашли в капсуле погружения, представляешь, чтобы было?

– Да, но почему ты не рассказала об этом?

Кара глубоко вздохнула. Она сама задавала себе этот вопрос десятки раз. Почему она не выдала их гнусную махинацию, в которой наверняка было задействовано очень много людей: как врачей, так и работников тюрьмы...

Но ответом всегда было одно:

– Родственники жертв, – сказала Кара. – Они видели, как умирает дьявол. Они воочию наблюдали за тем, как Грэм Сайлент задохнулся в газовой камере. Представляешь, чтобы с ними стало, узнай они, что человек, жестоко убивший их детей, жен и сестер, на самом деле не умер в той камере? – Кара в очередной раз посмотрела на бутылку Боба. – Узнай они, что монстр, которого они ненавидели всем сердцем, на самом деле тоже был жертвой. Маленьким мальчиком, которого похитил безжалостный маньяк и воспитал по своему образу и подобию...

– Да, – Боб почесал гладко выбритый подбородок. – Погано как-то...

– Ага...

– В любом случае, – парень допил остатки алкоголя и поставил пустую бутылку на могильную плиту. – Каким бы говном ни был Грэм Сайлент, он дважды спас мою жизнь. Первый раз, когда снял меня со столба, не дав моей тощей заднице поджариться. А второй, когда вонзил нож себе в сердце...

Кара вспомнила тот миг. Вспомнила глаза Грэма, перед

тем как он воткнул в себя лезвие. Вспомнила его слова, перед тем как он нажал на спусковой крючок за нее...

Живи, Пуговка.

– Живи, Пуговка, – тихо повторила она.

Слегка опьяневший Боб обнял подругу за плечо, и они вместе двинулись к выходу. Сев в машину, Кара несколько секунд не заводила двигатель, смотря в зеркало заднего вида. Боб закурил сигарету и глянул на Кару:

– Поехали. Впереди целая жизнь, – выдохнув колечко дыма, он с улыбкой добавил: – У тебя так точно.

Обложка книги является авторской работой.

Всем МИР.